

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи



ЛЕОПА Александр Владимирович

**ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ
СТАБИЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА**

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

диссертация на соискание ученой степени
доктора философских наук

Научный консультант:
доктор философских наук, профессор
Кудашов Вячеслав Иванович

Красноярск – 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ФАКТОРА СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ.....	20
1.1. Содержание и структура исторического сознания как социального феномена.....	21
1.2. Стабилизационное историческое сознание: сущность, механизм формирования, характерные черты.....	51
1.3. Факторы, обуславливающие актуализацию исторического сознания в кризисных условиях.....	76
1.4. Особенности проявления исторического сознания в кризисные периоды.....	94
ГЛАВА 2. ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ.....	109
2.1. Современный глобальный кризис: причины и особенности.....	110
2.2. Кризис европоцентристского исторического сознания.....	132
2.3. Проблема глобализации и политизация исторического сознания.....	152
2.4. Изменение исторического сознания постсоветского общества.....	172
ГЛАВА 3. РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВА.....	192
3.1. Проблема смысла истории и его связи с направленностью развития в контексте глобального кризиса.....	194
3.2. Идентификационный кризис как проявление глобального кризиса.....	217
3.3. Образ России в европоцентристском историческом сознании.....	235
3.4. Роль исторического сознания в преодолении идентификационного кризиса российского общества	252
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	279
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	284

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Историческое сознание, как духовный продукт социальных процессов, является необходимой частью рационально-аксиологического дискурса, формирующего соответствующий образ жизнедеятельности социума. Определяя ценностную ориентацию социума в истории, историческое сознание содействует его саморефлексии.

Стабильное пребывание в уже устоявшейся исторической эпохе не способствует развитию исторического самопознания. В эти эпохи не являются актуальными проблемы исторического развития, смысла и предназначения истории. Для пробуждения и активизации исторического сознания нужно, чтобы произошли резкие изменения в социальной практике, тогда и наступит рефлексия. Изменения в исторической практике, содействующие наступлению рефлексии исторического познания возникают в кризисные периоды социального развития, когда под сомнение ставятся сложившийся образ жизни, традиции, трансформируются экономические и политические отношения, духовные основы общества, нормы морали и нравственности, когда общество теряет свою идентичность.

Именно таким переломным периодом в истории человечества, когда нарушился ритм стабильной общественной жизни, является современный этап мирового развития, который характеризуется все большим проявлением глобальных тенденций. Эти тенденции, с одной стороны, сопровождаются объективным разрушением старых и возникновением новых ценностей и ориентиров, социальных и культурных образований. С другой стороны, они носят и субъективный характер, который проявляется в стремлении некоторых социумов навязать миру свое цивилизационное устройство, свои ценности, культуру, образ жизни и мышления, навязав, тем самым своё доминирующее положение в мире.

Глобализация ставит под вопрос существование исторически сформировавшихся национальных образований, она ведет к размыванию национальных особенностей, формированию целого слоя «граждан мира», утративших свою историческую память и ощущения историчности. Это чревато потерей равновесия, ведет к разрушению среды обитания человека, ставит под угрозу существование человеческой цивилизации. В то же время глобализация вызывает противоположные явления и процессы, связанные с возрождением национальных движений, актуализируя проблемы защиты культурной уникальности и своеобразия. В ответ на нивелирующее действие глобализации многие народы стремятся сохранить и упрочить свои традиции, национальные особенности языка и культуры.

Современный глобальный кризис, охвативший все народы планеты, сопровождается кризисом идентичности, трансформацией духовных основ общества, падением критериев нравственности, распространением и рутинизацией преступности, наркомании. Для редукции антисоциальных явлений необходимо обращение к прошлому, возрождение положительно зарекомендовавших себя культурных традиций, изучение позитивного и негативного исторического опыта предшествующих поколений, переосмысление просчетов и извлечение из них уроков.

Многие современные процессы и явления социальной жизни требуют пристального обращения к истории для поиска в ней ответов на злободневные вопросы и выработки на основе богатого исторического опыта путей выхода общества из кризисного состояния. Поэтому изучение особенностей формирования исторического сознания в ситуации системного кризиса и выявление его роли как одного из главных факторов социальной стабильности выдвигается на передний план современной общественной жизни.

Таким образом, практическая важность и актуальность вопросов, связанных с исследованием исторического сознания, его особой роли в кризисном социуме, и их недостаточная научная разработанность позволили

сформулировать проблему и определить тему исследования «Историческое сознание как фактор социальной стабильности в условиях глобального кризиса».

Степень разработанности исследования

Проблема исторического сознания довольно широко рассматривалась как в зарубежной, так и в отечественной социально-философской литературе.

Изучению логико-теоретических и методологических проблем исследования исторического сознания посвящены работы А. Тойнби [261], С. Хантингтона [287], О. Шпенглера [308], К. Ясперса [315], Х.-Г. Гадамера [44], И. Г. Дройзена [73], П. Х. Хаттона [288], П. Сейшас [332] и др.

В отечественной философии эту проблему исследовали М. А. Барг [18], Р. А. Каменская [98], М. Ф. Румянцева [229], И. М. Савельева [233], которые обогатили и обновили проблематику исследования, углубленно изучали методологию исследования исторического сознания. Понимание сущности и структуры исторического сознания и их проблематики сформировались благодаря работам таких мыслителей, как П. Фейерабенд [279], К. Поппер [216], М. Фуко [281], создавшими модель исторического сознания, основанную на последовательной смене инвариантных структур.

Отмечая достижения таких известных зарубежных ученых, как Ф. Р. Анкерсмит [8], Р. Арон [10], Р. Коллингвуд [122], Г. Люббе [160], В. Виндельбанд [37], Э. Доманска [70], С. Фукс [328] рассматривающих специфику исторического сознания и разрабатывавших ценностную составляющую исторического процесса и исторического сознания, акцентируем внимание на анализе работ отечественных мыслителей, посвященных историческому сознанию. Эта проблема исследуется отечественными философами К. В. Хвостовой [290], В. А. Лекторским [149], О. А. Карловой [103], О. М. Медушевской [169], А. И. Панюковым [206], Н. С. Розовым [226]. Социальные и эпистемологические факторы, влияющие на формирование методологии исторического познания, исследовали в своих работах Н. А. Бердяев [26], Л. П. Карсавин [104] и др. В своих трудах они

анализируют взаимодействие методологии исторического познания и теории исторического процесса, вскрывают обусловленность эпистемологических концепций общеисторическими и социальными факторами, прослеживают особенности методологических построений в отечественной эпистемологической традиции. Эту исследовательскую традицию продолжили М. А. Барг [19], Л. А. Микешина [176], И. М. Савельева [233], В. Ж. Келле [107], Л. П. Репина [223] и др.

Значимые для современной эпистемологии проблемы исторического процесса, специфики понятий, концепций исторического сознания и познания, многоаспектности исторического сознания, находятся в центре внимания В. М. Межуева [172], А. Л. Андреева [7], О. Ф. Гаврилова [43], Н. П. Копцевой [128], М. А. Кукарцевой [137], М. Н. Чистанова [299], М. П. Яценко [318].

В целом в исследовании исторического сознания можно выделить четыре так называемых исторических парадигмы: 1) онтологическая (В. К. Кантор [101], В. М. Межуев [172], Л. А. Микешина [176], М. А. Кукарцева [137], А. Х. Самиев [234], М. Н. Чистанов [299]), рассматривающая историческое сознание как специфический способ мировидения, как один из основополагающих онтологических принципов современной культуры и цивилизации; 2) гносеологическая (К. В. Хвостова [289], А. И. Уледов [271], А. Л. Андреев [7], И. С. Кон [123], В. И. Кудашов [135]); 3) аксиологическая (М. А. Барг [18], Ю. А. Левада [146], А. С. Ахиезер [13]), оценивающих историческое сознание как механизм и основу преемственности, как осознание исторической идентичности; 4) социологическая (О. Ф. Гаврилов [43], М. Ю. Ширманов [306], Н. Г. Козин [120], Е. О. Труфанова [268]), акцентирующая внимание на социальном аспекте исторического сознания.

Современная проблематика исторического сознания и познания широко отражена в дискуссии на «Круглом столе» «Знание о прошлом в современной культуре» (Москва, август 2011), организованного Институтом

философии РАН, редакциями журналов «Вопросы философии» и «Российская история», Институтом Всеобщей истории РАН. Участники этого форума В. А. Лекторский, Б. И. Пружинин, А. Н. Медушевский, К. В. Хвостова, М. А. Кукарцева и др. основное внимание уделили прояснению различных позиций по ряду ключевых методологических подходов к оценке исторического знания и способов исторического познания.

Таким образом, историческое сознание как форма общественного сознания всегда оставалась в центре научного и философского осмысления. В то же время современная социальная и познавательная обстановка требует более углубленного анализа сущности этого понятия и дальнейшего исследования исторического сознания как социального феномена, а также его роли в условиях глобального кризиса.

Нужно признать, что если логико-теоретические и методологические проблемы исследования исторического сознания, эпистемологические проблемы специфики понятий и концепций исторического сознания, а также онтологическая, гносеологическая и аксиологическая его стороны получили достаточно широкое освещение в отечественной и зарубежной философии, то этого нельзя сказать о социальном аспекте исторического сознания, его социальных функциях. Тем не менее, анализируя социально-философские аспекты кризисного характера современной человеческой цивилизации (У. Бек [21], Э. Тоффлер [263], Д. Гайер [47], Ю. Хабермас [284], Х. Шуманн [167], Г. П. Мартин [167], А. Гидденс [329], К. С. Гаджиев [45], В. В. Согрин [248], В. Н. Порус [219]), изучая процессы современного этапа глобализации (А. С. Панарин [204], Ю. Ф. Абрамов [2], В. Иванченко [83], Н. Н. Моисеев [180]), отечественные и зарубежные мыслители отражают особенности проявления исторического сознания кризисного общества и выдвигают проблему его актуализации, хотя и не рассматривают его как фактор социальной стабильности.

Глобальный системный кризис вызвал потребность переосмысления смысла истории, её предназначения, рассмотрения в ретроспективе таких его проявлений, как *прогресс* (А. Арон [11], К. Ясперс [316], К. Беккер [322], О. С. Волгин [40], Н. Н. Моисеев [178]), *модернизация* (Г. Рормозер [227], Ю. Хабермас [283], Л. А. Мясникова [185], Д. В. Трубицын [267], В. Г. Федотова [273]), *глобализация* (Н. И. Конрад [125], А. А. Грякалов [61], Ю. Д. Гранин [60], А. А. Гезалов [52], Н. В. Падалка [201], А. Н. Чумаков [301, 302], Б. К. Джегутанов [69], Н. С. Розов [226], Дж. Сантаяна [235],).

Характер проявления глобального кризиса в европоцентристском историческом сознании отражен в работах А. Тойнби [261], Э. Валлерстайна [33], Й. Гудсблома [62], В. Ж. Келле [106], А. И. Извекова [86], М. Т. Степанянца [256]. Характер исторического сознания кризисного российского общества нашел отражение в работах Н. Верта [35], Р. Пайпса [202], А. А. Искендерова [94], В. В. Лапкина [143], Е. Г. Плимак [212], В. Попова [217], В. В. Согрина [247].

В контексте глобального кризиса актуальной темой социальной философии стал идентификационный кризис и роль исторического сознания в его преодолении. В данном поле исследований можно выделить три направления:

Первое направление представляют работы Ю. Хабермаса [283], С. Хантингтона [287], Дж. Э. Э. Актона [6], Ф. Р. Анкерсмита [8], У. Бека [21], Х. Ортеги-и-Гассета [198], К. А. Свасьяна [237], М. Лернера [152], Н. Г. Козина [120], О. Ф. Несрябиной [194], Е. Б. Рашковского [221], И. Н. Ионов [93], в которых рассматриваются теоретические основы идентификации, исторические основания идентичности, идентификационного кризиса западной цивилизации.

Ко второму направлению исследований можно отнести философские работы Т. Имады [89], А. Китахары [112], Р. Сибы [241], С. Цуноямы [294], в которых анализируются исторические корни, причины и особенности идентификационного кризиса восточных обществ. К этому направлению

можно отнести и исследования российских ученых: В. Г. Федотовой [276], Н. А. Железновой [75], В. Л. Иноземцева [91], Э. А. Баграмова [14], В. Г. Лысенко [159], Е. Л. Скворцовой [243], С. В. Чугрова [300], в которых анализируются идентификационные особенности таких восточных обществ, как Индия, Китай и Япония.

В рамках третьего направления, исследующего проблему истории формирования идентичности российского общества, причины его современного идентификационного кризиса, роли исторического сознания в преодолении кризиса, в поиске национальной идеи, в определении будущего России можно выделить работы И. Валлерстайна [33], Н. Дэвиса [74], Г. Рормозера [227], Н. А. Бердяева [25], Л. М. Барботько [16], А. И. Вдовина [38], А. Т. Горяева [59], Б. И. Зеленко [79], Ю. И. Игрицкого [84], И. А. Ильина [88], В. К. Кантора [101], Н. П. Копцевой [128], Т. И. Кутковца [138], А. И. Неклессы [193], Н. Н. Моисеева [178], А. С. Панарина [204], В. В. Согрина [248], М. Ф. Румянцевой [229], В. С. Семенова [238], Б. Н. Топорнина [262], Е. О. Труфанова [269], С. А. Экштута [312].

За последнее десятилетие кандидатские и докторские диссертации по исследуемой тематике представлены Д. К. Куликовым (Историческое сознание как социокультурная универсалия: Дисс. ... канд. филос. наук. – Ростов-на-Д., 2008), А. А. Линченко (Целостность исторического сознания: социально-философский аспект: Дисс. ... канд. филос. наук. – Липецк, 2006), М. Н. Чистановым (Историческое сознание как проблема социальной онтологии: Дисс. ... д-ра филос. наук. – Новосибирск, 2010), А. К. Скепкиной (Гносеологические аспекты структурирования исторического сознания: Дисс. ... канд. филос. наук. – Барнаул, 2009), Б. Г. Соколовым (Генезис исторического сознания в новоевропейской культуре: Дисс. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2004).

Объектом исследования является историческое сознание как феномен духовной сферы жизни общества во всей многоплановости его становления, бытия и функционирования.

Предметом исследования выступает историческое сознание как фактор социальной стабильности в современной ситуации глобального кризиса.

Гипотеза диссертации состоит в том, что для обеспечения социальной стабильности в условиях глобального кризиса необходимо формирование стабилизационного исторического сознания, отражающего коренные исторические черты существующего общества.

Цель и задачи. Цель исследования заключается в разработке целостной социально-философской концепции места и роли исторического сознания в обеспечении социальной стабильности, консолидации различных поколений и социальных групп в условиях глобального кризиса.

Исходя из этой цели, в диссертации намечено решение следующих задач:

1. Раскрыть содержание и структуру исторического сознания как социального феномена, провести анализ его духовных образований.
2. Дать определение вновь введенной в социальную философию категории «стабилизационное историческое сознание».
3. Определить основные характерные черты стабилизационного исторического сознания.
4. Проанализировать основные факторы, обуславливающие необходимость и возможность конструирования исторической памяти и исторического сознания.
5. Выявить особый характер проявления исторического сознания в кризисные периоды общественного развития и рассмотреть его как условие стабилизационного развития общества.
6. Выявить актуальность и особенности стабилизационного исторического сознания в условиях кризиса.
7. Раскрыть особенности глобального характера современного кризиса, провести его философско-антропологический анализ.

8. Предпринять анализ современного исторического сознания в условиях глобального кризиса.

9. Провести ретроспективный анализ прогрессистской, модернизационной и глобализационной концепций исторического процесса в контексте глобального кризиса.

10. Осуществить социально-философский анализ кризиса цивилизационной идентичности, выявить роль исторического сознания в определении путей устойчивого развития российского общества.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Источником социально-философских установок и логики-структуры диссертационного исследования послужили работы Р. Арона, М. А. Барга, Ю. Л. Левады, И. С. Кона и др., осуществивших комплексное исследование проблемы онтологии и гносеологии исторического сознания.

В отношении способа философского исследования диссертант отдает приоритет феноменолого-герменевтическому методу (Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр, Х.-Г. Гадамер, П. Рикер, Ж. Деррида, Г. Г. Шпет, А. Ф. Лосев и др.). Исходным пунктом данного метода является положение о том, что в историческом сознании объектом исследования является не сам исторический процесс, а то, как он нам является в исторических источниках и интерпретациях исторических фактов, будучи переработанным в сознании исследователя, как представителя общества и предстающим уже как «жизненный мир человека» (Гуссерль).

В диссертационном исследовании также используется герменевтический подход (В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, М. Хайдеггер, Ф. Шлейермахер и др.) в аспектах возможностей исторического знания, специфики исторической науки.

В работе автор использовал также диалогический подход, исследованный Ю. Хабермасом, М. М. Бахтиным, С. С. Аверинцевым в отношении гуманитарных и социальных наук, и актуализированный в настоящее время как серьезная эпистемологическая проблема

(В. Г. Федотова). Теоретической основой этого подхода являются идеи о диалогичности как определяющем свойстве сознания, и диалогичности текста, опираясь на которые, автор обращается к предшествующим исследователям исторического сознания для выяснения объекта и результатов исследований в интересах получения объективного знания. Представления автора диссертации о тексте, языковой реальности, интерпретации, понимании, смысле, когнитивной коммуникации и др. во многом сформировались под влиянием работ Х.-Г. Гадамера, П. Рикера, С. Сцонди, Е. Д. Хирша, Э. Ротхакера и др.

Рассматривая в контексте используемой темы проблему глобального кризиса, его особенностей и характера проявления, особенностей развития мирового сообщества, диссертант руководствовался понятиями о социальной реальности, разработанными в трудах А. Артамонова, У. Бека, Г. Бехмана, Б. К. Дзегуганова, А. С. Панарина, Н. С. Розова, Э. Тоффлера, В. Г. Федотовой, Ю. Хабермаса, О. М. Штомпеля. Использовались также и общенаучные методы: сравнительный анализ, дедуктивный метод.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что нами установлено: в условиях современного глобального кризиса конструктивные формы исторического сознания могут выступить фактором преодоления последствий кризиса и стабилизации общества, обеспечения его целостности и устойчивого развития.

1. Уточнены смысловые и содержательные границы категории «историческое сознание», выявлены особенности структуры исторического сознания.

2. Впервые в социальную философию введена категория «стабилизационное историческое сознание».

3. Впервые определены основные характерные черты стабилизационного исторического сознания.

4. Дан анализ основных факторов, обуславливающих необходимость и возможность конструирования исторической памяти и исторического сознания.

5. Выявлен особый характер исторического сознания кризисного общества, дан анализ изменений, происходящих в его содержании и структуре.

6. Доказано, что в кризисных условиях возрастает роль исторического сознания как фактора социальной стабильности.

7. Установлены особенности современного глобального кризиса в контексте его влияния на историческое сознание.

8. Проведен критический анализ современного европоцентристского исторического сознания, уточнены причины его кризиса.

9. Осуществлен ретроспективный анализ прогрессистской, модернизационной и глобализационной концепций исторического процесса.

10. Проведен социально-философский анализ кризиса цивилизационной идентичности, выявлена роль стабилизационного исторического сознания в определении путей устойчивого развития российского общества.

Положения, выносимые на защиту

1. Содержание исторического сознания представляет совокупность исторических знаний, исторического опыта, социального прогнозирования и исторической памяти. Структура исторического сознания как духовного образования общества включает в себя такие виды, как 1) реликтовые, 2) порожденные данным обществом, 3) проникающие в данное общество со стороны. По своему содержанию эти виды либо соответствует, либо не соответствуют коренным чертам данного общества.
2. Историческое сознание как социальный феномен определяется, во-первых, как связь прошлого, настоящего и будущего. В данном случае под историческим сознанием понимается осознание обществом своего прошлого

в его связи с настоящим и будущим. Во-вторых, историческое сознание рассматривается с точки зрения его положения в структуре общественного сознания. Здесь оно выступает как специфическая форма общественного сознания в онтологическом и рефлексивном статусе.

3. Под стабилизационным историческим сознанием понимается такой тип исторического сознания, основным элементом которого является нормативное историческое знание и которое выражает коренные исторические черты существующего общества, его ценностные установки. Данное историческое знание отличается нормативный характер, который разрабатывается на основе государственной идеологии и формируется посредством изучения курса отечественной истории в школе, вузе, через средства массовой информации и коммуникации. В результате в историческом сознании общества складывается положительный исторический образ данного общества.
4. Стабилизационному историческому сознанию, обеспечивающему позитивное воздействие на стабильность общества, присущ ряд характерных черт. С гносеологических позиций первой характерной чертой выступает истинность нормативного исторического знания, формируемая в процессе познания истории. В процессе исторического познания вырабатывается историческое знание, которое определяет механизм существования исторического сознания в целом. Второй характерной чертой стабилизационного исторического сознания является диалоговая связь между историческим источником, его содержанием и новой концепцией за счёт установления новых фактов или репрезентации старых, и преобладание рациональной и аргументированной реконструкции, основанной на систематическом обобщении значительного количества разнообразных архивных материалов.
5. Рассмотрение характеристики стабилизационного исторического сознания с социально-философской стороны предполагает рассмотрение соотношения различных его форм. Одной из характерных черт здесь выступает

преобладание целерациональной формы над ценностно-рациональной, монументальной над антикварной, этатистской над либеральной, имперской над провинциальной, апологетической над критической, толерантной над ригористской. Второй характерной чертой является преобладание в стабилизационном историческом сознании тех видов духовных образований, которые соответствуют коренным историческим чертам данного общества. Главным доказательством их преобладания является сам факт существования данного общества и позитивная оценка населением страны проводимого политического курса правительства на обеспечение стабильности и устойчивого развития общества.

6. В современных условиях историческая память, представляя целенаправленное обращение к истории, подвергается конструированию, идеологической обработке с целью формирования образов прошлого. В условиях глобализации остро встает вопрос о сохранении своеобразия и самобытности общества, здесь историческое сознание может выступать как средство изменения общественного сознания в политических целях. В быстроменяющемся мире, когда отвергаются традиции и обычаи, люди испытывают потребность в стабильности. Изобретение новых традиций создают иллюзию иммунитета перед переменами. В первую очередь, историческая память подвергается конструированию со стороны государства, которое активно участвует в интерпретации и определении значимости отдельных исторических событий. Поскольку каждая эпоха избирательно подходит к событиям прошлого, содержание исторической памяти может меняться. С расширением информационного пространства происходит формирование альтернативных вариантов исторической памяти в российском обществе, в том числе и в интересах обеспечения его стабильности.
7. В кризисные периоды историческое сознание испытывает мощное давление со стороны идеологии, политики, экономики, которое меняет взаимоположение элементов его структуры. Для исторического сознания кризисного общества характерны усиление политизации, мифологизации,

популизма и ригоризма, экспрессивности, навязчивого распространения элементов исторического сознания, отрицающих традиционные основы существующего общества.

8. Основными факторами, обуславливающими актуализацию исторического сознания в кризисных условиях являются: потребность осознания связей новых социальных форм и их включения в контекст мировой истории, прогнозировании проблем будущего в связи с кардинальными социальными изменениями; компенсаторная функция исторического сознания, опирающаяся на осознание величия страны, дающая перспективу на положительное развитие общества; стремление сохранить свою идентичность, потребность в уверенности в завтрашнем дне, вызванная все большим приобретением человеческой цивилизацией черт фатальности; необходимость восстановления прерванной связи между историческими корнями и будущим.
9. Особенности современного глобального кризиса является, во-первых, его социокультурный тотальный характер. Во-вторых, по своим коренным основаниям современный кризис является кризисом ценностей. В-третьих, современный глобальный кризис носит экзистенциальный характер. Кризис исторического сознания является следствием кризиса западнцентристского миропорядка, основанного на идее национального, антропологического, экономического превосходства европейской цивилизации над остальными народами.
10. Современный кризис европоцентристского исторического сознания, во многом обусловлен кризисом современных форм рационализма, который, в свою очередь, тесно связан с цивилизационным кризисом культуры Запада. В историческом сознании идут процессы размывания идентичности, утраты исторической памяти и традиций. Другой причиной кризиса является то, что эпоха сверхдержав становится реликтом истории, важную роль для мировых процессов начинают играть разные центры сил. Европоцентристская ориентация, присущая сознанию российской элиты, показала свою

несостоятельность и проявилась в кризисе исторического сознания, как сознания разорванного: во-первых, с традициями русской культуры, во-вторых, с традициями социалистического периода нашей страны. Культура – процесс неразрывный и деконструкция исторической памяти ведет к деформации ценностного мира общества.

11.Смысл истории в контексте глобального кризиса представляется как достижение определенных целей, усвоение общечеловеческих ценностей. Абсолютизация идей прогресса, модернизации, глобализации, как смыслообразующих в экономической, политической и социальной жизни без их должной критики является несостоятельной в масштабах истории человечества. Идея смысла истории является вполне обоснованной при рассмотрении её с антропологических, этических и аксиологических позиций.

12.В условиях глобального кризиса происходят качественные изменения идентичности личности и общества. Под влиянием объективных и субъективных процессов в экономике, культуре, политике усиливаются внешние и внутренние флуктуации, которым подвергается культурная идентичность общества и человека, человеческая экзистенция теряет свое равновесие, свою стабильность и определенность. Важная роль в преодолении идентификационного кризиса общества, обеспечения его стабильности и устойчивого развития принадлежит стабилизационному историческому сознанию.

Достоверность и обоснованность выводов обеспечивается обращением к широкому кругу социальных явлений, использованием большой совокупности научных источников и применением адекватных методов познания.

Научно-теоретическая и практическая значимость исследования

Полученные результаты исследования дают возможность вскрыть существенные связи между различными явлениями в историческом сознании и, таким образом, осуществить переход от описания этих явлений к их

научному объяснению. Выносимые на защиту концептуальные положения могут послужить философско-методологической основой для использования исторического опыта в поисках путей преодоления идентификационного кризиса, обеспечения устойчивого развития российского общества, для разработки концепции национальной безопасности Российской Федерации.

Выводы и материалы диссертаций могут быть использованы в подготовке научных исследований и учебных пособий, в преподавании курсов по философии истории, социальной философии, социальной психологии, политологии, социологии, истории.

Апробация работы

1. Основные положения диссертационного исследования представлены в трех монографиях и 44 статьях, в том числе 15 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК РФ, общий объем публикаций составляет 54,8 п.л.

2. Материалы диссертационного исследования использованы при чтении курса «Философия» в Сибирском федеральном университете (Ачинский филиал).

3. Материалы диссертации использовались при подготовке двух учебных пособий по курсу «Философия» с грифом УМО.

4. По результатам исследований были сделаны доклады на ряде международных, всероссийских и региональных научных конференций. В частности, автор участвовал в работе Межвузовской научно-практической конференции, г. Красноярск, 16 мая 2006 г.; Международной научно-практической конференции «Инновационные процессы в современном образовании России как важнейшая предпосылка социально-экономического развития общества и охрана окружающей среды», г. Ачинск, 29–30 апреля 2010 г.; Международной заочной научно-практической конференции «Инновации и традиции современной школы», г. Чебоксары, 29 мая 2010 г.; Всероссийской научно-практической конференции «Повышение качества высшего профессионального образования», г. Красноярск, 15 октября 2010 г.;

Международной научно-практической конференции «Развитие интеллектуального и инновационного потенциалов поколений регионов в трансформирующемся обществе», г. Губкин, 25–26 ноября 2010 г.; Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и научно-технический прогресс», г. Губкин 7 – 8 апреля 2011 г.; Всероссийской конференции «Молодежь и наука», г. Красноярск, 19–25 апреля 2011 г.; 5-й Международной научно-практической конференции «Философия в техническом вузе», г. Санкт-Петербург, 21–22 июня 2011 г.; III Международной научно-практической конференции «Современные трансформационные экономические и социально-политические процессы», г. Абакан, 23–25 ноября 2011 г.; Международной заочной научно-практической конференции «Актуальные научные вопросы: реальность и перспективы», г. Тамбов, 26 декабря 2011 г.; Международной заочной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные проблемы науки и образования в XXI веке», г. Тамбов, 31 января 2012 г.; Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Инновационные процессы в современном образовании России как важнейшая предпосылка социально-экономического развития общества и охрана окружающей среды», г. Ачинск, 25–26 апреля 2013 г.

5. Диссертация обсуждена на кафедре философии Сибирского федерального университета.

Структура и объем диссертации

Структура диссертации определяется логикой исследования. Текст состоит из введения, трех глав, в каждой из которых по четыре параграфа, заключения и списка литературы (включающего 334 источника), насчитывает 311 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ФАКТОРА СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

В кризисных условиях значительно возрастает роль исторического сознания как фактора социальной стабильности, поскольку любой социум в интересах сохранения устойчивого развития стремится сформировать в общественном сознании положительный образ своего исторического прошлого. В этой связи возрастает значение консолидирующей функции исторического сознания, обеспечивающей единство целей и интересов общества на основе осознания общности исторических корней.

Для понимания места и роли исторического сознания в кризисном социуме представляется необходимым раскрыть его особый характер в кризисной ситуации, проанализировать те изменения, которые происходят в его содержании и структуре.

Для начала исследования проблемы исторического сознания как фактора социальной стабильности в условиях глобального кризиса необходимо рассмотреть сами теоретико-методологические основы его исследования. Большое значение имеет проблема исторического сознания как социального феномена, его социально-философский анализ. При этом первоочередным является рассмотрение проблемы содержания и структуры исторического сознания.

Особый акцент в первой главе диссертации делается на углубленном исследовании специфики исторической гносеологии и влияния её на формирование конструктивного исторического сознания, способного оказать позитивное воздействие на стабильность общества.

Также в этой главе анализируются теоретические и методологические аспекты исторического сознания: рассматриваются содержание и структура исторического сознания как социального феномена, а также проблема актуализации и особенностей исторического сознания социумов в кризисное время.

1.1. Содержание и структура исторического сознания как социального феномена

Исследование исторического сознания предполагает рассмотрение методологических проблем, которые позволят более глубоко и всесторонне раскрыть сущность исторического сознания, определить методы его анализа.

Задачей данного параграфа является выявление содержания и структуры исторического сознания как социального феномена.

В данном отношении представляют особый интерес исследования Д. Вико по проблеме методологии исследования исторического процесса и исторического сознания. Рассматривая в ретроспективе особенности познавательной деятельности людей различных эпох, характер их мыслей и идей и их опосредованность знаково-символическими формами культуры, Д. Вико в качестве особенности «языческих наций» выделяет их склонность к художественному, чувственному восприятию окружающего мира. На более позднем этапе развития человечества у людей формируется «мудрость философская». В отличие от «мудрости поэтической», характерным для неё является рефлексия, способность к обобщению, выделению сущности явлений. В процесс исторического познания, по мнению Д. Вико, и с ним следует согласиться, необходимо признавать равноценность обеих мудростей [36, с. 132], или говоря современным языком, рационального и эмоционального.

Большое значение для нашего исследования имеет поставленный В. Виндельбантом [38] вопрос о специфическом способе познания социальной действительности, а также о форме сознания, связанной с этим способом. Причисляя естественные науки к «наукам о законах», для которых свойственно «номологическое мышление», к которым он относит и историю, В. Виндельбанд выделяет «науки о событиях» с «мышлением идеографическим», направленные на установление неповторимых в своей индивидуальности явлений и событий действительности. Выдвигая в качестве основного метода познания «теоретический рассудок», то есть

метод рационализма, В. Виндельбанд и Г. Риккерт справедливо отмечают, что в процессе познания важное место должен занимать ценностный подход. «Из нашего понятия познавания следует, – отмечает Г. Риккерт, – что последний базис знания есть совесть» [224, с. 156].

Феноменолого-герменевтический метод предполагает действия, приводящие к упрощению исследуемого объекта, его редукции, к восстановлению мира повседневной жизни человека, «жизненного мира», который является источником знаний об истории. Э. Гуссерль жизненный мир рассматривал «как идею [...] интерсубъективно обобщённого опыта [...]» [64, с. 467, 468].

Важное методологическое значение для нашего исследования имеет статья основоположника теоретической истории К. Гемпеля «Функции общих законов» [53], в которой он рассматривает проблему общих законов в истории и приходит к выводу, что научно полноценными исторические объяснения могут стать «[...] только при использовании универсальных гипотез и универсальных законов [...]». Главные тезисы Гемпеля: единство эмпирических наук и общность методологии, необходимость формулирования и проверки общих гипотез [...] для полноценного научного объяснения» [226, с. 31]. Мы также вполне согласны с Н. С. Розовым в том, что настало время восстанавливать и оправдывать многие ранее авторитетные общепризнанные категории философии, такие как сущность, причина, закон, закономерность, фактор и др. [226, с. 41 – 49]. Признание таких методологических оснований исторических исследований позволяют нам всесторонне рассмотреть теоретические основы исторического сознания, раскрыть его содержание и структуру.

Известно много попыток определения, что такое историческое сознание, каково его место в системе общественного сознания. Освещая эту сторону проблемы, нужно иметь в виду, что историческое сознание представляет собой многомерное явление духовной сферы общественной жизни, его нельзя рассматривать односторонне. Такой характер

исторического сознания отразился и на многостороннем подходе к его определению. Представляется необходимость рассмотреть два подхода к решению данной проблемы. При первом подходе в основу определения исторического сознания кладется онтологическая связь прошлого, настоящего и будущего. Во втором историческое сознание рассматривается с точки зрения его положения в структуре общественного сознания.

Теоретической основой рассмотрения сущности исторического сознания в онтологической связи прошлого и настоящего стало представление о такой связи Г. В. Ф. Гегеля: «[...] так как мы имеем дело лишь с идеей духа и рассматриваем во всемирной истории всё лишь как его проявление, мы, обзревая прошедшее [...] имеем дело лишь с настоящим [...]; наличествующая настоящая форма духа включает в себе все прежние ступени [...]. Те моменты, которые дух, по-видимому, оставил позади себя, он содержит в себе и в своей настоящей глубине» [49, с. 125].

Вполне можно согласиться с этой точкой зрения Г. В. Ф. Гегеля. Изучая историческое прошлое, мы оцениваем его с позиций современности, а современность оцениваем как итог всей предшествующей истории. Аналогично и будущее рассматривается как продолжение тех общественных явлений, которые существуют в настоящем. Прошлое, настоящее и будущее представляют собой, как бы е блоки, из которых складывается историческое развитие. Они «предстают в контексте деятельности как её главные структурно образующие элементы: прошлое – как предпосылка, предмет деятельности, будущее – как её результат, присутствующий в настоящем в виде цели или замысла, а само настоящее – как её процесс, в ходе которого прошлое переходит в будущее» [173, с. 84]. Таким образом, прошлое и будущее представляют собой единый поток времени, тянущийся в истории и объединенный человеком как субъектом истории [193, с. 58].

Подобные размышления мы обнаруживаем в XIX веке у А. С. Хомякова – одного из основоположников славянофильства: «Справедливо говорят, что тот не понимает настоящего, кто не знает

прошедшего; но неужели же можно узнать невидимое прошедшее, нисколько не зная видимого настоящего? Разве оно не в самой тесной в самой непрерывной связи?» [292, с. 33]. Или, иными словами, нельзя понять настоящее, не зная прошлого, и нельзя понять прошлое, не имея представления о настоящем. «Незнание прошлого приводит к непониманию настоящего» [29, с. 27].

Следует заметить, что впервые осознает необходимость познания истории для ориентации в настоящем ещё Гомер [306, с. 68 – 70].

Раскрывая взгляды представителей первого подхода, отметим, что с феноменологической точки зрения одним из первых дал определение историческому сознанию А. Шюц. Он рассматривал историческое сознание как интегральное воспроизведение тех смысловых актов, которые позволяют выявить и осмыслить прошлое как воспринимающий преемник, который формирует историю, вскрывая основные моменты существования во времени. Прошлое имеет ту особенность, «[...] что переживаниям сознания "alter ego" мира предшественников не могут быть соотнесены каким-либо Сейчас и Так моей длительности в подлинной синхронности» [311, с. 952].

Французский мыслитель Реймон Арон следующим образом сформулировал понятие «историческое сознание»: «На мой взгляд, – отмечает он, – историческое сознание [...] включает в себя три специфических элемента: осознание диалектики между традицией и свободой, стремление постигнуть реальность или истинность прошлого, чувство того, что связь между социальными организациями и творениями рук человеческих не является случайной или не имеющей значения связью, но что она касается самого главного для человека» [11, с. 52].

Но что же на самом деле понимает Р. Арон под этим определением исторического сознания? На наш взгляд, он фиксирует историчность человека или деятельный признак исторической действительности. Далее он пишет: «Люди не подчиняются судьбе пассивно, они не довольствуются овладением традициями, которые в них вложило воспитание, они могут их

понять, принять или отвергнуть [...] человек, который через деятельность хочет быть свободным в истории, хочет также быть свободным благодаря знанию. Познание прошлого – это способ освободиться от него [...]» [11, с. 52].

Проблему исторического сознания рассматривали в своих исследованиях М. Хайдеггер, Р. Коллингвуд, П. Сейшас. Как «временную экзистенцию» [285, с. 55] представляет историческое сознание М. Хайдеггер. Р. Коллингвуд, выдвигает в качестве основания для познания исторического процесса «априорную идею» истории [122, с. 237]. Отмечая тот факт, что теоретические исследования исторического сознания все ещё являются редкими, П. Сейшас акцентирует внимание на том, что «[...] наше понимание прошлого формирует наше чувство современности и будущего: это историческое сознание» [332, с. 21].

Онтологическую связь прошлого и настоящего кладут в основу определения исторического сознания и ряд отечественных исследователей. М. А. Барг, одним из первых в отечественной философии применивший термин «историческое сознание», дает следующее определение историческому сознанию: «Это такая форма общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени – прошлое, настоящее и будущее» [18, с. 49]. Подобное определение историческому сознанию дает И. С. Кон. Под историческим сознанием он понимает «[...] осознание обществом, классом, социальной группой своей исторической идентичности, своего положения во времени, связи своего настоящего с прошлым и будущим» [123, с. 15]. Схожее определение историческому сознанию дает А. Х. Самиев, который понимает под ним осознание обществом своего прошлого, связи его с настоящим и будущим [234, с. 3].

С таким подходом к определению исторического сознания вполне можно согласиться. Изучая и оценивая прошлое с позиции настоящего, а настоящее, рассматривая как следствие предшествующего развития, мы воспринимаем будущее как проекцию социальных процессов современности

на последующем этапе развития общества. Прошлое, настоящее и будущее в этом срезе не являются автономными пространствами, они соединены единым потоком времени, историей, их объединяет человек как субъект исторического процесса. В то же время нельзя согласиться с пониманием исторического сознания как суммы накопленных исторических знаний и представлений. В данном случае историческое сознание отождествляется с исторической памятью.

Приступая к анализу второго подхода к определению исторического сознания, к рассмотрению его положения в структуре общественного сознания, необходимо отметить, что по данному вопросу в социальной философии не сложилось единого мнения. Здесь можно выделить две основополагающих позиции.

Первая состоит в том, что историческое сознание представляется как особая форма общественного сознания, в общем ряду с политическим, экономическим, правовым, философским, нравственным и другими на том основании, что оно запечатлевает не различные структуры, институты, виды деятельности, как все другие формы общественного сознания, а аспекты стабильности и изменчивости в их временном бытии. Так представляют историческое сознание Ю. А. Левада [146, с. 191], М. А. Барг [18, с. 49] и др.

Сторонники второго взгляда на сущность исторического сознания, признавая это понятие, в то же время не признают историческое сознание как особую форму общественного сознания. По их представлениям, историческое сознание является одним из элементов общественного сознания всех его существующих форм, а анализ любой формы общественного сознания осуществляется в тесной связи с историческим сознанием. Каждая из этих форм общественного сознания несет в себе историческую составляющую, поскольку анализ любой сферы жизни общества – экономической, политической и других предполагает изучение их в ретроспективе для объективной оценки настоящего и проектирования будущего. В частности, О. Ф. Гаврилов, таким образом, сформулировал

взгляды своих единомышленников на сущность исторического сознания: «Сознание является историческим в силу следующих особенностей: а) оно ретроспективно по содержанию [...]; б) его формирование осуществляется в процессе взаимодействия субъекта с исторической реальностью, развивающейся во времени от прошлого через настоящее к будущему; в) историческое сознание является своего рода инструментом, с помощью которого устанавливаются связи между временными отрезками развивающейся действительности». «Следовательно, – делает вывод О. Ф. Гаврилов, – сознание исторично по своему содержанию, принципу формирования и по функциям [...]» [43, с. 40].

Исходя из такого определения сущности исторического сознания и его позиции в структуре общественного сознания, можно сказать, что историческое сознание есть специфический субъективный образ объективной действительности, проявляющийся во всех формах общественного сознания.

Первоначально при рассмотрении этих концептуальных взглядов на определение исторического сознания, может сложиться впечатление, что они являются противоположными. Действительно ли это так? Разъясняет эту ситуацию А. И. Панюков, опираясь на представления А. М. Гендина и предлагая рассмотреть сущность исторического сознания, как в узком, так и в широком её понимании. В узком смысле, отмечает А. И. Панюков, «[...] это есть собственно историческое сознание как отражение прошлого в общественном сознании [...]. Это не особая форма общественного сознания, а временной срез всех форм общественного сознания [...]» [206, с. 43]. В широком смысле А. И. Панюков рассматривает историческое сознание как особую форму общественного сознания, воспроизводящую и реализующую связь поколений и времен [206, с. 43].

Таким образом, можно считать, что эти две позиции по отношению к историческому сознанию не противоречат друг другу. Суть состоит в том, что историческое сознание является сложным феноменом духовной сферы общественной жизни и его нельзя рассматривать лишь в одном аспекте.

Методологическим принципом здесь должна стать многоплановость подхода к исследованию исторического сознания, обусловленная его многосторонними связями и отношениями с другими формами общественного сознания. Следовательно, два указанных взгляда раскрывают разные грани, разные стороны исторического сознания.

Важным этапом в нашем дальнейшем исследовании исторического сознания является проблема выявления его содержания. Ряд исследователей в содержание исторического сознания включают всю сумму исторических знаний и представлений, существующих в обществе к настоящему моменту, независимо от того, какие исторические события являются актуализированными и используются данным обществом для решения проблем сегодняшнего дня и прогнозирования будущего [54, с. 29; 314, с. 160]. Вряд ли с этим следует согласиться. Богатое историческое прошлое, насыщенное многими фактами и событиями, отстоящими от нынешнего времени на различном удалении, далеко не всё привлекает внимание человека и общества, далеко не всегда оно интересует нас во всей полноте и многосторонности. В различные этапы своего развития общество обращается лишь к тем историческим периодам, событиям, фактам, которые являются актуальными для него на данный момент, потребность в которых вызывается их практической значимостью. Только такие элементы исторического прошлого запечатлеваются в индивидуальном и общественном сознании. Следовательно, в содержание исторического сознания следует включать только то историческое прошлое, которое актуализировано в обществе, которое имеет практическое значение сегодня и позволяет прогнозировать будущее.

В понятие содержание исторического сознания входят исторические знания, создающие предпосылки для осмысления и интерпретации социальной жизни. В каждой общности, социальной и национальной, складываются соответствующие знания о своем прошлом, о своих исторических корнях, героях, об истории других обществ, всего мирового

сообщества. Только история дает возможность представить историческое время, тесную связь эпох, может оценить настоящее и будущее. В свое время Тит Ливий писал: «В том и состоит главная польза и лучший исход знакомства с событиями минувшего, что видишь всякого рода поучительные примеры в обрамление величественного целого; здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать, здесь же – чего избегать: бесславные начала, бесславные концы» [153, с. 27].

Взлет и падение могущественных государств, великие достижения в науке и технике, трагедии разрушительных войн, высокая духовность и нравственное разложение, прозорливость политических вождей и их несостоятельность – все это составляет реалии исторического процесса, которые оказывают большое воспитательное воздействие и выступают важным фактором стабилизации или дестабилизации общества.

Историческое сознание сориентировано на исторические события, которые для людей являются не только предметами абстрактного внимания или объектами уважения, но и актуальными образами ряда злободневных проблем экзистенциального характера, которые требуют участия в их разрешении. Другими словами, функции исторического сознания не ограничиваются только решением задач эпически-повествовательного или информативного характера. Наоборот, оно всегда насыщено аксиологическими задачами, задачами поиска смысла и значения происходящего для современного бытия.

Прошлое на самом деле существует лишь в тесной связи с настоящим, которое содержит в себе новые тенденции и возможности, еще не осуществленные в истории. Интерес людей к прошлому обусловлен их потребностью не только знать свою историю, но и жить в истории, чувствовать её. Этот интерес, выраженный в форме исторического самосознания людей, раскрывает им смысл их собственного существования в истории, во времени, в котором они живут, того конкретного исторического мира, к которому они принадлежат.

Конечно, нужно признать, что история сама по себе не изменяет жизнь людей и общество в целом, не диктует им определенную программу действий, но без истории все лишается основ. Нельзя осуществить конкретные мероприятия в различных областях человеческой деятельности, не зная того, что им предшествовало во времени. История является для нас инобытием наших современных проблем. Отсюда следует, что историческое сознание содержит в себе не только знания исторических фактов. Важными его элементами также являются исторический опыт, представляющий собой сплав знаний и умений, приобретенных человеком в процессе жизнедеятельности, а также вытекающие из этого опыта уроки истории. Исторические уроки предполагают осмысление прошлого в интересах реализации потребностей сегодняшнего дня и прогнозирования будущего, которого не существовало в прошлом.

Иначе говоря, историческое сознание в своей основе несет ощущение тесной взаимосвязи исторического времени: прошлого, настоящего и будущего, как единого потока времени, в котором происходят смена поколений, взаимосвязанные генетически и причинно события и, соответственно высокую историческую ответственность индивида и общества за свои действия перед памятью своих предшественников и судом потомков. Следовательно, историческая реальность существует не сама по себе, а как составная часть истории человечества, включающая в себя настоящее и будущее. Итак, исторический опыт и исходящие из него уроки истории формируются в процессе поиска в историческом прошлом образцов поведения или примеров и позволяют не допустить ошибок, определить наиболее приемлемые для общества пути достижения общественных целей.

Относительно исторического опыта и уроков истории следует отметить, что они часто находятся на устах политических и общественных деятелей, на них при необходимости ссылаются, но далеко не всегда следуют им. Такую закономерность отмечал еще Г. Гегель, утверждая, что правительства и народы никогда не учились у истории и тем более не

действовали согласно вытекающим из истории урокам. Это он объяснял тем, что каждая эпоха отличается особым индивидуальным состоянием, свойственным только ей своеобразием обстоятельств и поэтому, только основываясь на них, можно судить о данной эпохе [51, с. 7, 8].

Возражая на этот счет Г. Гегелю, В. О. Ключевский писал: «Если это даже правда, истории нисколько не касается как науки: не цветы виноваты в том, что слепой их не видит. Но это и неправда: история учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучивает за невежество и пренебрежение. Кто действует помимо ее или вопреки ее, тот всегда в конце жалеет о своем отношении к ней» [117, с. 307].

Историческое сознание также несет в себе такой содержательный аспект, как социальное прогнозирование, которое основывается на всестороннем исследовании происхождения и развития исторического процесса и формирующихся в нем основных тенденций, экстраполируемых в будущее. Такое прогнозирование не должно быть основано на конструировании какой-либо утопии, оторванной от объективной реальности или на создании идеальной абстрактной социальной модели. Историческое прогнозирование должно основываться на научном, объективном познании исторического процесса, на адекватном обобщении опыта истории и извлеченных на его основе уроков. Научное прогнозирование должно заключаться в выборе наиболее приемлемой из всех имеющихся на данном этапе альтернатив.

Таким образом, содержание исторического сознания является нам как синтез исторических знаний, осмысленного опыта прошлого, уроков, которым учит история, и научного предвидения будущего с учетом инвариантности прошлого и многовариантности будущего. В данном значении историческое сознание является важнейшим средством и условием понимания сущности общественного развития в его исторической перспективе и возможности управления общественными процессами. Для

личности историческое сознание является важной предпосылкой адекватного поведения в соответствующей исторической ситуации.

Внутренняя организация содержания исторического сознания проявляется через его структуру, в которой можно выделить три уровня исторического сознания. Первый – обыденный уровень. На этом уровне каждый человек в своей повседневной жизни встречается с историей как посредством материальной культуры, используя орудия труда, переданные по наследству предшествующими поколениями, так и духовной культуры (норм, традиций, обрядов и т. д.). Причем это знакомство с историей происходит независимо от того, осознанное оно или неосознанное. Обыденное историческое сознание формируется в процессе повседневной жизни человека и общества на основе приобретаемого опыта. Основными источниками получения знаний о прошлом являются мифы, предания, сказания, воспоминания, исторические памятники культуры. В основе формирования обыденного уровня исторического сознания лежит социальная память, в которой хранятся образы материального и духовного мира прошлого. Т. Гоббс считал, что эмпирический уровень исторического знания основывается на исторических фактах, которые познаются на уровне ощущений, представлений и закрепляются в памяти [57, с. 62].

Второй уровень можно назвать эмпирическим, когда социальный субъект уже осознанно, на основе личного опыта, формирует свое историческое сознание, обращаясь к произведениям кино, радио, телевидения, художественной литературы, живописи, театра. И хотя на этом уровне складывается определенная совокупность знаний об истории, их, по сути, еще нельзя назвать систематическими знаниями.

Особенностью третьего, теоретического уровня исторического сознания является то, что здесь происходит теоретическое осмысление процесса истории. На данном уровне исторический процесс рассматривается всесторонне, в связях и отношениях, анализируются его положительные и отрицательные стороны. Анализ исторического прошлого осуществляется

здесь с помощью специальных теоретических методов. При этом используется широкий круг научных категорий, позволяющих представлять общество в динамике, развитии, видеть исторический процесс в его непрерывной связи настоящего, прошлого и будущего. История как наука здесь выступает носителем теоретического уровня исторического сознания. Особые принципы и методы научно-теоретического сознания обеспечивают своеобразный характер теоретического осмысления истории человеком и обществом. Научно-теоретическое мышление как мышление рациональное характеризуется доказательностью и системностью.

Источниками, используемыми теоретическим сознанием, являются исторические легенды, предания, мемуары, материальная культура, географическая среда и психологические особенности человека. С позиции социально-духовной и предметно-преобразующей деятельности людей некоторые исследователи [11, 63, 98, 206, 290] выделяют следующие источники исторического знания: мифология, фольклор, исторические традиции, историческая утопия, воспоминания о прошлом, эпос, летописи, мемуары и др.

Также, внутренняя организация содержания исторического сознания проявляется через различные формы, представляющие собой способы существования исследуемого феномена. Если рассматривать историческое сознание с позиции специфики запечатления исторических событий во времени, то можно выделить следующие его формы – миф, хроника и наука. Основной чертой мифического сознания является нерасчлененность исторических образов. В мифическом сознании эффективность и мышление не разделяются, сакральное и настоящее время присутствуют одновременно. Сакральное время опирается на нерасчлененное «знание – веру». Как идеал, к которому стремится человеческое общество, выступает легенда о золотом веке, и неважно, в каком направлении – в прошедшем или будущем. В основе исторического мифа лежат вымыслы, эмоции, воображения, и, соответственно, история представляется как вымышленный образ, который

заменяет в сознании реальную историю. Формируемые коллективным воображением и навязанные историческому сознанию исторические мифы при этом способствуют возникновению социально конформного исторического мировосприятия и соответствующих образцов общественного поведения. По мнению В. А. Тереховой, современные мифы создаются определенными общественными силами с целью сознательного манипулирования историческим сознанием населения в своих интересах [260, с. 88].

В хронистической форме исторического сознания, в отличие от мифологической, запечатлеваются события действительные, имевшие место в реальной истории. Здесь исторические факты описываются в их временной последовательности и, таким образом, обеспечивается определенная связь между историческими событиями, которые имеют различные начало, середину и конец. В то же время хронистическая форма сознания не знает причинно-следственных связей и отношений, они как бы заменяются хронологией, скрепленной, в том числе, и моральными оценками. История в таком сознании предстает как дихотомия добродетелей и пороков, добра и зла. В хронистическом сознании исторический процесс рассматривается с позиций настоящего времени и его идеалов. Историческое прошлое представляется таким, каким его видят в настоящее время, а не таким, каким оно являлось в действительности.

Глубокое понимание логики исторического процесса, сохранение в исторической памяти событий исторического прошлого, примеры которого предназначены служить воспитанию, поучению, дает историческая наука. Внимание исторического сознания направляется в первую очередь на реальные факты истории, вскрытие их причинно-следственных связей, выяснение сущности исторического процесса.

«Историческая наука начинается [...] с реагирования на воображаемые преобразования прошлого. Сначала стараются установить или воссоздать факты с помощью самых точных методов, затем определяют хронологию,

берут мифы как таковые и легенды как объект, чтобы прийти к традиции и через нее к событию, которое их породило, короче, воспроизводя знаменитую фразу Ранке: высшая цель историка – это знать и показать *wie es geschehen ist*, – как это произошло. Чистая реальность – такова ее конечная и вместе с тем единственная цель» [11, с. 5].

Наиболее часто встречающееся определение истории как науки таково: история – это знание о человеческом прошлом, о прошлой социальной реальности [233, с. 11]. Если предположить, что в субъективном смысле историю определяют как знание о человеческом прошлом, то сразу возникает вопрос, почему всё человеческое прошлое является объектом только одной дисциплины. Р. Арон свидетельствует: «[...] имеются два возможных утвердительных ответа: один предполагает биологическую версию единства человеческого прошлого, а другой – теологическую версию, более или менее секуляризованную в различных философиях истории» [10, с. 60].

Итак, история есть знание о событиях прошлого. Но поскольку все события имеют свою причину, то они находятся во взаимосвязи с другими историческими событиями. Следовательно, историческое знание – это знание о взаимосвязанных событиях. Такое определение истории как науки о прошлом вряд ли можно считать вполне достаточным. Вернее будет здесь согласиться с Л. П. Карсавиным, считающим, что история есть наука, изучающая не одно лишь прошлое, но и настоящее, причем в их тесной, неразрывной связи, то есть исторический процесс развития человечества в его целостности и непрерывности [104, с. 227].

Более того, как утверждает М. Хайдеггер, история должна рассматриваться с позиции онтологической, под углом зрения «бытийствования самого Бытия» [286, с. 164]. Путь же к познанию сущности истории, «[...] понятой из бытийствования самого Бытия, подготовлен фундаментально-онтологическим основанием историчности во временности» [286, с. 164]. И на самом деле, история есть непрерывный процесс, длящийся во времени. То, что сегодня есть настоящее, завтра становится уже прошлым.

Да и вообще можно ли установить в этом непрерывном потоке событий четкую границу между прошлым и настоящим, между настоящим и будущим? Именно поэтому нельзя познать настоящее без познания прошлого, ибо любое событие, явление имеет свою историю. Чтобы познать его, необходимо всесторонне рассмотреть историю его возникновения, этапы развития. Только опираясь на это знание, можно знать, чем это событие является сегодня. И рассмотрев это событие в ретроспективе, можно в очередной степени предугадать его будущее развитие. Следовательно, нельзя познать прошлое в отрыве от настоящего.

Такой подход к истории мы находим уже в трудах Геродота. К описанию событий, происходивших в Древней Греции в прошлом, он подходит с позиций своего времени. И хотя его произведения еще нельзя отнести к работам собственно научным, в них наряду с мифами, преданиями, мифологическим взглядом на судьбу как реализацию предсказаний греческих богов, оракулов уже присутствуют достоверные исторические события, изложенные в хронологической последовательности, в связи с географическими условиями и нравственностью.

В противоположность своему предшественнику, Фукидид был уже не только историком, но и философом истории. Он не только описывает историю Пелопоннесской войны, но и рефлексировал над этой историей, пытаясь выяснить причины и мотивы войны между двумя греческими полисами. Поиск истины у Фукидида связан прежде всего с непредвзятостью, с объективным изложением исторических явлений и событий. «С объективизмом Фукидида связана его осознанная установка распространить на историю методы естествознания и прежде всего гиппократовой медицины» [108, с. 55].

Исследуя особенности византийской цивилизации, К. В. Хвостова [289] обращает внимание на работы византийских учёных, в которых много внимания уделялось рассмотрению некоторых проявлений философии истории, отражавших отношение византийцев к мирским делам, ориентацию

человека в обществе. Так, термин «элевтерия» (свобода) наряду со своим прямым значением использовался для обозначения свободы от уплаты налогов. Использование подобных привычных, но неточных обозначений свидетельствовало о традиционности византийской цивилизации, специфичности механизма ее воспроизводства во времени. Подобное словоупотребление восходит к идеям Платона, согласно которым слово – идея, прообраз многочисленных смыслов.

Как известно, история как наука складывается в начале Нового времени. Философия этой эпохи рассматривает ее уже как знания, данные в опыте, причем под историей понимается вся сумма знаний об обществе и о природе. Такое представление об истории было заложено Ф. Бэконом [32]. Рассматривая проблему познания, он выделяет естественную историю и гражданскую историю. Предметом исследования истории у Ф. Бэкона являются исторические факты. Кроме того, история может выступать основополагающим материалом для философии, которая, используя метод индукции, приходит к определенным умозаключениям, выводит закономерность исторического процесса [32, с. 219]. Подобное определение истории мы находим у К. Маркса и Ф. Энгельса: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. [...] ее можно разделить на историю природы и историю людей» [165, с. 16].

Достаточно глубоко, на наш взгляд, сущность истории раскрывает немецкий мыслитель XIX века И. Г. Дройзен [73]. «Мы понимаем под словом «история» сумму того, что произошло в течение времени, насколько наше знание может проникнуть вглубь веков [...]» [73, с. 43, 44].

В современных условиях в науке происходит «смена парадигм» [170, с. 79], заключающаяся в том, что осуществляется переход от одной парадигмы, нарративизма, к другой, когнитивной истории. Объявляя нарративизм логикой наивного повседневного мышления [170, с. 79], когнитивная теория определяет историю как строгую и точную науку, смысл которой состоит в установлении исторических явлений. В результате

предлагается принципиально новое определение исторической науки. Это «[...] фундаментальная наука о всех видах и формах человеческой деятельности, которые реализовались в ходе эволюционного и глобального целостного исторического процесса» [169, с. 351].

Представляя историческое сознание как осмысление, в нем можно вычлени́ть ценностно-рациональную и целерациональную формы, отличающиеся друг от друга различной степенью рационального и эмоционального по отношению к истории и уровнем объективности воссоздаваемых событий исторического прошлого. В целерациональном историческом сознании преобладает рациональное осмысление исторического процесса, основное внимание уделяется анализу причинно-следственных связей исторических событий. Оно ориентировано на конкретный исторический факт. Эта форма исторического сознания теоретична, она характеризуется четкой конкретностью. Особенностью целерационального исторического сознания является ясность в определении границ между настоящим и прошлым, хотя они носят условный характер. В его основе лежат принципы достоверности, сомнения, на которых исторические события могут быть восстановлены. Исторический опыт социума, который позволяет обществу идентифицировать себя, выбрать направление вектора дальнейшего развития, критически осмысливается целерациональным историческим сознанием, подвергается анализу в интересах его практического применения. В ценностно-рациональном историческом сознании преобладает аксиологическая сторона исторических фактов. Такому историческому сознанию присуща этичность. Оно эмоционально воспринимает исторические события, часто в нем вымышленный образ прошлого принимается за достоверную историческую картину в угоду современных ожиданий и предпочтений.

В историческом сознании любого общества присутствуют как доминантные, так и временные его формы. В число доминантных форм можно включить следующие диалектически противоположные формы

исторического сознания: антикварную и монументальную; этатистскую и либеральную, имперскую и провинциальную. Временные формы исторического сознания представлены как апологетическая и критическая, ригористская и толерантная. Для более глубокого уяснения сущности основных из этих форм исторического сознания обратимся к критической философской работе Ф. Ницше «О пользе и вреде истории для жизни» [196]. Здесь Ф. Ницше выделяет три типа историописания: «монументальный (описывающий выдающиеся примеры прошлого), антикварный (благоговеющий перед всем минувшим) и критический (привлекающий прошлое на суд истории). [...], тяготение к тому или иному типу историописаний имеет кроме социокультурных и индивидуально-психологические причины» [196, с. 174].

Следует заметить, что каждая историческая эпоха проявляет особый интерес к одной из этих форм описания истории, а та или иная форма соответствует конкретному политическому режиму, сложившемуся в том или ином обществе. Кроме того, по мнению Ф. Ницше, выбор типа описания истории также зависит и от целенаправленности определенного человека, его приверженности к тому или иному политическому режиму.

«Если человек, желающий создать нечто великое, вообще нуждается в прошлом, – пишет Ницше, – то он овладевает им при помощи монументальной истории; кто, напротив, желает оставаться в пределах привычного [...] тот смотрит на прошлое глазами историка – антиквария, и только тот, чью грудь теснит забота о нуждах настоящего и кто задался целью сбросить с себя какую бы то ни было ценою угнетающую его тягость, чувствует потребность в критической, то есть судящей и осуждающей истории» [196, с. 174].

Эти типы описания истории сохранили свою актуальность, хотя, несомненно, несколько видоизменились. В настоящее время остается популярным монументальный тип историописания, он в значительной степени идиологизирован, то есть используется правящей элитой в своих

целях для формирования у людей толерантного отношения к своему политическому режиму. Примерами тому могут служить обращение в период перестройки к образам Бухарина, Столыпина, Витте, героизация Ивана Грозного, Петра I в эпоху сталинизма, выдающихся русских полководцев во время Великой Отечественной войны.

Что касается антикварного историописания, то Ницше придавал ему практическую полезность для обывателя, поскольку оно «[...] озаряет скромные, суровые и даже убогие условия, в которых живет отдельный человек или народность, светом простого, трогательного чувства удовлетворения и довольства [...]» [196, с. 175].

Эта мысль Ницше является очень актуальной, так как сегодня, когда идет смена культурных стереотипов, такая история, на наш взгляд, необходима, поскольку «[...] она привязывает даже и менее избалованные судьбой поколения к их родине и родным обычаям» [196, с. 175]. И здесь вполне можно согласиться с Ницше, который охарактеризовал «печальной судьбу народа, потерявшего преданность своему прошлому и ставшего жертвой неутомимых космополитических поисков новых форм» [196, с. 175, 176].

Для критического способа историописания характерен подход к истории как к процессу, завершающемуся в настоящем. По нашему мнению, «критическая» история очень востребована в современном обществе. Но Ницше видел и опасность «критической» истории, поскольку она часто превращается в «[...] попытку создать себе а posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить, в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно происходили [...]» [196, с. 179].

Далее рассмотрим другие формы исторического сознания, классифицируемые по субъектам. К этому ряду можно отнести индивидуальное и массовое историческое сознание. Массовое историческое сознание выступает как способ в большей степени эмоционального, чем рационального воспроизведения обществом своего движения в истории.

В нем заключены знания, ценности, представления, нормы, разделяемые той или иной группой индивидов, выработанные в ходе их взаимоотношений и соответствующего восприятия социальной действительности. Индивидуальное историческое сознание предстает как результат приобретения исторических знаний и их осмысления, а также сформированного чувства причастности к истории. Поэтому индивидуальное историческое сознание предстает также в форме осмысленно – преобразованного прошлого.

Для более ясного понимания роли исторического сознания в обеспечении социальной стабильности в кризисные периоды жизни человечества, необходимо раскрыть и основные виды его духовных образований.

Одним из видов духовных образований исторического сознания являются реликтовые, пережиточные, перешедшие в общество из предшествующих эпох. По данному явлению К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали: «[...] различные ступени и интересы иногда не преодолеваются полностью, а лишь подчиняются побеждающему интересу, продолжая на протяжении веков влачить свое существование рядом с ним» [165, с. 66].

Следующим видом духовных образований являются привнесенные в существующее общество из других обществ, соседних с ним, в том числе по своим социальным, экономическим и политическим характеристикам отличающихся от него. В настоящее время, когда диапазон контактов в мире в огромной степени расширился, данный феномен носит массовый характер. При этом он содержит в себе как явления разного рода нейтральные, безразличные к идеологии, так и имеющие ярко выраженный идеологический характер, зачастую враждебный данному обществу.

Значительное место в духовной жизни того или иного общества отводится тем видам идеальных образований, которые были рождены в других исторических эпохах или в иных современных социумах, но являются культурными ценностями данного общества (например, славянофильство,

западничество, евразийство и др.). Не будучи связаны своим происхождением с жизнедеятельностью данного общества, эти виды духовных образований исторического сознания, тем не менее, воспринимаются им как его собственные, и активно используются в каждодневном обращении, в том числе путем распространения через средства образования, воспитания, массовой коммуникации.

Рассмотрев эти виды духовных образований исторического сознания, тем или иным путем приобретенные данным обществом, можно отметить, что имеются виды как имманентно присущие существующему обществу, так и относящиеся к другим обществам. То есть, историческое сознание в генетическом плане выглядит как неоднородное, смешанное образование.

В современной общественной мысли существует точка зрения, что историческое сознание содержит в себе не все духовные образования, которые характеризуют жизнь соответствующего общества. Согласно данной точке зрения, содержание исторического сознания включает в себя только идеи, взгляды, представления и другие духовные образования данной эпохи [271, с. 41, 42]. С таким подходом вряд ли следует согласиться, так как в этом случае искусственно нарушается единая ткань системы существующего в социуме исторического сознания. Элиминируемые из области исторического сознания такие феномены духовной культуры, как привнесенные со стороны и реликтовые виды исторического сознания объективно представляют собой такие же виды сознания существующего общества, как и виды исторического сознания, рожденные данным обществом. Находясь во взаимосвязи и взаимодействии, они образуют противоречивое целое. Более того, наличие этих реликтовых и привнесенных со стороны видов духовных образований исторического сознания в общей структуре исторического сознания есть явление не случайное, а закономерно обусловленное особенностями исторического развития данного общества и его практической деятельностью.

Конечно, на первый взгляд, столь широкое толкование исторического сознания выявляет кажущееся противоречие с теорией соответствия исторического сознания базовым историческим характеристикам общества. Так ли это на самом деле? При всестороннем исследовании данное противоречие стирается, если провести следующий структурный анализ. Для этого, в первую очередь, необходимо выделить в историческом сознании виды, сформированные существующим обществом и виды, различным способом приобретенные им. Во вторую очередь, нужно более тщательным образом определить виды духовных образований исторического сознания, различным способом приобретенные обществом по времени их образования (от обществ, предшествующих существующему или ему современных), способу их приобретения (сознательное восприятие, переданное по наследству, проникшее извне). И, наконец, надо оценить всю совокупность этих видов на их соответствие или несоответствие коренным историческим чертам существующего общества, учитывая как положительные и отрицательные, так и нейтральные виды. Сформированная на основе такого подхода картина позволяет представить все основные виды духовных образований исторического сознания и классифицировать их по отношению к историческим особенностям общества. В обобщенном виде можно следующим образом представить типологию видов духовных образований исторического сознания:

Виды духовных образований исторического сознания*

Отношение к историческим особенностям Сознание существующего общества и других обществ	Положительное	Нейтральное	Негативное
Существующее общество	А	Б	В
Общества, предшествующие существующему обществу	Г	Д	Е
Общества, современные существующему обществу	Ж	З	И

Примечание: А – сформированные существующим обществом и соответствующие его историческим особенностям; Б – сформированные существующим обществом и несущие характер нейтральных в отношении к существующему обществу; В – порожденные существующим, но имеющие негативное отношение к исторической специфике данного общества; Г, Ж – сформированные обществами, предшествующими существующему обществу и современными ему, но активно используемые существующим обществом как соответствующие его историческим чертам; Д, Е – сформированные обществами, предшествующими современному и переданные по наследству существующему; З, И – сформированные обществами, современными существующему и привнесенные в существующее общество со стороны.

Проанализировав эти виды духовных образований исторического сознания, необходимо подчеркнуть, что в историческом сознании все виды занимают соответствующее им место и находятся между собой в

* Разработана автором.

определенных отношениях. Ведь это только на схеме виды А, Г, Ж выглядят вполне равными со всеми другими. На самом же деле их место в структуре исторического сознания устоявшегося, стабильного общества значительно отличается от того положения, которое занимают другие элементы. С точки зрения количественной они представлены в историческом сознании общества гораздо шире, чем иные типы составляющих.

Конечно, историческое сознание нельзя измерить количественно, поэтому нельзя с достоверностью говорить о действительном соотношении в историческом сознании существующего общества его положительных и нейтральных видов. Но и без такого измерения с большой уверенностью можно сказать, что положительные виды значительно преобладают в составе исторического сознания сложившегося существующего общества по сравнению с видами негативными. Главным аргументом в пользу этого факта является объективное существование данного общества как стабильного, находящегося в равновесном состоянии целого. Данное соотношение положительных и негативных элементов исторического сознания является неизменным фактором, обеспечивающим стабильное существование общества, показателем его нормального развития, а также важной предпосылкой, гарантией сохранения обществом своей исторической определенности.

Но суть дела здесь не ограничивается только количественными отношениями тех или иных видов духовных образований исторического сознания. Эта суть также состоит в качественных свойствах существующего общества, в особенностях связей, детерминант между всеми видами входящих в него образований. Почему, например, в историческом сознании капиталистического общества выражено преобладает буржуазное сознание? По этому поводу К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную

силу общества, есть вместе с тем и его господствующая духовная сила» [165, с. 42, 43].

Таким образом, виды духовных образований исторического сознания, соответствующие базисным чертам существующего общества, не просто преобладают количественно. Они занимают в структуре анализируемой системы главенствующее место, играют в ней ведущую роль, и это оказывает основное влияние на положение и функции всех других видов духовных образований.

К господствующим в историческом сознании существующего общества следует отнести, соответственно, виды А- типа (порожденные существующим обществом и соответствующие его базисным историческим чертам), а так же, некоторые виды Г- и Ж- типов (образованные в других обществах, предшествующих и современных существующему обществу, но всесторонне ассимилируемые существующим обществом как в определенной степени соответствующие его базисным чертам). И первые, и вторые не просто рядоположены с другими видами. Другие виды находятся в подчиненном, зависимом от них положении. Первые и вторые обуславливают формы существования других видов, задавая механизмы их функционирования и т. д.

Это является верным уже в отношении тех видов духовных образований прошлого и настоящего, которые, не являясь явно выраженными носителями господствующей в обществе идеологии, тем не менее, активно принимаются им и ассимилируются. Конечно, нельзя причислять к историческому сознанию существующего общества всю совокупность видов духовных образований, выработанных человеческим сообществом в ходе исторического развития. На самом деле любое общество избирает для активного формирования исторического сознания весьма незначительную ограниченную часть этих видов. И дело здесь, конечно, состоит не только в том, что названная совокупность является необъятной и технически недоступной для любого существующего общества и,

соответственно, в силу этого, не может занимать значительное место в его духовной жизни. Дело заключается в том, что любое общество особенно требовательно относится к своей истории и к истории всего человечества, соотносит опыт других обществ со своими целями и способами их достижения. С определенной степенью осознанности, которая не исключает случайности, общество определяет свои критерии, в соответствии с которым производит отбор исторического и современного материала других, современных ему обществ. И главной отличительной особенностью воспринимаемых им видов духовных образований исторического сознания других периодов и обществ является подчиненность их своим представлениям о должном.

В гораздо большей степени зависимости и подчиненности видам духовных образований исторического сознания, порожденным существующим обществом и соответствующим его историческим особенностям, находятся негативные виды духовных образований исторического сознания. Находясь под мощным давлением первых, будучи в конфронтации с ними, эти виды имеют незначительное хождение в обществе, а если и приобретают реальную силу, то вынуждены приспособляться к доминирующему историческому сознанию, считаться с ним, обретать в соответствующие ему формы, маскироваться под него, принимать диктуемые им способы существования и т. д. На самом деле, мысли господствующего класса [165, с. 42, 43] доминируют в историческом сознании любого общества, причем и количественно, и качественно. Именно виды духовных образований исторического сознания, порожденные существующим обществом, формируют облик, общие черты и характерные свойства данного общества в те или иные периоды его развития. А поскольку эти виды формируют основные черты каждого общества, то можно с абсолютной уверенностью сказать, что любое историческое сознание, являясь генетически сложным, противоречивым по составу, тем не менее, всегда отражает основополагающие исторические особенности своего общества.

В качестве примера, подтверждающего данное положение, можно сослаться на историю России второй четверти XIX века. В этот период концепция нормативного исторического знания была сформулирована в теории официальной народности. Основные положения её были отражены в коронационном манифесте Николая I и последующих официальных документах. Принципы этой теории – православие, самодержавие, народность – были сформулированы в последующем министром просвещения того времени С. С. Уваровым. В данной теории обосновывались законность абсолютной монархии в России, её исконность и существующие общественные порядки. Эта теория в противоположность западному обществу, характеризующемуся как нестабильное, мятежное, показывало российское общество как спокойное, без социальных конфликтов и катаклизмов. Теория официальной народности ориентировала писателей и историков создавать труды в духе национального патриотизма и оптимизма.

В трудах историка М. П. Погодина принципы официальной народности объяснялись православными традициями, особенностями менталитета русского народа, его предрасположенностью к общинному характеру жизни. По представлению М. П. Погодина, история России в отличие от Запада наполнена замечательными событиями, выдающимися личностями, героическими поступками. По его мнению, самодержавие в России, имеющее многовековую историю, носит божественный характер, является законным. Православная религия же способствовала развитию в России истинного просвещения. Обвиняя Петра I в том, что в итоге его прозападной политики Россия переняла у Запада не только положительное, но и заблуждения, он призывал вернуться к российским историческим корням.

Кроме позитивных видов духовных образований исторического сознания, преобладающих над другими в периоды непосредственного нахождения в том или ином стабильном историческом обществе, в таком обществе существуют и нейтральные (Б, Д, З), и негативные виды духовных образований исторического сознания (В, Е, И), порожденные существующим

обществом или обществами, предшествующими и современными существующему обществу.

Возвращаясь к периоду Николая I, можно заметить, что такие виды духовных образований исторического сознания начали более или менее четко проявляться в 30-х годах XIX века. Русские люди с повышенным интересом начали обращаться к философии истории и истории. Большое влияние на это оказали следующие факторы: во-первых, заграничный поход русской армии 1813–1814 годов, познакомивший молодежь с политической жизнью Западной Европы, во-вторых, труды известных немецких философов – И. Канта, Г. Гегеля, Л. Фейербаха, И. Фихте, Ф. Шеллинга. В результате этого изучения возникли две противоположные системы русской истории. Одной из них стали славянофилы. Эта система проповедовала незыблемость самодержавия, общинность, самобытность русского народа, его мессианскую роль в мировой истории, отрицание западноевропейского пути развития. Петра I обвиняли в том, что он повернул развитие России в сторону традиционного пути развития.

Вторая система – западничество. В противоположность славянофилам западники были убеждены в том, что России уготован путь Западной Европы, путь капитализма, что она должна учиться у Европы. Отрицая самодержавие, они выступали за конституционную монархию западноевропейского типа. В противовес славянофилам, признававшим приоритет веры, западники на первое место выдвигали разум. Для западников реформы Петра I являлись образцом проевропейского развития России.

Виды духовных образований исторического сознания, сформированные в период истории Николая I, для современного российского общества уже выступают как виды духовных образований исторического сознания, сформированные предшествующим обществом и перешедшие в существующее в качестве наследства (Д и Е-видов). К видам духовных образований исторического сознания, сформированным другими

современными обществами и занесенными в существующее общество различными путями (Ж, З, И), следует отнести выработанные зарубежными историками, в том числе историками-эмигрантами. В качестве Г-, Ж-видов выступают составляющие исторического сознания, сформированные предшествующими и современными существующему обществами, но широко используемые существующим обществом как в определенной степени отвечающие требованиям его коренных черт.

Таково соотношение видов духовных образований исторического сознания относительно стабильного, устоявшегося общества.

Выводы:

Во-первых, в изучении теоретических основ исторического сознания важное методологическое значение имеют исследования Д. Вико, В. Виндельбанда, феноменолого-герменевтический метод Э. Гуссерля по вопросам методологии исторического сознания, а также исследования в области теоретической истории К. Гемпеля и Н. С. Розова.

Во-вторых, историческое сознание, как многомерный феномен духовной сферы жизни общества, рассматриваемое с онтологической позиции, понимается как осознание обществом своего прошлого в его связи с настоящим и будущим. Историческое сознание выступает, с одной стороны, как самостоятельная форма общественного сознания, с другой стороны, является исторической составляющей всех форм общественного сознания.

В-третьих, историческое сознание направлено на действительность прошлого, актуальность которой обусловлена практическими потребностями социума. Содержание исторического сознания представляет синтез исторических знаний, осмысленного опыта прошлого и моделей предвидения будущего.

В-четвертых, историческое сознание имеет многоплановую структуру, включающую в себя различные уровни – обыденный, эмпирический, теоретический и многообразные формы. Рассматривая историческое сознание с позиции специфики запечатления исторических событий во

времени, можно выделить следующие формы – миф, хроника, наука. Анализируя историческое сознание с точки зрения осмысления исторической реальности, можно различить целе-рациональную и ценностно-рациональную формы. В историческом сознании присутствуют также доминантные и временные формы.

В структуре исторического сознания особое место занимают такие виды его духовных образований, как порожденные данным обществом, переданные по наследству или привнесенные из других обществ. По отношению к историческим особенностям общества, они могут быть положительными, нейтральными или негативными. Значительное преобладание положительных видов над негативными является непременным фактором, обеспечивающим стабильное существование общества и гарантией сохранения обществом своей исторической определенности.

1.2. Стабилизационное историческое сознание: сущность, механизм формирования, характерные черты

Задачей данного параграфа является определение сущности, механизма формирования и характерных черт стабилизационного исторического сознания. На данном этапе исследования необходимо определиться, что понимается в науке и философии под социальной стабильностью, является ли она синонимом понятия «застой» или несёт в своем содержании элементы развития. А если несет, то в каких пределах этого развития можно считать общество тождественным самому себе. Кроме того, необходимо выяснить, является ли стабильное общество устойчивым, в каком отношении друг к другу находятся эти две категории.

Обращаясь к данной проблеме, вначале рассмотрим значение слова «стабильность». В переводе с немецкого – *stabilitet* – стабильность означает постоянство, устойчивость, прочность, константность, отсутствие значительных изменений [130, с. 245]. Под стабильностью понимается

способность системы функционировать, не изменяя собственную структуру. Исходя из такого определения понятия «стабильность», можно полагать, что социальная стабильность предполагает в своем содержании развитие, причем такой характер развития, при котором сохраняется качественная определенность и целостность данного общества как такового.

Стабильное общество представляет собой развивающееся общество, которое в тоже время сохраняет свою устойчивость и не ведет к разрушению устоев данного общества. Можно утверждать, что изменения, происходящие в обществе, являются необходимым условием его стабильности. Таким образом, стабильное общество, выступает целью эффективного функционирования социума. Оно есть устойчивое состояние социальной системы, находящейся в развитии и способной противостоять как внешним, так и внутренним отрицательным воздействиям. Универсальными свойствами стабильного социального пространства ряд исследователей называют сохранение функциональных связей, локализацию и мирное разрешение конфликтов между социальными группами, гомеостазис (равновесие), своевременное гашение антисистемных импульсов.

Стабильное функционирование любого общества обусловлено рядом факторов, в числе которых историческое сознание занимает одно из важных мест. В то же время, поскольку историческое сознание носит амбивалентный характер, оно может быть как конструктивным, так и деструктивным, может в зависимости от своих качественных параметров быть как стабилизирующим фактором, обеспечивающим устойчивое развитие общества, так и дестабилизирующим, ведущим к разрушению социальной системы.

Для дальнейшего анализа роли исторического сознания как фактора социальной стабильности введем категорию «стабилизационное историческое сознание». Эта категория еще не нашла своего применения в социальной философии. В связи с этим мы будем исследовать её в контексте общественного сознания и исторического сознания, а именно в тесной связи

с категорией «стабилизационного сознания», используемой в социальной философии и социологии.

Здесь следует отметить, что одним из первых обратился к проблеме стабилизационного сознания О. Конт в своей «положительной философии» в качестве «твердой основы» для «социальной реорганизации», которая должна была положить конец состоянию кризиса цивилизованных наций. Основываясь на убеждениях в том, что в основе общества лежат идеи, О. Конт делает вывод, что источником политического и нравственного кризиса является «умственное безначалие», следовательно, условием «истинного общественного порядка» должна стать «твердость и определенность» людей [126, с. 116].

Традиция стабилизационного сознания в западной социологии, идущая от О. Конта, при всех произошедших в ней изменениях в XX веке, по утверждению Ю. Н. Давыдова, «[...] ее ядро – стремление к такой “стабилизации” социокультурных устоев социального порядка, которая предполагала бы их научное обоснование, т.е. теоретическую “рационализацию”, – оставалось неизменным» [65, с. 6]. Недостаточная разработанность проблемы стабилизационного сознания в отечественной философии объясняется тем, что к данной проблеме общественная мысль российского общества обратилась лишь в 90-е годы XX века, причем тема стабилизационного сознания первоначально рассматривалась в исследованиях, посвященных социальным кризисам [65, с. 5 – 28; 209, с. 31 – 46; 242, с. 18 – 23].

В начале XXI века в социологии появляются работы, посвященные исследованию стабилизационного сознания. В первую очередь это докторская диссертация Л. А. Паутовой [207] и учебное пособие Ю. Н. Давыдова [96]. В то же время философские работы по данной тематике на сегодняшний день отсутствуют.

Ю. Н. Давыдов дает следующие определения стабилизационному сознанию: «Стабилизационное сознание – это тип социального сознания,

выражающий стремление к укреплению духовных основ культуры и этико-культурных основ общественного порядка» [65, с. 5]. Исходя из того положения, что историческое сознание является одной из форм общественного сознания, его историческим срезом, можно дать следующее определение стабилизационному историческому сознанию – это такой тип исторического сознания, ядром которого является нормативное историческое знание и которое выражает коренные исторические черты существующего общества.

Исходя из этого определения, большое значение в нашем исследовании имеет раскрытие механизма формирования стабилизационного исторического сознания. Как нам представляется, в его основе должна лежать теоретическая концепция истории общества. Из истории России известно, что такая концепция не единожды выдвигалась правящей элитой. Так, в XV веке, завоевав независимость от монголо-татар, была выдвинута идея «Москва-Третий Рим», сыгравшая важную роль в становлении русского централизованного государства.

В эпоху Екатерины II концептуальной стала идея «Великой России», вдохновлявшая на утверждение политического влияния России в Европе как просвещенной державы. В первой половине XIX века положительную стабилизационную роль в российском обществе сыграла известная триада С. С. Уварова – православие, самодержавие, народность. В современных условиях в качестве одной из концептуальных идей выдвинута идея превращения России в мировую державу [1].

Концепцию истории общества дополняет идеологическая доктрина как совокупность принципов, как система представлений об истории правящей элиты, преследующей цель легитимизировать и утвердить свои властные полномочия. В соответствии с концепцией истории задаются социально-психологические установки.

Центральной составной частью механизма формирования стабилизационного исторического сознания является создание нормативного

образа истории. Этот образ создается как результат консенсуса правящей и научной элит, который представляют наиболее известные историки и философы. В результате совместной деятельности этих элит создается политически и идеологически приемлемая нормативная конструкция истории общества и государства, их места и роли в мировом сообществе.

Одной из форм организации по выработке нормативного исторического знания в России является «Российское общество историков», которое возглавляет Председатель Государственной Думы Нарышкин С. Е., в его работе принимает участие Президент Российской Федерации В. В. Путин. Именно в этой общественной организации была разработана концепция учебного пособия по истории России для школьников, содержание которого отражает исторические черты российского общества.

На основе разработанного нормативного исторического знания формируется стабилизационное историческое сознание посредством изучения курса истории России в школе, вузе, через средства массовой информации и коммуникации. В результате в историческом сознании социума складывается положительный исторический образ российского общества.

Стабилизационному историческому сознанию, обеспечивающему позитивное воздействие на стабильность общества, присущ ряд характерных черт. Основные черты стабилизационного исторического сознания для полноты нашего анализа следует рассмотреть с двух сторон: гносеологической и социально-философской.

При их рассмотрении с гносеологических позиций, необходимо выделить такую черту, как объективность нормативного исторического знания. Имея в виду тот факт, что нормативное историческое знание, как и историческое знание в целом, формируется в процессе познания, следует обратиться к исследованию процесса познания истории. К тому же, взаимодействие исторического познания и исторического знания определяет имманентный механизм существования исторического сознания в целом.

На характер нормативного исторического знания существенное влияние оказывает процесс познания истории, который носит сложный и противоречивый характер. Более того, познание исторического процесса имеет свою специфику. Для определения специфики исторического познания следует раскрыть существенные различия между естественнонаучным и социогуманитарным познанием. Эти различия определяются природой объекта исследования и особенностями его изучения. Если в естественных науках исследование зачастую проводится в лабораторных условиях, то есть в искусственно созданной обстановке с использованием определенных технических средств, а результат выражается конкретной формой, то в исторической науке предметом исследования является сам исторический процесс. Следовательно, и методы исследования имеют свои особенности: здесь лабораторией является общество, сам исследователь – одновременно объектом исследования, а результатом – описание, которое может быть подвергнуто интерпретации.

К гносеологической стороне исследования исторического сознания относится проблема субъект-объектных отношений в историческом познании, оказывающая существенное влияние на характер проявления исторического сознания как фактора стабилизации общества. В самом историческом познании существует также специфика субъект-объектных отношений, отличная от познания естественнонаучного. Согласно традиции, сложившейся в естественнонаучном познании, берущей начало в эпистемологических концепциях Р. Декарта, Ф. Бэкона и И. Канта, при анализе природных явлений, в целях получения объективного знания, субъект познания выносился за грани исследования, он представлялся как сторонний, абсолютный наблюдатель. Представлялось, что лишь такой субъект может постичь объективную универсальную истину о мире. Признавалось, что если субъект включить в конкретную историческую действительность какого-либо периода истории, то он будет не способен абстрагироваться от этой действительности в ходе познания им объектов,

поскольку на него будут постоянно оказывать влияние определенные осознаваемые или неосознаваемые предрассудки.

Следует заметить, что в настоящее время по этой теме ведется широкая дискуссия, в ходе которой ряд её участников считают, что взгляд, фактически воспроизводящий позицию классического естествоиспытателя, не является универсальным [3, с. 172]. В противоположность естественнонаучным исследованиям, в историописании субъект-объектные отношения, возникающие между предметом исследования и историком, особенно тесные и более сложные. Объектом познания в историческом знании является «[...] представленный через текст мир вне и внутри нас, [...] постигая текст, мы постигаем мир в той мере, в какой он представляет (репрезентирует) мир [...]» [176, с. 51]. Такой характер объекта исторического познания приводит нас к заключению, что объект познания предстает перед нами во множестве интерпретаций, различных форм текстового анализа (например, структуралистского или постструктуралистского). Субъект исследования в этом случае предстает перед нами как «порождение данного текста» [176, с. 51].

Субъект в социогуманитарном, в том числе историческом знании нельзя отделить от объекта, он находится «внутри» него, то есть исследователь исторических явлений сам является частью этих исторических явлений, под которым понимаются формы культуры, виды искусства, науки, религии и в целом, жизнь общества. Такое положение субъекта исходит из двойственного понимания истории. Во-первых, под историей понимается процесс развития человеческого общества, во-вторых – наука, исследующая этот процесс. В представлениях Р. Арона исторический процесс и знание об этом процессе неотделимы друг от друга. «[...] человек одновременно является субъектом и объектом исторического познания» [11, с. 4].

В то же время в философии существует и другой взгляд на проблему исторического субъекта, выводящий его из познавательного процесса. Такой взгляд характерен для ряда направлений современной философии, таких,

например, как структурализм и постструктурализм (М. Фуко, Л. Альтюссер), диалогическая этика Э. Леванаса, постмодернистская философия языка. В той или иной интерпретации, они высказывают сомнения в главенствующей роли «[...] своевластного “Субъекта”, “Я” как инстанции достоверного познания и морального действия» [213, с. 73]. Причем мотивы критики субъекта различны. Выведение субъекта из процесса познания для сторонников структурализма является закономерным явлением, поскольку они не признают историю как объективную реальность. Для структурализма является характерным отождествление мира с текстом. Мир он видит как систему знаков, не имеющих субъекта и истории. «Отождествляя мир с текстом [...], структурализм тем самым растворяет создателя субъекта мира вообще и субъекта действия в каждом конкретном случае» [139, с. 69]. Представители нового онтологизма, определяя субъект и объект познания как элементы «единой сети» [80, с. 15], не выделяют границ между ними.

Здесь следует отметить, что в XX веке в научной и философской мысли было поставлено под сомнение положение, когда объект исследования рассматривался вне связи с субъектом исследования и зависимости от него. Появились работы, в которых субъект наделялся определенными характеристиками, влияющими на результат исследования. Возникли понятия «человекоразмерность научного знания» и «наблюдатель» [163, с. 85]. Причем эти понятия стали применять не только философы, но и естествоиспытатели. Говоря о понимании наблюдателя А. Эйнштейном, В. Гейзенбергом, И. Р. Пригожиным, Ж. Делезом, Н. Луманом, Л. А. Маркова поясняет: «В этом случае ученый как бы делегирует ряд своих свойств – полномочий наблюдателю, который помещается в изучаемый мир, становится его элементом» [163, с. 86]. Последователь Н. Лумана С. Фукс называет наблюдателей «конструктивистами», действия которых локализованы в пространстве и времени и зависимы от социальной среды, в которой они находятся [328, с. 8]. В широкий оборот введена и такая категория, как «исследователь». Феноменолог А.-Т. Тыменецка, поясняя

сущность этого понятия, отмечает, что исследователь не является сторонним наблюдателем объективной реальности, он является субъектом, «[...] который участвует в акте открытия/творчества со всем своим вкладом живого существа» [270, с. 149].

Трудности исторического познания, влияющие на характер самого исторического сознания, также детерминированы тем, что сам процесс познания осуществляет субъект, социально сформированный, связанный с господствующей или иной идеологией, мировоззрением, позицией в обществе. Таким образом, исследование объекта происходит с определенных ценностных позиций и интересов. Здесь в отличие от естественных наук объект не только подвергается познанию, но и одновременно оценивается. Более того, познание в данном виде субъект-объектных отношений как бы отодвигается на второй план.

Как следствие этого, в историческом познании интерес исследователей часто сводится не к достижению объективного знания, которое можно было использовать в социальной практике в интересах стабилизации и устойчивого развития общества, а к тому, чтобы полученные знания использовались для легитимизации существующего политического режима и оправдания его политического курса. Следовательно, сам процесс исторического исследования обуславливается здесь иным интересом, отличным от интереса естественнонаучного исследования. В результате особенностей этого интереса, как само содержание познания, так и теоретические выводы, сделанные на основе познавательного процесса, во многом обусловлены «социальной позицией познающего субъекта» [107, с. 6].

Учитывая такую особенность исторического познания, определенная часть исследователей считает, что историческая наука как часть гуманитарной культуры в основе своей устроена таким образом, что не способна с объективных позиций исследовать исторический процесс. Более

того, многие авторы с определенной степенью широты охвата проблемы вообще отказываются от решения этой якобы заведомо нереальной задачи.

Проблема объективности исторического знания является центральной проблемой при рассмотрении роли исторического сознания в обеспечении стабильности и устойчивого развития общества, поскольку именно от степени объективности исторического знания зависит, каким может быть историческое сознание – конструктивным или деструктивным.

Х. -Г. Гадамер одним из первых западных философов поставил под сомнение объективность ученого и его непредвзятость в процессе научного изучения. Он призывал принять предрассудок как нечто необходимое и отбросить, по его мнению, бесплодную мысль о совершенно непредвзятом познании. Понимание, по Гадамеру, имплицитно включает предрассудки исследователя в отношении исторической ситуации. Кроме того, на процессе познания сказываются характерные особенности культурной и исторической идентичности исследователя. Проективная тенденция человеческого понимания является важнейшим компонентом герменевтического процесса. Человек, пытающийся понимать текст, всегда совершает «акт проекции» [44, с. 236]. Согласно Х. -Г. Гадамеру, основу жизнедеятельности человека в большей степени формируют его предубеждения, чем теоретические рассуждения, рефлексия. Предубеждения носят объективный характер, их истоки находятся в исторической действительности. И задача состоит не в том, чтобы исключить эти предубеждения из процесса познания, а в том, чтобы осознать их наличие и учитывать в процессе познания. Избавляться нужно только от отрицательных предрассудков, которые познаются в процессе исследования традиций, текстов, преданий, исторических событий. Х. -Г. Гадамер особо отмечает: «Кто, полагаясь на объективность своих методов и отрицая свою собственную историческую обусловленность, мнит себя свободным от предрассудков, тот испытывает на себе могущество этих предрассудков, господствующих над ним без всякого контроля с его стороны [...]» [44, с. 424].

Возможно, в связи с такой особенностью исторического познания, при которой важной его стороной является субъективная сторона, сам принцип объективности, основной для любой науки, некоторые исследователи считают возможным использовать лишь в естественных науках [254, с. 33]. Более того, в современной философии присутствует точка зрения, согласно которой отрицается не только объективность познания истории, но и объективность самого исторического процесса. Например, М. Ф. Румянцева вопрос об объективности исторического процесса относит к числу философских, неразрешимых [229, с. 37].

Представители герменевтического направления в исторических исследованиях историческую объективность ставят в зависимость от лингвистического контекста, который придает какой-либо смысл определенным понятиям. Не отрицая принцип объективности, они предлагают «[...] вскрыть более тонкую диалектику объективного и субъективного в познании» [142, с. 102].

Каковы причины столь неоднозначных подходов к решению проблемы объективности исторического знания? В первую очередь следует уяснить, что понимается под объективностью исторического знания. При рассмотрении этого вопроса выясняется, что в философии не сложилось однозначного понимания этой категории. В качестве объективных в историческом знании К. В. Хвостова рассматривает те высказывания, которые касаются достаточно очевидных фактов, явлений, событий, по отношению к которым сведен к минимуму субъективизм исследовательских оценок и наиболее высока степень однозначности выводов, которые делают различные исследователи [290, с. 33]. Существует и другое мнение, согласно которому объективность исторического знания достигается атомарными фактами, наличие которых признают все исследователи. К. В. Хвостова объясняет свое несогласие с этим мнением тем, что значительное число фактов является теоретически нагруженными, к тому же историк имеет дело не столько с атомарными фактами, сколько с исследованием взаимосвязей

этих фактов, образующих социальные структуры, явления, ситуации, то есть исследует все те исторические феномены, которые формируют культуры, эпохи, цивилизации [290, с. 33].

Соглашаясь в данном случае с К. В. Хвостовой, в качестве примера теоретической нагруженности атомарных фактов истории можно привести события Смуты конца XVI – начала XVII века. Как известно, 1613 годом датируется окончание Смутного времени. Вместе с тем, эту датировку можно признать весьма условной. Достовернее было бы признать окончанием Смуты середину XVII века, ведь только к тому времени были в основном ликвидированы последствия Смутного времени, урегулированы отношения с Речью Посполитой и Швецией.

Таким образом, объективность исторического знания в значительной мере определяется гносеологическим субъектом, вернее, конвенцией большинством субъектов, если их мнения по конкретным историческим фактам совпадают. Можно ли признать данное утверждение истинным? Для ответа на этот вопрос следует обратиться к субъекту исторического познания, рассмотреть условия, в которых он осуществляет исследовательскую работу, определить факторы, влияющие на объективность познавательного процесса.

Таким фактором, в первую очередь, являются особенности познаваемого объекта. В отличие от естественнонаучного познания, где предметом исследования выступает объективная реальность, в историческом познании исследователь обращается не к реальности прошлого как таковой, не к онтологии истории. Он имеет дело с феноменологией, с историческими источниками, которые содержат память об историческом прошлом. На теоретическом уровне историческое сознание видит различие между историческим прошлым и современностью, требует достоверной информации, которая позволила бы воссоздать прошлое. В то же время, стремление видеть в истории основу современных процессов приводит к

искажению прошлого. Оно наделяется чертами, присущими сегодняшнему дню и не имеющего ничего общего с этим прошлым.

Более того, на феноменологическом уровне существует парадокс, который заключается в том, что субъекты истории, в том числе и политические деятели, действуют в условиях объективной реальности, но их мотивы, интересы, цели не всегда приводят к желаемым результатам. Этот парадокс довольно ясно представляет М. Ф. Румянцева: «Люди, в том числе и политики, – пишет она, – действуют, возможно, в объективных исторических условиях, но характер их действий зависит от их субъективного понимания этих условий» [229, с. 37].

На степени объективности исторического знания также сказывается влияние на социальное поведение людей современной ситуации в общественной, политической и культурологической сферах. О. Шпенглер выразил эту мысль таким образом: «Мыслитель – это человек, который призван символически изобразить эпоху, как он её видит и понимает. Он лишен какого-либо выбора. Он мыслит так, как ему должно мыслить, и истинным в конце концов является для него то, что родилось с ним как картина его мира. Он не изображает её, а открывает в себе. Он и сам дублирует себя ею, выразившей его в слове, оформившей смысл его личности как учения, неизменной для его жизни, ибо она идентична с его жизнью» [308, с. 124].

Важным фактором, оказывающим влияние на объективность исторического познания, является тот факт, что сложность в понимании объективности исторических знаний обусловлена постмодернистской концепцией историописания. Согласно этой концепции, объективности исторического знания не существует, язык историка не корреспондирует с реальной историей.

Как нам представляется, усиление субъективной стороны в познавательном субъект-объектном отношении, в том числе акцентирование внимания на личностном, историко-культурном, социальном контекстах

может обернуться эпистемологическим релятивизмом, отрицающим возможность объективности исторического познания. Объективность историописания, по утверждению К. Гемпеля, онтологически обусловлена единством присущих индивиду психологических свойств, которые определяют цели, мотивы и интересы деятельности [330, с. 246].

Пониманию закономерностей и причинно-следственных связей может помочь обращение к эпистемологическим и методологическим исследованиям Н. С. Розова. По его мнению, теоретизация исторической динамики уже подразумевает, что некие скрытые сущностные закономерности, управляющие социально-историческими явлениями есть и они познаваемы. В то же время они изменчивы, сложны, включают в себя закономерности человеческого сознания и поведения [226, с. 46].

На основе анализа различных точек зрения исследователей на проблему объективности исторического знания, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, можно согласиться с К. В. Хвостовой, считающей одним из решающих условий достижения объективности исторического знания макротеоретический подход, который требует использования в исторических исследованиях сложной фактологической базы, сравнения и интерпретации атомарных фактов в их взаимозависимости и взаимосвязи [290, с. 33]. Во-вторых, можно признать, что понятие объективности применимо в исторических исследованиях в случае понимания под объективностью тех данных, достоверность которых подтверждается научными методами. В-третьих, для достижения объективности исторического знания необходимо совершенствование методов познания и проверки знания, выявление сущностных закономерностей и обусловленности исторического познания. По нашему мнению, вполне приемлемым подходом является феноменологический подход, позволяющий приблизиться к большей объективности познания истории.

Содержание исторического сознания во многом зависит от характера реконструкции объективной истории, причём достаточно рациональны и

аргументированы реконструкции, основанные «[...] на систематическом обобщении большого числа разнообразных архивных материалов – свидетельств» [226, с. 29]. Характер реконструкции формируется под влиянием исследователя, равно как и любого другого индивида, который интересуется историей. В процессе реконструкции истории исследователь воссоздает историческое прошлое, а не только изучает конкретное историческое событие. В этом ряд исследователей видит отличие предмета исследования в историческом познании от предмета естественных наук, где явления и процессы являются реальностью независимо от того, изучаются они или нет [223, с. 11].

В результате реконструкции осуществляется носящая диалоговый характер корреспондентская связь между историческим источником, его содержанием и новой точкой зрения, позволяющая уточнять и расширять содержание новой концепции за счет установления новых фактов или репрезентации старых. Говоря об исторических фактах, Кукарцева М. А. подчеркивает, что они «[...] не столько “обнаруживаются”, сколько “конструируются” теми видами вопросов, которые задает историк» [137, с. 49].

В интересах более полного представления о сущности реконструкции истории нужно отметить, что одним из главных способов повышения значения той или иной формы исторического сознания является осуществление рефлексивной деятельности исследователя на теоретическом уровне. Такая рефлексия позволяет максимально приблизить сформированный субъективный образ прошлого, возникшего в результате рефлексивной деятельности познающего субъекта к объективному историческому процессу. Иными словами, теоретический уровень познания позволяет сделать рефлексивный образ адекватным объективному историческому прошлому. «В процессе реконструкции важно действовать так, – отмечает М. П. Яценко, – чтобы история была одновременно и «окном» в реальную, привлекающую своей полнотой жизнь и

нелицеприятным «зеркалом», в котором читатели узнавали бы самих себя...» [318, с. 57].

Вместе с тем нельзя приравнивать субъективный образ к объективному историческому процессу, поскольку на субъективный образ оказывает существенное влияние характер взаимоотношений, взаимосвязей между человеком, его миром и миром истории. На характере субъективного образа истории в значительной мере отражаются аксиологические и нравственные стороны человеческого бытия. В этом также заключается противоречие между человеком и историей. Но, поскольку человек является активным субъектом истории, то эти противоречия имеют тенденцию к сглаживанию и объединению. Олицетворением этого единства может стать представление об идеале. Г. Гегель подчеркивал: «[...] в каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько индивидуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать такие решения, которые вытекают из самого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего» [49, с. 61].

Механизм сравнения субъективного исторического образа с процессами и явлениями объективной истории носит характер обратной связи. В процессе сравнения исследователь может поменять свои оценки сформированного им образа прошлого, если он не отвечает его мировоззренческим установкам, нравственной позиции, нарушает комфортное состояние в окружающем мире. Этот механизм сравнения является связующим звеном между историческим прошлым и субъективным миром исследователя, человека и функционирует как механизм, предметом которого выступает нравственное отношение к объекту познания, то есть к объективному историческому процессу.

Историческая реконструкция имеет свою специфику в представлениях сторонников критического рационализма (К. Поппер) [215, с. 43.]. Согласно их

взглядам, человек в своей деятельности встречается с тремя основными мирами – миром объективным, миром субъективным и миром мышления. Мир мышления формируется под воздействием субъективного мира и является миром знаний, которые носят субъективный характер. Форма этого знания такова, что знания могут быть восприняты другими субъектами. Понятно, что реконструкция исторического прошлого приводит здесь к другому пониманию сущности истории. В современных условиях историческая реконструкция используется для удовлетворения потребностей, возникающих в процессе политической деятельности как области взаимоотношений социальных групп. Эта функция особенно ярко заметна на уровне конкретного региона, где особенно отчетливо проявляются ценностные пристрастия познающего историю. Установление (или переустановление) фактов в прочие реконструкции неотделимо от интерпретации – прояснения их смыслового содержания.

Здесь следует заметить, что сущность интерпретации состоит не в том, что какое-либо историческое событие, например революция 1917 года или битва на Курской дуге, подвергается переосмыслению для того, чтобы выявить условия, позволяющие прийти к данному факту. Сущность заключается в том, что интерпретации подвергается материал, который имеет в наличии исследователь для того, чтобы из его анализа и более глубокого понимания выявить то, что можно установить более объективно и всесторонне о тех фактах, свидетельствах, которые этот материал предоставляет. То есть, интерпретируя имеющиеся исторические источники, исследователь стремится воссоздать подлинную картину исторического события.

Демонтаж прежних структур, скрепляющих массив знания, и оформление новых осуществляются практически одновременно. Разрушение старых связей сопровождается возникновением новых, но факты занимают надлежащее место в структуре концепции, и тогда утверждается новая архитектура знания. Только после этого вступает в силу рефлексивное

мышление. Знание приобретает устойчивые формы, претендующие на теорию. Процесс формирования исторической теории организует, по сути реконструирует, ретроспективный взгляд, он трактует его как технологию конструирования нового исторического знания. Это часто приводит к искажению исторического сознания.

В среде русских исследователей с самого начала было известно, что любые научные теории необходимо рассматривать с позиций историзма, с одной стороны, учитывая общий уровень развития науки данного периода, а с другой – прослеживая истоки и ближайшие последствия формирования данной теории. Отечественная историческая наука, приобретя уже в первые десятилетия XIX века критический аппарат и научный характер, положила начало осмысленному всестороннему описанию прошлого, в основе которого лежали и философские подходы, и основы научности. Вместе с тем, такая необходимая схема может не ухватить сути самой жизни общества, так как взаимоотношения, складывающиеся между государством и обществом, как участниками исторического процесса, всегда являются противоречивыми. Одну из особенностей исторического сознания отметил Н. О. Лосский: «В числе многих парадоксов русской жизни один из самых замечательных тот, что политическая Россия была абсолютной монархией, а в общественной жизни в ней была бытовая демократия, более свободная, чем в Западной Европе...» [156, с. 278].

Для полноты анализа гносеологических аспектов исторического сознания необходимо обратиться к понятию «историческая память». Историческая память представляет собой целенаправленное обращение к истории во всей её полноте и многообразии. Это сознательное стремление воссоздать объективный процесс исторического прошлого. По определению К. Крамли, социальная память представляет собой средства, с помощью которых информация передается из поколения в поколение как осознание, так и через практические и эмоциональные связи между поколениями [327, с. 39 – 40]. Исследуя проблему исторической памяти, М. Фуко отмечал, что

образ прошлого не является некой константой, он постоянно меняет свое содержание под влиянием изменений настоящего [281, с. 147].

П. Хаттон эту мысль выразил следующим образом: «История является искусством памяти, так как она опосредует столкновение двух моментов памяти: повторения и воспоминания. Повторение связано с присутствием прошлого [...]. Воспоминание связано с нашими попытками в настоящем пробудить прошлое» [288, с. 23].

Другое мнение на этот счет имеет П. Нора. Он сводит все функции исторической памяти к функции хранильницы огромной суммы исторических фактов, которые нельзя полностью сохранить в воспоминаниях. Следовательно, по его мнению, нужно определить, какую сумму исторических фактов, которую нужно запомнить, чтобы использовать в социальной практике. Характеризуя историческую память, группа французских историков, которую возглавляет П. Нора, утверждает, что историческая память не сохранила общей непрерывной картины истории, так как между исторической памятью и историей существует разрыв. Историки, воссоздавая историю, создали особую среду памяти, которая формировалась на протяжении многих веков, от хроник Средних веков до современной исторической науки. И на каждом этапе формировалась картина фрагментарной памяти – памяти династий, общества, нации.

«Пространства памяти больше нет», – отмечает П. Нора [Цит. по: 288, с. 48]. Разделение истории и памяти отдельной исторической традиции, по мысли П. Нора, направляет историка на поиски контрпамяти и произведенных контртрадиций [Цит. по: 288, с. 48]. «Изменения в современном мире, утверждает П. Нора, столь стремительны, что обращение к коллективной памяти теряет свой смысл. Мудрость прошлого, которой общество когда-то доверяло, становится несущественной в культуре, в которой сегодняшние новации завтра устаревают. В мире “футурошока” мнемонические места исчезают, а история отказывается от роли связующего звена между прошлым и будущим» [288, с. 49]. Как нам представляется,

размывание границ истории как науки и фальсификация принципиальных периодов исторического прошлого приводят к потере главной функции исторического познания – формирования исторического сознания для сохранения своей идентичности.

По нашему мнению, достаточно полный ответ на данный вопрос дает Лотман. Согласно его представлениям, это стремление не к повторному воспроизведению текстов, средством фиксации для которых служат обычай и ритуал, а фиксация не на порядке, а на его нарушениях, не на законах, а эксцессах. А для этого, по его словам, «[...] требуются нестабильность исторических условий, динамизм и непредсказуемость обстоятельств» [157, с. 346, 347, 355]. Что, кстати, подтверждается российской действительностью конца XX – начала XXI века.

Рассматривая роль исторической памяти в процессе познания, уместно привести мнение на этот счет И. Гердера: «[...] человек сотворен, очевидно, чтобы искать порядок, чтобы внести ясность в свой малый промежуток времени, чтобы грядущее строить по прошедшему, – иначе, зачем человеку память, зачем воспоминания?» [55, с. 9].

Историческая память в современных условиях подвергается сознательному конструированию. Каковы же причины, обуславливающие необходимость конструирования исторической памяти?

Во-первых, в условиях глобализации остро встает вопрос о сохранении своеобразия и самобытности общества, его идентичности, об обеспечении стабильности и устойчивого развития социума, о сохранении его как исторического субъекта.

Во-вторых, историческая память выступает как средство манипуляции общественным сознанием в политических целях. Борьба за власть зачастую выступает как противоборство различных версий исторической памяти. Содержание исторической памяти меняется с социальной обстановкой, происходит пересмотр прошлого, которое подошло бы к настоящему.

В-третьих, в кризисных условиях в быстро меняющемся мире, когда отвергаются традиции и обычаи, люди испытывают острую потребность в стабильности. Поэтому в такие эпохи изобретаются новые традиции, которые дают иллюзию иммунитета перед переменами.

Новое общество, осознавшее свою новизну, нуждается в новом прошлом, с которым могло бы себя связать.

В первую очередь, историческая память подвергается конструированию со стороны государства. Именно оно управляет исторической памятью, регулируя интерпретацию, актуализацию отдельных фактов и событий, обеспечивая доступность исторических знаний.

От желания и способности общества сформировать представление о своем прошлом зависит содержание исторической памяти. Причем эта зависимость значительно сильнее, чем стремление исследователей активизировать в обществе воспоминания об этом историческом опыте. Каждое общество скорее реконструирует образ своего прошлого, отвечающий потребностям и интересам сегодняшнего дня, чем отбирает эти образы из сохранившихся воспоминаний. В результате то, что когда-то рассматривалось как прошлое, переданное данному обществу в наследие, представляется в нем как сконструированное прошлое. И, таким образом, реальность прошлого находит свое отражение в его репрезентации.

Иными словами, историческая память в различные периоды истории меняет свое содержание как по причине того, что каждая эпоха подходит избирательно к событиям прошлого, так и по причине изменения их оценки. В разные исторические эпохи одно и то же историческое событие может получить совершенно противоположную оценку и соответственно отразиться в памяти того или иного общества.

В современных условиях с расширением каналов информации происходит формирование альтернативных вариантов исторической памяти. В интересах конструирования исторической памяти общество использует широкий круг средств и источников, таких как средства массовой

информации, официальные тексты, одобренные властью, исторические произведения, мемуары, научные и художественные произведения, кинофильмы и др. Особое значение проблема конструирования исторической памяти приобретает в современном российском обществе в интересах обеспечения его стабильного и устойчивого развития.

При реконструкции исторического прошлого большое значение имеют не только память, но и забвение. В социальной практике ярко вырисовывается одна из закономерностей, заключающаяся в том, что обществам и отдельным людям присуща характерная черта: помнить ряд событий своего исторического прошлого и одновременно забывать даже значимые для данного общества или человека факты и события. Такое свойство социальной и индивидуальной памяти имеет свои конкретные причины. Если посмотреть на эту проблему с исторической позиции, то в архаические времена, когда еще не сложилась традиция фиксировать в письменной форме факты, многие события отдельных народов, исторических эпох со временем забывались, а наиболее значимые в последующем находили свое отражение в легендах, мифах, преданиях.

Важным моментом рассматриваемой проблемы стабилизационного исторического сознания с гносеологических позиций является признание того факта, что оно формируется в процессе использования принципа историзма в исследовании различных сторон общественной жизни. В основе научного познания лежит принцип историзма, то есть «сознание ученого – историка» [299, с. 116]. «Историчность» познания определяется временем протекания исторических событий, фактов и понимается совершенно в ином, нелинейном плане. Знание истории в данном случае обуславливается особенностями современности, в которой пребывает исследователь, направленностью его сознания, менталитета.

Для полноты обзора и уяснения сути всех сторон исторического сознания, суммируем сложившиеся к настоящему времени представления о принципе историзма.

- История как наука имеет своим объектом исторический процесс как процесс становления и развития человеческого общества, который осуществляется по объективным законам.

- В отличие от развития природы, исторический процесс представляет собой развитие, имеющее цели, которые преследует человек, и носит осознанный характер. На характер исторического процесса оказывают влияние и бессознательные психические процессы – эмоциональные, волевые и другие.

- Опытной основой исторического познавательного процесса являются исторические факты, отображение и исследование на основе критического подхода.

- В историческом процессе все явления и события детерминированы определенными причинами, являющимися следствием других причин.

- Современная историчность особо проявляет себя в пространстве, приобретая локально-региональные особенности.

Рассматривая характеристику стабилизационного исторического сознания с социально-философской стороны, мы имеем в виду соотношение в нем различных форм исторического сознания, классифицированных нами в первом параграфе данной главы.

В первую очередь, характерной чертой стабилизационного исторического сознания является преобладание исторической науки, позволяющей выяснить сущность исторического процесса, над мифом и хроникой. Целерациональная форма исторического сознания, имеющая более высокую степень рациональности и объективности преобладает над ценностно-рациональной формой, в которой превалирует эмоциональная сторона.

Рассматривая доминантные и временные формы исторического сознания, в качестве характеристик стабилизационного исторического сознания следует назвать монументальную форму, описывающую выдающиеся примеры прошлого. Преобладание эвристической формы над

либеральной, имперской над провинциальной, апологетической над критической, толерантной над ригористкой являются следующими характерными чертами стабилизационного исторического сознания.

Важной характерной чертой стабилизационного исторического сознания является значительное преобладание в нем таких видов духовных образований, которые соответствуют коренным историческим чертам данного общества. Рассматривая характеристику стабилизационного исторического сознания, необходимо подчеркнуть, что невозможно количественно измерить историческое сознание, для того, чтобы выяснить степень преобладания в нем форм и видов, соответствующих историческим особенностям существующего общества. И, тем не менее, главным доказательством их преобладания в обществе является сам факт стабильного существования данного общества.

Определенным показателем стабильности существующего общества может служить отношение населения к политическому курсу государства. Например, сегодня рейтинг Президента Российской Федерации В. В. Путина составляет 85 % [42]. Это говорит о том, что население страны поддерживает курс на превращение России в мировую державу, возвращение к своим историческим традициям.

Выводы:

1. Понятие «социальная стабильность» определяется как способность социальной системы функционировать, не изменяя собственной структуры. В то же время социальная стабильность предполагает в своем содержании развитие, при котором сохраняется качественная определенность и целостность данного общества как такового.
2. Историческое сознание, имеющее амбивалентный характер, может выступать как конструктивным, так и деструктивным фактором, в зависимости от своих качественных параметров и, соответственно, выступать либо стабилизирующим фактором устойчивого развития

общества, либо дестабилизирующим, ведущим к разрушению социальной системы.

3. Стабилизационное историческое сознание – это историческое сознание, ядром которого являются нормативное историческое знание, и которое выражает коренные исторические основания существующего общества.
4. В современных условиях актуализируется проблема сознательного конструирования исторической памяти, что вызвано необходимостью сохранения своеобразия и самобытности общества, обеспечивающих его стабильность и устойчивое развитие в условиях глобализации; стремлением некоторых политических сил использовать историческую память в своих интересах; необходимостью формирования обществом в условиях быстроменяющегося мира «нового прошлого», позволяющего создать, адекватное условиям современности, восприятие социумом своей истории как неразрывной связи прошлого с настоящим и будущим.
5. Основными характерными чертами стабилизационного исторического сознания с гносеологической точки зрения выступают объективность исторического знания, научный характер интерпретации, конструирование исторической памяти, принцип историзма.

С социально-философской точки зрения к характерным чертам стабилизационного исторического сознания можно отнести преобладание таких его форм, как целерациональная, монументальная, этатистская, имперская, апологетическая, толерантная, а также таких видов духовных образований, которые соответствуют коренным историческим чертам данного общества.

1.3. Факторы, обуславливающие актуализацию исторического сознания в кризисных условиях

Задачей данного параграфа является раскрытие основных факторов, обуславливающих актуализацию стабилизационного исторического сознания в кризисных условиях.

Существование в стабильной исторической эпохе не стимулирует к историческому познанию общества. В стабильные эпохи не встают с надлежащей остротой проблемы исторического процесса и смысла истории. В такие эпохи историческое и в целом общественное сознание отстает от общественного бытия [151, с. 43]. Для активизации исторического познания нужно, чтобы в человеческом сознании «наступила рефлексия» [26, с. 5]. Рефлексия исторического познания зарождается в кризисные периоды истории, когда начинают рушиться веками сложившиеся устои.

В эти кризисные периоды истории человечества, когда под вопросом оказывается будущее индивида и общества, появляется повышенный интерес к основаниям культуры и общественной жизни. В такие периоды остро возрастает мировоззренческая потребность в осознании действительности во всей её полноте и всесторонности. Перед индивидом и обществом встают вопросы, каковы причины происходящих перемен, какое будущее ожидает нас. В кризисные периоды активизируется общественное сознание, на уровне рационального и эмоционального начинается поиск коренных основ человеческого бытия, исторического прошлого. Разгораются острые споры и дискуссии по тем проблемам социальной жизни, которые в стабильной ситуации воспринимались как нечто должное, не подвергающееся сомнению.

В кризисные периоды общество с повышенным интересом обращается к истории. Потребность людей в познании хода исторического процесса, своей истории определяется их стремлением уяснить сущность происходящих в обществе перемен, смысл и последствия, найти свое место в меняющейся обстановке. В такие критические периоды жизни общества, по мнению В. О. Ключевского, «[...] пробуждается интерес к происшедшему

более серьезный, чем обычное любопытство к делам минувших дней. Тогда люди, силясь уяснить себе, связь и характер текущих явлений своей жизни, начинают спрашивать, откуда эти явления пошли и к чему могут привести» [114, с. 315].

Обращаясь к своей истории, общество преследует цель восстановить прерванную связь между сегодняшним днем и прошлым, найти в далеком и недавнем прошлом ответы на актуальные вопросы современности. Такое отношение к историческому прошлому, а также стремление понять его значение для сегодняшнего дня, усвоить уроки истории, получают в кризисных условиях звучание на общенациональном уровне. Причем, чем созвучнее исторические события переживаемому обществом моменту, тем больший интерес проявляет общество к ним.

Всемирная история на этот счет богата довольно яркими примерами. Возросший интерес к историческому прошлому был в период распада античного мира и крушения Римской империи. Такая ситуация складывалась в эпоху Просвещения, когда были пересмотрены традиционные представления об обществе и его истории. Такой интерес возник в период Великой французской революции и войн Наполеона. Повышенный интерес к истории возник в российском обществе в «Смутное время», положившее начало новой династии Романовых. В эти и другие периоды истории люди стремились постигнуть смысл исторического процесса. Актуализация исторического сознания как фактора социальной стабильности, таким образом, наиболее остро проявляется в кризисных условиях его развития.

Среди факторов, обуславливающих эту актуализацию исторического сознания в условиях кризиса, следует выделить, во-первых, фактор, вытекающий из характера современного этапа мирового развития. Он обусловлен тем, что сегодня происходят кардинальные изменения в историческом развитии, которые сопровождаются социальной неопределенностью, страхом перед будущим. Начало третьего тысячелетия современной истории отмечено идеологией конца истории и переходом к

постиндустриальному обществу. Современная обстановка в мире характеризуется новой научно-технической революцией, новыми явлениями в гуманитарной области. Ожидается гуманитаризация техносферы, обозначен прорыв к пониманию первоначал сознания, человеческого духа. Представители нового, развивающегося направления в науке – синергетики – утверждают, что возможно моделирование исторического процесса, его вероятностных направлений развития. По их представлениям, история не детерминирована непрерывной цепью объективных причин, она имеет многовекторный характер [133, с. 32].

Переход в третье тысячелетие породил новый, психологически объяснимый феномен: осмыслить и обобщить исторический путь человечества предшествующего тысячелетия и определить завтрашний день цивилизации. При этом особый акцент делается на прогнозирование проблем, которые человеческому сообществу и его отдельным социумам предстоит решать в ближайшем и отдаленном будущем. Эти проблемы получили свое название – «вызовы». Использование данной категории, а также понятия «ответ на вызовы» являются отражением нового качественного состояния человеческого бытия. Подтверждением данному постулату является то, что в конце второго тысячелетия начались основополагающие количественные и качественные изменения в условиях существования человеческой цивилизации. В перспективе они могут привести к глобальному цивилизационному сдвигу, то есть к качественно новому состоянию всего человеческого сообщества. Эти перемены заключаются в следующем:

выход на такой уровень использования существующих технологий, который угрожает необратимыми негативными изменениями среды проживания человечества;

развитие технологий, которые по своей мощности не уступают мощности природных процессов и ставят человечество перед реальной угрозой физического уничтожения;

рождение технологий, которые способны изменять биосоциальную природу самого человека. Эти возможные изменения могут быть сопоставимы с теми, которые привели к возникновению самого вида человека разумного;

формирование глобального информационного пространства, которое открывает широкие возможности для выстраивания принципиально новой системы социальных связей. Это, с одной стороны, дает возможность широко использовать все накопленное интеллектуальное богатство. Но, в то же время формируется личность, альтернативой непосредственного общения которой становится виртуальное пространство;

качественная трансформация геополитической картины мира. Сложившаяся после распада СССР монополярная система грозит и уже приводит к нарушению равновесия сил на международной арене со всеми исходящими отсюда негативными последствиями.

Изложенное подтверждает гипотезу, выдвинутую рядом ученых, что в современных условиях впервые за всю историю человечество столкнулось с такими изменениями условий своего существования, которые не имеют подобного в прошлом и требуют решительных и кардинальных в качественном отношении изменений форм и способов существования человеческой цивилизации. Учитывая объемы необходимой трансформации, можно предположить, что она способна привести к вышеуказанному цивилизационному сдвигу. Такой вызов представляется точкой бифуркации, прохождение через которую будет определять дальнейшее существование общества, либо его самоуничтожения как особого социального явления.

При этом нужно понимать, что гибель любого общества может произойти в результате неадекватных ответов на вызовы истории. Сегодня уже ясно, что многие ответы России на глобальные вызовы конца XX века оказались неадекватными. В связи с этим возникла опасность утраты России самого своего существования. Сегодня предпринимаются радикальные меры для недопущения этих негативных последствий. Об опасности реальных

угроз для России говорит и следующий факт. После распада Советского Союза на международной арене возник ряд вызовов, которые негативно влияют на внутреннюю безопасность России, в первую очередь, это такие виды транснациональных угроз, как международный терроризм, распространение наркотиков, неконтролируемая миграция.

В таких сложившихся условиях кризисного периода перед обществом встает актуальная задача по-новому оценить свое прошлое, настоящее и вероятное будущее. Соответственно, расширяются границы познания истории, практического использования накопленных в истории ценностей, заново открываются различные грани смысла и предназначения истории, активизируется поиск направлений дальнейшего развития на основе исторического прошлого. Наиболее показательным это проявляется в возрождении национальных традиций и обычаев, ставшее характерной особенностью современности. Этот национальный «ренессанс» вызывает потребность ценностного возрождения всего, что хранилось в историческом прошлом, представляющим иной вариант национального опыта.

Сегодня обращение к историческим традициям происходит как в странах Востока, так и в общественной жизни Западной Европы. Отмечаются некоторые преобразования общественной жизни в Восточной Европе, обусловленные возрождением национальных традиций, интересов. В России все большее число людей обращаются к православной религии в поисках своей культурной идентичности.

Даже из этого можно заключить, что на современном этапе истории движение вперед тесно увязывается с преобразованием настоящего с учетом богатого опыта исторического прошлого. И, следовательно, актуализированное практикой прошлое получает достоинство настоящего, в значительной мере определяет облик будущего [151, с. 62].

Во-вторых, актуализация исторического сознания обусловлена резким и все возрастающим ускорением общественного развития. Факт ускорения является общепризнанным и не требует особых доказательств, в настоящее

время он стал почти не подвергающейся сомнению очевидностью. Здесь важнее указать на те структурные изменения культурного опыта, которые происходят в связи с ускорением общественного развития. Восточные локальные цивилизации, например, Египет, проходили развитие от возникновения к расцвету за тысячелетия. Новый смысл социального и технического развития человечества придало «осевое время» (К. Ясперс), характеризующее невиданным ранее ускорением темпов развития. Выйдя в то время на арену мировой истории, Древняя Греция прошла этот путь за столетия. Конечно, по нашим представлениям и по нашему характеру ускорения, это развитие представляется слишком медленным, но по отношению к тому времени такой переход был чрезвычайно динамичен. «Греки, – отмечает А. С. Ахиезер, – несомненно, чувствовали, что живут [...] в эпоху невиданного и драматического ускорения исторического развития» [13, с. 9].

Сегодня темпы ускорения еще больше возросли. Только в XX столетии человечество осуществило переход от индустриального общества к информационному. Особенно значительными переменами характеризуется послевоенный период XX века. Он отличается быстрой сменой политических режимов в значительном числе стран мира, распадом колониальной системы, социализацией общественной жизни, громадными достижениями в науке и технике.

Глобальный мир, создав сложнейшую технику, изменил ритм и движение общественных процессов. Глобализация несет в себе такие негативные явления, как разрушение привычного образа жизни, убыстрение темпов развития, стремительные скорости. Скорости глобализирующегося мира кардинально меняют соотношение традиционного и нового, привычного и непривычного. Такое соотношение традиционного и нового немецкий философ, ученик И. Риттера, Г. Люббе называет «сокращение настоящего» [160, с. 95]. Этим Г. Люббе хотел сказать, что в быстро меняющихся условиях, с ростом количества инновационных процессов в

определенный промежуток времени сокращается хронологическая дистанция до того исторического прошлого, которое с практической точки зрения уже устарело, в котором уже нельзя узнать сегодняшнего мира, и поэтому оно предстает как чужое и непонятное. Кроме того, сокращение настоящего, по его представлениям, также означает, что по мере дальнейшего развития все быстрее происходят кардинальные изменения в жизни общества. И в таких условиях опыт, приобретенный предыдущими поколениями, становится все менее пригодным для прогнозирования будущего. Причем, по утверждению Г. Люббе, с ростом инновации растет и количество устаревающего или вместе с эволюционной динамикой растет множество реликтов. Цивилизационная динамика сопровождается прогрессирующей музеефикацией нашей цивилизации [160, с. 96].

В результате происходящей в обществе динамики, утверждает он, прошлое общества все быстрее становится чужим прошлым. Сегодня становится очевиден амбивалентный характер эволюции, происходящий в обществе, который, с одной стороны, вызывает рост благосостояния людей, расширение их свобод, а с другой ведет к утрате самоузнавания. Именно эти условия формируют в обществе консервативную реакцию на ускорение развития общественных процессов. Это ускорение вызывает в обществе стремление найти компенсации социальной динамике. Обращаясь к историческому прошлому, люди стремятся сохранить свою идентичность, прослеживая связь прошлого с современностью. Для того, чтобы общество смогло понять и сохранить свое прошлое, требуется специальная работа научно-организованного исторического сознания, усилиями которого компенсируется потеря чувства знакомого в жизни. Более того, по мнению Г. Люббе, «[...] усилия исторического сознания компенсируют опасности темпорального растворения идентичности» [160, с. 97].

Таким образом, историческое сознание выполняет функцию компенсации негативных явлений, привнесенных социальной эволюцией. Причем такой компенсаторный консерватизм нельзя отождествлять с

патриархальностью и традиционализмом. Как нам представляется, этот тип консерватизма, который можно назвать «стабилизационный» консерватизм, не вступая в противоречия с современными процессами, ищет основания социальной стабильности в историческом оправдании настоящего.

Ускорение социального развития приводит к изменениям в характере отношения человека и общества к будущему. Все большее применение техники в общественной практике приводит к формированию технократического мышления, к выдвигению в пространстве будущего на первое место практицизма, делового расчета. Это, в свою очередь, формирует у людей неуверенность в возможности использования современных оценок, норм и правил в будущем. Привлечение будущего к современным событиям и решениям можно объяснить и тем, что в условиях расширяющегося информационного пространства перед каждым цивилизованным обществом появляется проблема избирательного подхода к огромной массе информации и определения того объема сведений, который необходимо передать в качестве исторических источников будущим поколениям. От решения данной проблемы будет зависеть тот объем информации, который позволит потомкам узнавать наше настоящее.

Столь широкомасштабное обновление общества формирует в общественном сознании представление о своем обществе как об обществе всеобщего разрушения, где каждый индивид остаётся один на один с неким чуждым ему, неведомым и непредсказуемым. Не успевая соответствующим образом отвечать на различные изменения, индивид обращается к мистике, прибегает к спиритному, наркотикам, насилию, в нем формируется агрессивность. Не является в этом отношении исключением и такая высокоразвитая страна, как США. Несмотря на высокий уровень жизни, она, по оценке Э. Тоффлера, «[...] является страной, в которой десятки тысяч молодых людей спасаются от действительности, выбирая наркотическое отупение; страной, в которой, миллионы взрослых ввергают себя в постоянный телевизионный ступор или в алкогольный туман; страной, в

которой легионы пожилых людей прозябают и умирают в одиночестве; в которой бегство из семьи и от принятой ответственности становится массовым; в которой широкие массы подавляют свои страстные желания различными транквилизаторами и психотропными препаратами» [263, с. 560].

В столь непростой обстановке, сложившейся в мире, всем хочется, говоря словами П. Нора, «[...] ощущать на сапогах побольше прилипшей к ним земли прошлого» [Цит. по: 90, с. 491], то есть быть уверенным в своем будущем. Важным условием обретения уверенности в современном быстро меняющемся мире является обращение к своим историческим корням, позволяющим ощутить тесную связь прошлого и настоящего.

В-третьих, в условиях все возрастающей динамичности, стремительности не успевают адекватно реагировать на масштабные изменения и приспособляться к ним, привести их в соответствие со своими традициями и национальные государства. Главной опасностью для них является современный этап глобализации, во многом носящий субъективный характер. Глобализация ведет к существенным изменениям, а в последующем – размыванию особенностей национальных культур, которые являются фундаментом цивилизационного многообразия человечества. Современный этап глобализации, являясь, по оценке ряда исследователей этого феномена, «[...] превращенной формой национализма стран “первого мира” и США [...]» [60, с. 3], подвигает наиболее развитые, сильные страны неевропейского мира искать свои национальные способы осуществления глобализационной стратегии и тактики, которые смогли бы поставить заслон ее расползанию в лице «вестернизации или культурной гибридизации» [60, с. 3].

В-четвертых, большое значение приобретает историческое сознание в кризисные периоды в связи с кардинальными изменениями в общественной жизни. Эти изменения, происходящие в социальном организме, требуют радикального решения многих проблем, связанных в первую очередь с

поиском путей выхода из кризиса, определением направления дальнейшего развития, а также вопросов экономического, политического, социального характера. Для определения конкретных мер по решению этих проблем, поиска ответов на жгучие вопросы общественного бытия – что делать, с чего начать, кто виноват, — общество вынуждено обращаться к своему историческому прошлому, поскольку только в нем можно найти ответы на возникшие вопросы, предсказать желаемое будущее, вычленив те закономерности, перенос которых в будущее даст возможность выстроить новый курс социального развития. В чем суть обращения к прошлому? Перед человеком и обществом в целом выдвигается задача проанализировать и уяснить те условия, в которых ему предстоит действовать в интересах достижения поставленных целей. Одним из главных путей теоретического овладения этими условиями является их исторический анализ, то есть анализ развития общества во времени.

В стабильные периоды эволюции общества исторический анализ результатов предшествующих эпох осуществляется под влиянием доктрины, преобладающей в данном социуме, и не сопровождается повышенным вниманием к её основаниям. В те же периоды жизни социума, когда наступает кризис, происходят революционные преобразования, смена парадигмы исторической науки, происходит резкая политизация и идеологизация этой проблематики, поскольку она касается интересов тех классов, социальных слоев, которые выступают за смену парадигмы, и тех, кто стремится сохранить её.

В-пятых, актуализация исторического сознания обуславливается необходимостью заново переоценить те политические, культурные, религиозные, моральные и другие ценности, которые до кризисного периода определяли образ жизни общества. Для подтверждения этого тезиса обратимся к Смутному времени (1598–1613). Это время наложило свой отпечаток на дальнейшую судьбу российского общества. Его главное следствие заключалось в том, что, «[...] прервалось политическое предание,

старый обычай, на котором держался порядок в Московском государстве XVI века [...]. Из потрясения, пережитого в Смутное время, население России вынесло [...] обильный запас новых политических понятий, которыми не были знакомы их отцы, люди XVI века» [116, с. 62]. Изменился и сформированный веками взгляд общества на государство и государя. Ещё в XVI веке люди видели в царе хозяина земли русской, а Смутное время, давшее обществу такие новые явления, как выборность царя, его отсутствие, породило идею государства и идею народа. «Рядом с государевой волей, – отмечал В. О. Ключевский, – [...] становилась другая политическая сила [...] – воля народа» [116, с. 64]. Смута вызвала к жизни и такие социальные явления, как самозванство, выборность царя, гражданская война.

Отказ от прежних и формирование новых ценностей происходил в период распада Римской империи и зарождения европейской цивилизации. На основе зарождавшейся христианской религии складывалась новая идеология, жесткой критике подвергалось историческое прошлое империи, рушились многие традиции античности, древние храмы подвергались разрушению, эта же судьба постигла и произведения античных скульпторов.

В современных условиях произошли глубокие ценностные изменения на Западе, который стал индивидуализированным обществом. В таком обществе индивид оказывается незащищенным перед происходящими переменами, он живет в обстановке неопределённости, соответственно, не может строить долгосрочные планы по достижению своих целей и заменяет их сегодняшними результатами. Такой человек отрывается от общества, теряет контроль над общественными процессами, в нем угасают чувства коллективизма, ответственности и солидарности с другими людьми, он теряет связи, как с прошлым, так и настоящим, для него общественные нормы морали теряют смысл [277, с. 4].

Следует иметь в виду, что с психологической точки зрения переосмысление духовных ценностей, новый взгляд на историю в сознании различных слоев общества отражается по-своему. Старшее поколение

отвечает непониманием, раздраженностью, зачастую и психологическим шоком. Такое психологическое состояние можно объяснить тем, что для этого поколения история является их жизнью, она творилась ими, по отношению к истории у них сформировались определенные стереотипы. Гораздо легче адаптируется в новой обстановке молодежь, для которой прошлое вызывает лишь познавательный интерес. Зачастую у молодых людей вырабатывается неприятие исторического прошлого, и даже нигилистическое отношение к нему. В результате происходит разрыв связей поколений. В то же время новые оценки прошлого, переосмысление истории активизируют историческое сознание и старого, и молодого поколений. Как отмечает А. Н. Латышев, первые стремятся понять, почему Павлик Морозов из пионера-героя стал вдруг отрицательным персонажем. Другие не желают понимать, как один из тех, с кого они «делали жизнь», стал объектом политических нападков. У одних позиция в основном нейтрально-беспристрастного любопытства, у других – трагического неприятия резкой смены идеологических ориентиров [145, с. 78].

В-шестых, актуализации исторического сознания обусловлена тем, что в глазах широкой общественности складывается негативное отношение к экономической, политической и социальной обстановке, сформировавшейся в кризисном обществе. В таких условиях общество ищет в историческом прошлом утраченные идеалы. Как отмечал К. Маркс, «[...] как раз в такие эпохи революционных кризисов они (люди – А. Л.) боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая себе на помощь духов прошлого, заимствуя у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью наряде, на этом заимствованном языке разыгрывать новую сцену всемирной истории» [164, с. 119].

Например, в эпоху Ренессанса в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни западноевропейского общества происходили существенные изменения, начали формироваться европейские нации и буржуазное общество. Кризис феодализма привел к радикальным

изменениям в умонастроениях людей. Западная Европа отказывалась от средневековых представлений, основанных на христианской религии, и которые уже не удовлетворяли её требованиям. На первое место в культуре выдвигается проблема человека, гуманизма, признание получают разум, человеческие способности. Антропоцентрический характер культуры предопределил обращение к культурному богатству античного прошлого – литературе, философии, искусству.

Анализируя данный фактор актуализации исторического сознания, необходимо обратить внимание на взаимосвязанность и последовательность рассматриваемых факторов. Критический подход к сложившейся обстановке, противодействие ей, отрицание официальной идеологии, отказ от прежней методологии в интерпретации истории вызваны неудовлетворенностью знанием истории. Эта неудовлетворенность стимулирует активизацию деятельности по поиску в истории утраченных идеалов и ценностей, что, в свою очередь, активизирует историческое сознание.

Здесь по-разному представляются взгляды старшего и молодого поколения. Старшее поколение оценивает сегодняшний день с позиции сложившихся в их сознании стереотипов, которые проявляются в идеализации прошлого, тоске по нему, им вполне естественно представляется, что в прошлом все было лучше. Иных взглядов придерживается молодежь, в основе поиска идеалов которых лежит прагматический интерес. Молодым людям нужны образцы, по которым они хотели бы жить сегодня. Но поскольку в условиях кризиса общество утратило большинство своих ценностей и идеалов, сознание молодежи неизбежно обращается к поиску этих идеалов и ценностей в историческом прошлом.

В-седьмых, актуализация исторического сознания обусловлена такой особенностью современности, как отчуждение человека в гражданском обществе. Это отчуждение в социуме создает прогресс цивилизации, ведущий к автономизации различных сфер социальной жизни – экономики,

политики, искусства, науки. Негативным последствием этого такого является отрыв человека от исторических корней. Человек становится абстрактным изолированным существом, лишенным религии, семьи, национальности. В условиях аисторичности задачей исторического сознания является восстановление прерванной связи между историческими корнями и будущим, которая образует основы ориентации человека в современном мире.

В-восьмых, актуализация исторического сознания обусловливается возрастанием роли исторической науки. Это объясняется тем, что в кризисные периоды в обществе появляются политические партии, которые стремятся переоценить официальную историю, сформировать свое представление о ней. Используя историю, они способствуют разрушению сложившихся в обществе традиций, а так же пытаются создавать новые. Так, после 1917 года большевистское руководство страны, заявив, что до 1917 года была только предыстория, то есть история вождей, князей, царей, императоров, а настоящая история, история пролетариата, только начинается, заменило преподавание в высших учебных заведениях истории России на историю КПСС.

Подобным образом поступили, но уже с советской историей, в период перестройки. В конце 1980-х годов в Советском Союзе в большинстве публикаций на тему истории СССР основные события истории советского периода представлялись только в негативном свете, размывая в сознании людей положительные оценки достигнутых успехов в науке, технике, экономическом развитии, культуре. Основное содержание истории России советского периода представляла информация о преступлениях, репрессиях, неудачах и т.п. Вполне очевидно, что задача состояла в размывании в исторической памяти событий советского периода. А смена веры ведет к росту массового безверия, эгоцентризма, негативизма, цинизма, нравственной опустошенности культа силы.

В-девятых, важным фактором, способствующим актуализации исторического сознания, является освоение историками новых методов и приемов исследования, которые позволяют с иных позиций взглянуть на прошлое человеческой цивилизации. Овладение историками междисциплинарной методологии, позволило вскрыть новые, неизвестные ранее факты и события истории человеческого общества. Более того, в пределах теоретического уровня исторического сознания данной формулировке указанного фактора можно дать более емкое толкование. На возрастание роли исторического сознания оказывает влияние не только использование в исследованиях междисциплинарной методологии, но и в более широком смысле иной подход к практике исторического исследования.

Переосмысливая и переоценивая существующие концепции истории, некоторые историки отошли от использования понятия закономерности исторического процесса. В центр исследований была поставлена индивидуальная сторона исторических явлений, личность и её деятельность стала выступать как основной объект истории. В историческом сознании глубоко утвердился взгляд на исторических личностей как главной движущей силы истории. В ряде исторических исследований стали активно использоваться достижения других социальных и гуманитарных наук, что привело к появлению новых научных дисциплин, таких как «Социальная история», «Политическая история», «Теоретическая история», «Историческая психология».

Довольно широкое развитие в исторической науке получили такие направления, как консервативно-рационалистические, радикально-обновленческие и другие. В исторических исследованиях западных историков произошел отказ от идеи наличия объективных основ истории человечества, преемственности в развитии социумов. Историческое прошлое в представлениях ряда исследователей представляется фрагментарным и прерывным. Анализу подвергается не то общее, что лежит в основе всей истории человечества, а различия и разграничения, которые не обязательно

должны быть сопоставлены друг с другом. Вследствие таких изменений в методологии и проблематике исторических исследований произошло смещение от прежних традиций рассматривать основные сферы общественной жизни, такие, как экономическую, политическую, социальную, к различным феноменам повседневной и частной жизни. Особое внимание стало концентрироваться на таких телесных и эмоциональных сферах поведения человека, как насилие, эгоизм, отвращение, мазохизм, муки, боль, инцест, гневливость, трансвестизм и других антропологических сюжетах.

Нетрудно обнаружить, что при данном подходе к исследованию истории в исторической памяти запечатлеваются не последовательные события, имевшие место в жизни феноменов прошлого, а, наоборот, особенности каждого из этих феноменов. Иными словами, не последовательность исторических событий, их преемственность и развитие, а инаковость, прерывность каждого из исследуемых феноменов подвергаются анализу историков. Таким образом, в научных исследованиях получили развитие совершенно новые, не имевшие достаточного распространения ранее интерпретации исторического процесса.

Десятый фактор актуализации исторического сознания в кризисные периоды заключается в необходимости накопления знаний об истории своего общества в интересах воспитания нынешнего поколения на традициях старших поколений, определения будущего, опоры на исторические знания в политической и идеологической борьбе.

Конечно, каждый из них можно представить как совокупность факторов, детерминирующих наличие исторического сознания вообще, не соотнося их с проблемой актуализации, так как эти факторы являются в значительной мере обязательным условием существования исторического сознания, и каждый из них отражает ту или иную функцию этого сознания. Вместе с тем, проблема заключается в том, что динамизм формирования содержания исторического сознания может создать предпосылки для

актуализации одной из его функций, которая может стать актуализирующей историческое сознание в тот или иной момент истории. Например, функция передачи наследия исторического прошлого в современных условиях явилась непосредственно сопричастной с тем разрывом отечественной культуры, который произошел в начале XX века. Отказ от прошлого опыта, принижение достижений общественной мысли дореволюционного периода, привели в значительной степени к духовным порокам, задача преодоления которых сегодня является актуальной.

Но данная проблема не так проста. Процесс возвращения к прошлому не прямолинеен, он требует учета как и положительных, так и отрицательных тенденций и течений, а также многовариантности названной проблемы и возможности формирования в связи с этим содержания сознания как в конструктивном, так и в деструктивном для социума направлении.

Фундаментальные вопросы – что мы представляем из себя как народ, куда мы идем – несомненно, интересуют любое цивилизационное общество. Эти вопросы становятся особенно актуальными в кризисные периоды истории. Именно этим можно объяснить возросший сегодня интерес к этим вопросам со стороны зарубежных и отечественных исследователей, которые стремятся познать общий ход истории, обращаются к таким мыслителям, как Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, Ф. Лоран, Г. Гегель, И. Гердер и другие, которые посвятили свои работы философскому осмыслению этих проблем. Этот интерес и характер ведущихся споров и дискуссий по данной проблеме являются важными показателями состояния и исторического сознания, и общественного сознания в целом. В этом интересе также проявляются уровень восприятия и глубина понимания этих основополагающих проблем, на их основе формируется видение путей дальнейшего развития общества.

Историческое сознание выступает здесь как самосознание личности и общества, как осознание «[...] народом, нацией, человеком себя как субъекта исторического действия» [7, с. 216]. Оно ориентирует общество на поиск ответов на актуальные вопросы современности через познание своего

исторического прошлого. Нужно акцентировать внимание на том, что действие рассматриваемого фактора актуализации исторического сознания относится к его теоретическому уровню. Этот уровень в целом активизирует историческое сознание и проявляется зачастую в форме научных дискуссий по этим вопросам. В то же время в условиях кризиса их напряженность, социальная значимость может выйти за рамки научных дискуссий. При определенных идеологических, политических и иных обстоятельствах потребность определения и уточнения исторической идентичности общества, его роли в историческом процессе оказывается настолько актуальной и популярной среди населения, что может захватить и обыденное историческое сознание. Следует также подчеркнуть, что этот фактор действует на том участке исторического сознания, на котором историческое сознание может преобразоваться в другие формы общественного сознания, что, в частности, объясняет идеологический и политический фон, на котором происходят дискуссии по названным выше идеям и теориям.

Здесь можно заметить, что использование исторического сознания в качестве специфического орудия в политической и идеологической борьбе является довольно частым.

В реальной жизни взгляд на историю формируется под влиянием текущей политической обстановки и нацелен на задачи, решаемые социумом на данном этапе развития. Важным здесь является соотношение политической конъюнктуры и принципа объективности, научности в познании истории. История часто использовалась политиками для аргументации своих целей, и если она не отвечала их интересам, то подвергалась переписыванию.

Выводы:

Во-первых, актуализация исторического сознания в условиях кризиса является общей закономерностью как в развитии мировой цивилизации в целом, так и конкретного общества в частности.

Во-вторых, в обстановке глобального системного кризиса роль

исторического сознания, как фактора социальной стабильности неизмеримо возрастает. Это детерминировано следующими факторами:

- кардинальные изменения в историческом развитии, поставившие человечество перед угрозой физического уничтожения;
- резкое ускорение общественного развития, вызывающее у человека стремление найти ему компенсацию;
- субъективный характер глобализации, разрушающий фундамент цивилизационного многообразия человечества;
- необходимость поиска в прошлом ответов на актуальные вопросы современности;
- необходимость переоценки ценностей докризисного периода;
- неудовлетворенность социальной обстановкой в кризисном обществе стимулирует активизацию деятельности по поиску в истории утраченных идеалов и ценностей;
- отчуждение человека в гражданском обществе, отрывающее его от исторических корней, делающего человека аисторическим;
- политизация истории;
- освоение историками новых методов и приемов исследования;
- необходимость передачи знаний об истории своего общества нынешнему поколению в целях его воспитания, создания надежной опоры в политической и идеологической борьбе.

1.4. Особенности проявления исторического сознания в кризисные периоды

Задачей данного параграфа является исследование характерных особенностей исторического сознания кризисного общества.

Любой социум в интересах сохранения своей стабильности и устойчивого развития стремится сформировать в общественном сознании положительный образ своего исторического прошлого, тесно связанного с настоящим, ближайшим и отдаленным будущим. Являясь одним из факторов

социальной стабильности, историческое сознание несет в себе объединительную, консолидирующую функцию, обеспечивающую единство целей и интересов различных людей, классов, этносов и социума в целом на основе осознания общности исторических корней, судьбы и будущности. Данная функция исторического сознания обуславливается господствующей в обществе идеологией. Государственная пропаганда в интересах распространения в обществе официального взгляда на историческое прошлое задаёт параметры нормативного исторического знания. В рамках этого знания формируется представление о наиболее приемлемых с позиций господствующей идеологии путях преодоления общественных конфликтов, развития всех сфер жизни общества, формирования нравственности. В этих целях каждое общество обращается к истории для поиска в ней исторических личностей, которые соответствовали бы интересами и целям данного общества. Так, в период «перестройки», во второй половине 80-х годов XX века в интересах пропаганды рыночной экономики как преемника новой экономической политики, – общественному сознанию был представлен один из ведущих адептов нэпа в целом – Н. И. Бухарин.

В кризисное время историческое сознание, сформированное в период стабильного развития, испытывает мощное давление со стороны идеологии, политики, экономики, которое меняет взаимоположение элементов его структуры. В современном мире историческое сознание подвергается особому давлению со стороны идеологов глобализации, поскольку историческое прошлое используется ими в качестве определенного базиса для оправдания насильственной глобализации. В представлениях идеологов глобализации историческая реальность является всего лишь итогом символического конструирования. Причем эта символическая реальность современности формируется, конструируется ими ретроспективно, то есть изначально историческое событие определяется как чистая случайность, возникшая в историческом потоке времени, как новая реальность. И лишь тогда, когда историческое событие станет не случайным, а приобретет

закономерный характер, появляется возможность определить его положение в созданной ими символической системе. То есть идеологи глобализации усматривают её истоки в начальном этапе истории и, тем самым, пытаются легитимизировать свой символический проект. «Понятно, – отмечает А. А. Грякалов, – что подобный подход носит односторонний характер, поскольку полностью основан на господстве европоцентристского, вестернизированного исторического сознания» [61, с. 23]. Вышеназванные и другие факторы в итоге оказывают существенное влияние на характер проявления исторического сознания кризисного времени.

Каковы же особенности проявления исторического сознания в кризисные периоды? Первой такой особенностью является усиление политизации исторического сознания как никогда в стабильное время. Под влиянием кризиса официальной идеологии детерминированное ею нормативное историческое знание неизбежно ведет к существенным изменениям в историческом сознании, которое оказывается в ситуации когнитивного диссонанса. Консерваторы используют все возможные средства для сохранения существующих взглядов на историю. Сторонники нововведений видят в сложившихся представлениях об истории духовные основания своих оппонентов, тормозящих преобразования. Сложившиеся в обществе классы, социальные группы, преследуя свои политические цели, обладая символическим капиталом и средствами его распространения, оказывают мощное воздействие на культивирование в сознании общества представлений об историческом прошлом, отвечающих их собственным интересам, и таким образом трансформируют духовный мир людей и историческое сознание общества.

Конечно, нельзя исключить влияние политики на историю. В большинстве случаев исторические работы имеют политический характер. Можно ли найти исследователя, который беспристрастно пишет о прошлом? Поскольку политическая власть формирует нормативную концепцию истории, то именно она является такого рода заказчиком. Более того,

становление истории как науки в XIX веке в значительной мере определялось таким «заказчиком», как государство. Таких примеров достаточно много в мировой и отечественной истории.

Владимир Мономах, с приходом к правлению на Руси в начале XII века, потребовал дать историческое оправдание его вокняжению, показав его родословную от самого Рюрика. В этих целях сын Мономаха и игумен Сильвестр создают новую историю, которая утверждалась в общественном сознании и заложила основы его последующего развития. И сегодня представляется весьма трудным воссоздать за этими субъективными наслоениями объективную историю того периода, когда шло образование Древнерусского государства. Приведенный пример является подтверждением того, что правящие элиты всегда вмешивались в процесс формирования исторического сознания. По утверждению К. Поппера, отбор фактов истории осуществляется таким образом, что вся история сводится к истории политической власти. Причинами такого отбора можно считать воздействие политической власти на всех членов общества, склонность к обожествлению власти [82, с. 124].

В нестабильные периоды истории происходят злоупотребления историей, манипуляция исторической памятью, использование непросвещенного исторического сознания для достижения политических целей новой власти. В кризисные периоды историки, даже с громкими именами, участвуют в пересмотре истории и формировании массового исторического сознания, угодного правящей элите. Прошлое предстает источником, откуда противоборствующими сторонами черпаются аргументы с целью не восстановить потерянную истину, а укрепить свои позиции с помощью подручного исторического материала. Распря вокруг истоков – феномен социально-психологический. По этому поводу М. Блок заметил: «[...] к прошлому для объяснения настоящего прибегали так активно лишь с целью убедительней оправдать или осудить настоящее» [Цит. по: 29, с. 81, 82].

Так, в XIX веке немецкая историческая наука поставила себя на службу прусско-немецкому властному государству, в глазах населения оправдывала войны, из которых возникло германское государство. В начале XX века она оправдывала развязанную Германской империей Первую мировую войну. Формированию идеологии правого радикализма, зародившегося в 1920-х годах в побежденной Германии, в какой-то мере, поспособствовали такие немецкие мыслители, как М. Хайдеггер, О. Шпенглер, Х. Фрейер, М. Шелер, А. Гелен, историки Э. Конторович, Л. Циглер и многие другие философы, историки, журналисты и писатели. Образцом понимания истории в духе правого радикализма явилась философия истории О. Шпенглера, Э. Ротакера. Выражением той же идеологии стала тема «историчности» М. Хайдеггера и его последователей [231, с. 41, 42]. И Гитлер без особого труда привлек на свою сторону ряд профессоров, которые пропагандировали расистскую идеологию, захватническую стратегию, а также политику уничтожения «неполноценных народов». Во Франции в послевоенный период сложилось только позитивное отношение французов к своему прошлому. Каждый из французов представлял себя участником движения Сопротивления. Все как будто бы забыли о маршале Петэне и правительстве Виши, которые сотрудничали с нацистами. Десятилетиями «великая нация» жила с коллективной ложью о годах Второй мировой войны [304, с. 23].

Примеры, подобные этим, можно найти и в истории России. В Смутное время Василий Шуйский для легитимизации своего положения дал важное задание историку М. И. Татищеву создать исторический труд, в котором доходчиво бы были описаны история Лжедмитрия I, его восшествие на Московский престол и свержение, а также показана деятельность самого Шуйского. Такой труд – «Сказание о Гришке Отрепьеве» вышел до начала коронации Шуйского и был широко распространен по городам. В нем описывались авантюристические действия Лжедмитрия I, воспевалась слава Шуйскому. В начале работы Шуйский предстает как пострадавший от злобного Годунова, затем как великий полководец, мудрый боярин и воевода.

Лжедмитрий обвиняет в присвоении чужого имени, осквернении православия, стремлении ввести католичество, женитьбе на еретичке. Шуйский предстает как борец за православную веру, так как он «[...] наипаче всех бояр радел и промышлял за православие» [182, с. 84]. Яркое описание в этом произведении свержения Лжедмитрия I, но в нем умалчивается то, что его совершила группа заговорщиков. Наоборот, это было представлено как настоящее восстание народа, которое возглавили братья Шуйские, помолвившись в Успенском соборе. После этого, якобы вскочив на коня, Шуйский «[...] вопиюще гласом велим: Отцы и братья, православные христиане! Постражиете за православную веру, побеждайте врагов христианских!» [182, с. 84]. Возглавив восстание, он повел их в Кремль и сверг расстригу. Конечно, здесь роль В. Шуйского чересчур преувеличена в его интересах.

Историческая память зачастую используется политиками для создания образа будущего. В 90-х годах XX века в Германии получают развитие неонацистские группы. На выборах в Европейский парламент французская националистическая партия Ле Пен получила значительное количество голосов. Тогда же в Италии распался режим, основывавшийся на противодействии фашизму. Новый режим взял за основу наследие Муссолини. «Грюндерские мифы режимов, – отмечает Ю. Шеррер, – возникших после войны, не могут противостоять оживлению прошлого, эвакуированного из сознания» [304, с. 25].

Итак, мифы и вымыслы служат компенсацией за утрату своей идентичности, то есть потерю обществом характерных ему свойств, стандартов, ценностей, ролей и социальных установок. Кризис идентичности в эмоциональном отношении всегда требовал более сильного заменителя. Это требование выполняется через возвращение к истории, обращение к национальным корням, повторного открытия забытого и представления, что будущее содержится в прошлом. И, таким образом, мифы о прекрасном будущем заменяются мифами о прекрасном прошлом.

В переходный период народ выходит из своего рода летаргического сна с характерной для этого внутреннего состояния утратой памяти, духовности, культуры. Вызванное шоком пробуждение, первоначально еще по преимуществу эмоциональное освоение действительности, постепенно уступают место рациональному ее постижению. В эти периоды зачастую случайные люди могут выступать носителями исторической памяти. Видимо, на это оказывает влияние возбужденное состояние сознания, повышенная эмоциональность людей. Образуются политические партии, движения, пытающиеся совместить с собственными интересами потребность социума в историческом знании. Этот симбиоз ведет к появлению псевдонаучных знаний, заблуждений, новых мифов, легенд и стереотипов мышления. История, в таких случаях, становится на службу политической конъюнктуре.

В кризисных условиях на формирование исторического сознания оказывают огромное влияние национальные идеологии. История в такие периоды становится основой для подъема национального духа, обоснования права нации на жизненное пространство, угрозы насилия. Историческая память возвращается в общественное сознание и героизирует страдания и подвиги отцов, ссылается на «кровью политую землю», требующую защиты, а при необходимости освобождения с помощью оружия. Формируется комплекс угроз, демонстрируются сила и готовность к агрессии, усиленно формируется образ врага. Сформированное таким образом национальное чувство направляется против народа другого вероисповедания и языка, который обязан ответить за причиненную нации несправедливость, все равно, было ли это недавно или много веков назад. «Насилие скрывается в историческом материале, – пишет немецкий философ Д. Гайер, – и сжимается сердце, когда мы видим, что не только политики, но и историки подсовывают воинствующему национализму аргументы, подслащенные ученостью» [47, с. 30, 31].

В кризисные периоды истории историческое сознание в значительно большей степени, чем в стабильные времена, подвергается мифологизации.

Как специфический продукт общественной жизни миф является составной неразрывной частью истории человечества, его спутником. Мифы, обладающие мобилизирующей силой, представляют собой могущественный фактор истории. Часто в истории мифы оказывали гораздо большее влияние на поведение людей, на образ их мышления, чем сама объективная реальность. Именно мифам обязаны своим появлением, такие понятия как «отцы отечества», «вожди народа», «вожди пролетариата». Под их руководством завоевывались огромные пространства, на которых создавались одни могущественные империи и разрушались другие.

Несмотря на огромные масштабы успеха научного знания, мифы не ушли в историю, они продолжают жить в современном мире. Это объясняется тем, что их корни находятся в глубинах истории и традиций. Каждая эпоха, отрицая или сохраняя прежние мифы, творила новые, которые оказывались не менее привлекательными, чем старые. Особенностью современных мифов в отличие от классических, которые создавались стихийно, является их сознательное конструирование и целенаправленное навязывание общественному сознанию. Таким образом, сформированные мифы могут оказать существенное влияние на социальное и политическое поведение людей, сыграть объединительную роль, убедить и сплотить большие массы людей.

Примеров тому в истории немало. Так, после неудачных попыток ускоренного развития экономики СССР, М. С. Горбачев объявил курс на рыночный социализм. Необходимо было убедить людей в социалистическом характере проводимой реформы. В этих целях была мифологизирована ленинская новая экономическая политика, которую представили общественному сознанию как первый опыт рыночной экономики в социалистической стране. Таким образом, общественному сознанию был навязан миф о совместимости рынка и социализма. В еще большей степени в конструировании мифов преуспела команда Б. Н. Ельцина, формировавшая в общественном сознании представление о капитализме как обществе

всеобщего благоденствия и беспредельной свободы обогащения. И не удивительно, что значительная часть населения страны поверила этим мифам, поскольку обстановке разваливающейся экономики и резкого падения благосостояния всем хотелось лучшей жизни.

В начале 1990-х годов ельцинское руководство страны в целях легитимизации своей власти усиленно формирует миф о том, что либерализм в России имеет глубокие исторические корни. По их мнению, уже в XV веке зародился российский либерализм, ставший альтернативой самодержавию, а в последующем и социализму. Продолжателем либеральных традиций, согласно этой линии, явился даже Иван IV, который ввел в стране местное самоуправление и создал суд присяжных. Либеральную традицию продолжила Екатерина II, давшая вольности дворянству, положившая начало формированию гражданского общества. По таким представлениям, либеральная цепочка тянется к декабристам, затем к западникам и первым либеральным политическим партиям начала XX века.

О. А. Карлова, исследуя проблему гносеологических и онтологических оснований мифического сознания, особенно подчеркивает, что в современных условиях формируются новые глобальные, государственные и религиозные мифы, содержание которых размывают гуманные идеалы человечества и приобретают все более изощренные формы [103, с. 5]. Она заостряет внимание на опасности «[...] использования мифологических “механизмов” в целях манипуляции общественным мнением. Оно актуализировано ситуацией, когда в политике практикуется использование социологической информации [...] как технологии формирования новых политических мифов» [103, с. 5].

Характерной особенностью исторического сознания в ситуации кризиса является то, что обращение к истории, спор на исторические темы выходят за рамки тонкого слоя профессиональных историков, философов, обществоведов, политиков. Оно втягивает в свою орбиту широкие слои общества, что становится одним из решающих факторов, формирующих его

культуру в целом. В результате, спор вокруг истории разрастается вширь и вглубь, возникает стремление с разных сторон оценить историю – нередко очернить ее, но часто и возвысить, найти точки соприкосновения, осмыслить случившееся, доказать, что все изменения, происходящие в обществе, обусловлены ходом исторического процесса. В то же время, это стремление отягощено многими задачами не связанными с поиском исторической правды, искажено своекорыстными интересами, безграмотностью и бескультурьем, а часто даже и с цинизмом.

Здесь следует обратиться к вариантам диалога отношений с историей, приведенных В. Ф. Кормером [129, с. 177, 178]. Поскольку диалог предполагает наличие как минимум двух измерений: во-первых, по отношению к нынешнему состоянию социума, во-вторых, к его историческому прошлому, В. Ф. Кормер выявляет четыре крайних типа. Между ними расположено многообразие идеологий, отношений и настроений, которые тяготеют к той или иной «сфере влияния», а так же промежуточных, колеблющихся, перемещающихся в ту или иную сферу. Для наглядности анализа он построил простейшую матрицу, отложив на одной оси отношение к прошлому, истории (огрублено: положительное или отрицательное), а на другой – отношение к современности (тоже огрублено: положительное или отрицательное).

Таблица

Типология вариантов отношений к истории [129, с. 177]

Вариант	Отношение к истории	Отношение к современности
Суперпатриотизм	+	+
Реставрация	+	-
Псевдокультура	-	+
Оголтелое западничество	-	-

На основе построенной таким образом матрицы автор описывает лишь экстремальные, маргинальные случаи:

1. Абсолютное принятие истории и современности, то есть видение в истории и современности только положительное, дает в итоге что-то вроде «квасного суперпатриотизма». «Это [...] случай, конечно, вырожденный, но как будто и такое встречается тоже: особый вид розового, в общем-то очень удобного для целей приспособительных, оптимизма. (Все всегда было хорошо, и сейчас хорошо, а будет еще лучше» [129, с. 178]. Заметим, что примером такого так называемого суперпатриотизма может служить идеология официальной народности. Ей был присущ оптимизм, на его основе предписывалось создавать исторические произведения. Наиболее ярко это отразил А. Х. Бенкендорф: «Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, – оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение» [Цит. по: 151, с. 52].

2. Второй тип отношения к истории назван автором таблицы «реставрация». В основе его лежит абсолютное отвержение современности и безоговорочная идеализация истории. Такой подход к истории рождает миф о «золотом веке», в котором жили наши предки. Наиболее ярко он проявился во взглядах славянофилов, мечтавших о возврате к допетровским временам, истинной православной вере.

3. Псевдокультура. По мнению В. Ф. Кормера, для этого типа характерным является отторжение истории и полное прятие современности. Такое отношение рождает на свет человека псевдокультуры, монстра: «Это он усердно уничтожает памятники старины, взрывает церкви [...] Он же с садистическим удовольствием цинично губит природу, леса, реки якобы во имя прогресса, но в действительности потому, что чувствует в них отзвук священного, родного – ненавистной ему исторической народной души. Что касается отношения к будущему, то этот монстр, кажется, в

высшей степени наделен тем инстинктом самоуничтожения, о котором писал И. Шафаревич» [129, с. 178].

4. Четвертый тип отрицает и современность, и историю. Это, по мнению В. Ф. Кормера, тип западника, причем оголтелого. «Его кредо: “в России никогда не было, нет и не будет ничего хорошего. Всегда одно и то же: только рабство и ложь. Вот Запад – другое дело!”» [129, с. 178]. Как пример скажем, что подобная обстановка сложилась в середине XIX столетия в России. В это время общественное сознание проявило особый интерес к историческому прошлому. Споры вокруг истории и будущего России привели к возникновению западников и славянофилов. Западники, осмысливая историю России, ссылались на европейский опыт. Обнаруженные различия между историческим развитием России и Запада формировали критические взгляды на историю России. Наиболее образно это было выражено в рассуждениях Чаадаева П. Я.: «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесследно. Глядя на нас, можно сказать, что по отношению к нам всеобщий закон человечества сведен на нет». [Цит. по: 151, с. 54].

Надо признать, что эта типология вариантов по отношению к истории носит условный характер. Поскольку в жизни существуют противоположные взгляды, оппозиции, лагеря, постольку имеются субъекты, которые не относятся ни к тому, ни к этому лагерю, они не поддерживают ни один из альтернативных взглядов, у них нет устойчивых убеждений, и они постоянно меняют свои позиции. Сегодня они придерживаются одних взглядов, завтра других, находясь под влиянием доводов более сильного соперника, определенно мыслящего. Подобный случай неустойчивости, постоянной смены взглядов В. Ф. Кормер определил как плавающий тип по отношению к истории.

Характерной особенностью исторического сознания в условиях кризиса является то, что в такие периоды оно всегда неглубоко проникает в тайны истории. Кризисному историческому сознанию присуща

эмоциональность. Здесь нужно иметь в виду, что историческое сознание нельзя рассматривать в отрыве от чувств и эмоций человека. Всё, проходящее через сознание человека, так или иначе, эмоционально окрашено, человек испытывает отрицательные или положительные чувства к тем или иным историческим фактам. Подобное происходит и в историческом сознании социума. Оно носит эмоционально окрашенный характер. События, затрагивающие интересы людей, глубже запечатлеваются в их душах и сохраняются в традициях, преданиях и верованиях.

Имея в виду существование подобной «эмоциональной памяти», можно ответить на непростой вопрос, почему в сознании народа Бородинское сражение запечатлелось глубже, чем сражение под Малоярославцем, где Наполеон понес тяжелые потери. Вероятно, значение ряда событий истории для социума выражается не только количественно. Зачастую, для него большее значение имеет нравственная, духовная сторона события. Поэтому эмоциональное потрясение, вызванное оставлением Москвы, заслонило другие события Отечественной войны 1812 года. Подобно этому, сражение при Лейпциге слабо запечатлелось в исторической памяти российского общества. Очевидно, существует правда истории и правда исторической памяти, поскольку эмоции и истина не всегда совпадают. Все это должно учитываться при осмыслении проблем социальной преемственности и обновления, связи и отношений различных поколений.

В кризисные периоды историческое сознание не стремится к познанию истины, на волне социальных неурядиц на первое место выдвигается ценностно-рациональное историческое сознание, которое ориентировано на поиск виновных в них. Такое историческое сознание находится в поиске «исторической правды». Эмоции преобладают над разумом, для такого исторического сознания характерны популистские и ригористские черты. Такое историческое сознание, основанное на эмоциях, легко поддается разного рода манипуляциям и трансформации. При этом подвергаются

трансформации временные формы исторического сознания, например, критическое может трансформироваться в апологетическое. Доминантные же формы исторического сознания, такие как либеральная, этатистская, антикварная, монументальная обычно не изменяются. Столь динамический характер исторического сознания обусловлен степенью интенсивности различных его форм, а также быстрым переходам к практическим оценкам исторического прошлого и конкретным действиям. С психологической точки зрения эта динамичность выражается в уровнях экспрессивности исторического сознания. Эти уровни ограничены желаниями людей, их надеждами на будущее, готовностью отстаивать их, повседневными привычками и практиками.

В историческом сознании кризисного общества, довольно широкое распространение получают элементы, которые активно отрицают основы данного социума. К ним можно отнести элементы, сформированные существующим обществом, но не соответствующие его основным историческим чертам, а иногда и противоречащие им. Социальные формы меняется всегда, когда кризис разрушает прежнюю социально-политическую структуру. Широкие массы людей стремятся осмыслить свои вновь возникшие как личные, так и общественные интересы в нарождающейся структуре. Глубокие изменения, происходящие при переходе от привычного и устоявшегося к новому и пока неизведанному, порождают общие факторы, которые оказывают влияние на характер исторического сознания. Характер и формы исторического сознания обусловлены уровнем удовлетворения потребностей людей, а также их материальных и духовных притязаний (у одних – связанных со старой, рушащейся структурой, у других – с новой, возникающей), соответствием заявленных прав реально предоставленным. В этом проявляется направленность исторического сознания.

Выводы:

1. В условиях кризиса усиливается политизация и мифологизация исторического сознания. Характерным для него являются динамизм и

эмоциональность, изменения соотношений составляющих его типов элементов. Широкое распространение получают те элементы, которые отрицают политические, экономические и духовные основы этого общества.

2. В кризисных условиях сохраняет свое значение положение о соответствии основных характерных черт исторического сознания основополагающим чертам общества. Просто, в данном случае, сложная и многоукладная природа социума под воздействием ряда факторов как объективного, так и субъективного характера. Эмоциональная составляющая исторического сознания преобладает над целерациональной.

3. В интересах осмысления исторических событий социума, необходимо по-новому взглянуть на историческое прошлое. Нужно вернуться к внутреннему смыслу исторической жизни. Это возвращение к историческому сознанию начинается в период становления нового общества, новых общественных отношений.

ГЛАВА 2. ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

Общие закономерности проявления исторического сознания кризисного социума нашли свое отражение в условиях современного глобального кризиса. Одним из проявлений этого кризиса, охватившего важнейшие сферы общественной жизни большинства стран мира, стал конец старого европоцентристского миропорядка. Мир необратимо вступил в новую фазу динамического переустройства, в которой практически не остается места для любого «мирового» центра, откуда можно было бы руководить всеми странами и народами. К тому же, основанное на европоцентризме историческое сознание Запада переживает глубокий кризис, связанный с утратой идентичности, исторической памяти, традиций, размыванием нравственных ценностей европейской цивилизации.

В обстановке глобального системного кризиса проявилась общая закономерность усиления политизации истории, которая в этой ситуации используется для обоснования объективного характера нынешнего этапа глобализации, явившегося одной из главных причин мирового кризиса, его необратимости. История также используется для легитимизации такого феномена, как обновленный космополитизм. Мировой системный кризис отразился и на российском обществе и вызвал серьезные изменения исторического сознания, переосмысление всей многовековой истории страны.

Основная задача данной главы – раскрыть сущность современного глобального кризиса, его обозначенные проявления в историческом сознании мирового сообщества и российского общества.

2.1. Современный глобальный кризис: причины и особенности

Задачей параграфа является рассмотрение причин и особенностей современного глобального кризиса, что необходимо для последующего выявления характерных черт исторического сознания.

При рассмотрении данной проблемы мы исходим из теории, разработанной отечественными учеными и философами о том, что кризис является одним из состояний общества, представляющим критическую точку в развитии социума, а также началом периода коренных изменений. Кризис представляется как нарушение существующего макроравновесия и переход к новому макроравновесию. Этот переход происходит в крутой, резкой форме. Такое переходное состояние общества характеризуется неадекватностью имеющихся средств для достижения целей. В результате создается новая обстановка, которая требует соответствующих ей образа мышления и способов практических действий [252, с. 149]. Ряд исследователей (Ю. Хабермас, М. Хайдеггер) при анализе кризисов используют понятие «социально-культурная энтропия» [284, 286], понимаемое, как падение уровня системной структуры, функциональности, сложности культуры социума в целом или ее деградации.

В социальной философии сложилось мнение о закономерном характере кризисов, которые свидетельствуют о том, что в социуме, располагающем определенной устойчивостью и прочностью наступает такой рубеж, далее которого оно, не изменив свое состояние, развиваться не может, так как исчерпало свои ресурсы и смысл существования, то есть обозначилась некая критическая точка в развитии социальной системы. В то же время, кризис кладет начало новым изменениям, ведущим к новому качественному состоянию социума, в результате которого, может быть достигнуто новое качественное состояние социума. Такая двойственная природа социальных кризисов позволяет воспринимать их не только как драматический этап развития общества, но и разглядеть в них определенные оптимистические основания.

Разразившийся современный глобальный кризис не стал случайностью, он имеет свои глубокие причины, и с данным фактом соглашаются многие исследователи этого феномена. В качестве одной из главных причин глобального кризиса можно назвать современный этап глобализации, его характер. Глобализационные процессы, которые с начала XX века становятся все более активными и находят свое выражение в социальной, политической, экономической интеграции, привели к обострению ряда противоречий. С одной стороны, глобализация расширяет диапазон сотрудничества, в первую очередь в экономической сфере, между государствами и регионами, с другой стороны, создает новые риски, её следствиями являются нестабильность, неуправляемость, рост новых угроз человечеству.

По оценке К. С. Гаджиева, глобализация способствует разрастанию кризиса до общемирового масштаба и потере контроля над ним [45, с. 8]. Глобализация способствует росту проницаемости границ в мировом масштабе, что, в свою очередь, способствует выходу за рамки национальных границ экономических и трудовых ресурсов, финансов, технологий, научных достижений, информации. Эти явления разрушают в своей основе культурные и социальные ценности, веками выработанные нормы поведения, размывают национальную идентичность, вносят раскол в общественное сознание, в том числе и историческое.

Следующая причина глобального кризиса заключается в особенностях развития человеческой цивилизации на современном этапе истории. Здесь нужно отметить, что появление и резкое обострение со второй половины XX века глобальных проблем не являются происками чье-то злобной воли, заговором каких-либо темных сил или преднамеренно кем-то выбранной политикой социально-экономического развития. К возникновению проблем глобального масштаба привели количественные и качественные изменения в развитии мирового сообщества, а также в системе «человек-природа». В результате этих изменений произошел цивилизационный поворот, переживаемый сегодня всем человечеством. Это – глубокий поворот,

значение которого до настоящего времени целиком не выявлено, а также не ясно, какие причины, его вызвавшие, вынуждают человеческую цивилизацию усомниться в верности выбранного направления на экстенсивное развитие. По мнению академика С. П. Капицы, переходный период, связанный с отказом человечества от экстенсивного развития, носит стремительный и жесткий характер. По глубинному характеру протекающих изменений, он сравнивает этот период с периодом появления самого разумного человека, произошедшим более миллиона лет до нас [132, с. 8].

Важной причиной глобального кризиса явилось новое соотношение сил на международной арене, сложившееся после Второй мировой войны. Крупнейшие страны Европы – Англия, Германия, Франция на время утратили статус великих держав, разрушилась европейская колониальная система. Укрепились позиции США, возросла роль СССР на мировой арене. Ни один вопрос международных отношений не решался без участия Советского Союза. При активном противодействии СССР Соединенным Штатам Америки был создан планетарный порядок, до конца XX века игравший определяющую роль в международной жизни. С разрушением СССР рухнул и этот миропорядок, в результате чего мир надолго потерял стабильность.

В этих условиях свое лидерство укрепляют США, которые предложили свой проект глобализации. Но он имел ряд скрытых недостатков, которые и обусловили главные кризисные явления современного этапа глобализации. Привлечение западными странами капитала в страны третьего мира позволяло западным фирмам использовать различия, существующие между отдельными странами и регионами, что ставило под сомнение декларируемое экономическое единство мира. Отсутствие механизмов эффективного регулирования инвестиций и товаров, которые вывозили частные компании, объективно увеличивало возможность финансовых кризисов, которые сегодня лихорадят мировую экономику. И, соответственно, в условиях отсутствия механизма систематического политического влияния на эти

страны, США стали использовать политику вмешательства во внутренние дела многих стран, которую они изощренно обосновали защитой интересов американских корпораций. Такая политика является одним из доказательств субъективного характера современного этапа глобализации – глобализации по-американски.

В рамках этой глобализации качественно изменились отношения, сложившиеся ранее между центром и периферией. Эти отношения характеризуются тем, что Запад активно навязывает свою политику остальному миру, которому остается только реагировать на эти действия. В результате на современном этапе глобализации выигрывают далеко не все, а лишь некоторые государства и крупные корпорации. Большинство же стран, неспособных адекватно отвечать на вызовы глобализации, становятся все более маргинализированными.

В контексте анализа данных причин глобального кризиса необходимо акцентировать внимание на том, что кризис российского общества обусловлен особым геополитическим положением России. Занимая положение между Востоком и Западом, Россия постоянно находится в состоянии цивилизационного выбора, следствием которого является формирование риска исторической нестабильности [225, с. 3]. Формируется представление о том, что Россия занимает нестабильное положение на оси Запад – Восток. По оценке К. М. Кантора, «Выбравшись из-под обломков [...] империи восточного деспота Чингисхана, Россия рванулась с дикого Востока на цивилизованный Запад, хотела стать им. [...] заимствовала у Западной Европы целые блоки ценностей, культурных норм, технических новшеств, естественно-научных и гуманитарных знаний, искусство, европейские языки, но от наследия дикого Востока избавиться так и не смогла. Все заимствования у Европы шли вразрез с народной культурной традицией. Политическая элита России стала отличаться от крестьянства, от рабочих не только как господствующий класс, но и как проводники чужеродной европейской культуры» [100, с. 26].

В обстановке глобального системного кризиса Россия по-прежнему стоит перед стратегическим выбором между Западом и Востоком. В результате возникает мощный потенциал раскола ее геополитического пространства. Такое цивилизационное положение России приводит к формированию неустойчивых структур, перенятых у западных и восточных соседей и поэтому смешанных по своему содержанию, а также форм, относящихся к социокультурному утилизаторству и эпитонству. Такое положение России позволяет утверждать, что она, как особое геополитическое и социокультурное явление, становится страной высокого исторического риска.

Основы глобального кризиса в сфере социальных, экономических общечеловеческих и государственных отношений видятся в искажении менталитета человека, то есть искажении особого склада разнообразных психических качеств человека, специфики их проявления. Переходные периоды были не однажды во многих европейских странах в разные периоды истории, но они носили кратковременный характер, не затрагивали интересы экономических отношений и отношений частной собственности и, соответственно, менталитет общества и отдельного человека. Но и кратковременный период жизни общества, если происходила смена форм собственности и экономических отношений, оказывал значительное влияние на менталитет. Начало возрождения России было положено в конце XX – начале XXI века, в то же время ее социокультурные основы получили начало гораздо раньше, еще в первом столетии нашей эры, воплотившись в исторически сложившийся менталитет русского человека.

История свидетельствует о том, что не единожды обновлялась и Россия. В X веке вместо язычества Русь получила христианство, начали формироваться новые духовность, обычаи, культура. Новой можно назвать Россию в эпоху Петра I, преобразования которого были направлены на использование европейских достижений науки и способов ведения хозяйства. Принципиально новая Россия предстала перед миром в результате

Октябрьской революции, объединив многие народы в составе Советского Союза. В новой России, получившей свой современный статус после распада СССР, началась складываться новая история, но в то же время в постсоветский период в российском обществе произошли коренные изменения в экономике, политике, социальной и духовной сферах. Вместе с тем не произошло сколько-нибудь, кардинальных изменений в менталитете людей, с их привычкой к всесторонней государственной защищенности [83, с. 147].

Глобальный системный кризис обусловлен не только обострением ряда объективных проблем человеческого бытия. Глубочайшие основы кризиса коренятся в человеческой субъективности. В этой субъективной сфере в настоящее время формируется чрезвычайно сложная ситуация, специфика которой требует пристального внимания со стороны социальных и гуманитарных наук.

Особенностью современности является то, что сегодня происходят кардинальные, далеко идущие изменения в соотношении социального и индивидуального в человеке, сложившегося на протяжении предшествующей истории. Сегодня все ярче высвечиваются антропологические сдвиги, которые охватывают основные стороны человеческой природы. В настоящее время динамика человеческой субъективности все больше проявляется в процессе индивидуализации, объективную основу которой составляет все возрастающая подвижность социальной структуры, приводящая к дестабилизации психологических связей индивида с социальными группами различного уровня. Существенная её основа заключается в прогрессирующем вытеснении групповых источников информации массовыми, надгрупповыми.

В итоге происходит разрушение традиционной модели культуры человека, мотивы, знания, мировоззренческие установки и нравственные нормы которого были основаны на относительно устойчивых групповых взаимодействиях. Индивидуализация, означающая рост автономии индивида, ставит его перед самостоятельным выбором ценностей, которые

ориентируют его сознание и поведение. Сегодня наиболее выражены такие явления, как усиление индивидуализма, десоциализация, уход в мир потребительских и гедонистических ориентаций, потеря исторической памяти. Из внутреннего мира индивида вытесняются социальные интересы и нормы. Они превращаются из внутренних во внешние, к которым индивид должен приспособиться. По сути, этот процесс представляет собой расхождение между реальной моделью человека и социально нормативной моделью. Современную цивилизацию Е. Л. Черткова называет «кризисогенной», самой опасной тенденцией которой является «[...] возрастающая *дегуманизация* всех видов человеческой жизни, потеря ясных смыслов, нравственных ориентиров» [313, с. 204].

Современный кризис, разросшийся до планетарных масштабов, чего еще не было в истории человеческой цивилизации, имеет ряд характерных особенностей, которые требуют провести их философско-антропологический анализ, то есть исследовать негативные тенденции и явления современной цивилизации, ведущих к патологическим и другим отрицательным явлениям в природе человека, в его взаимоотношениях с обществом и природой и заметно снижающий его личностный потенциал. В чем заключаются эти особенности, что отличает современный глобальный кризис от предшествовавших ему кризисов? Постараемся ответить на эти вопросы. В первую очередь, главной особенностью современного глобального кризиса является то, что этот кризис является кризисом социокультурным. Кризис охватил не только сферу общественных отношений, складывающихся между людьми, классами, социальными группами, нациями в процессе их совместной деятельности, но и культуру.

Можно с уверенностью сказать, что на протяжении всей истории человечества подобные кризисы не встречались. Наиболее кризисным в истории был XX век. Вместе с тем ни кризис 1929 – 1933 годов, поразивший страны Западной Европы и Америки, ни кризис середины 70-х годов XX столетия не имели такого характера, как современный кризис. В интересах

более ясного представления данной особенности глобального социокультурного кризиса проанализируем его проявление в различных сферах общественной жизни.

Планетарный характер современного глобального кризиса в экономической сфере проявляется в том, что в настоящее время зарождаются новые формы экономического сотрудничества и соперничества, мирного сосуществования и конфликта. Идет процесс поляризации экономических отношений. Происходит образование транснационального планетарного мира, «[...] превращая мировую экономику в интегральное целое» [333, с. 19 – 20]. В этом мире национальные государства играют все меньшую роль, в то же время возрастает роль таких субъектов глобальной экономики и политики, как крупные экономические организации, промышленные корпорации, транснациональные банки, широкомасштабные политические движения внутри отдельных стран – исламские фундаменталисты, антиглобалистское движение, террористические организации и т. п. Растет влияние на международной арене ряда малых стран, которые сегодня имеют существенные достижения в науке и технике, крупный финансовый капитал.

В политической сфере особенности кризиса заключаются не столько в ставших уже очевидными социальном, экономическом, информационном и других глобальных процессах, сколько в изменении традиционных способов организации мирового сообщества. Сегодня оно переживает самый сложный комплекс глобальных изменений, ведущих к формированию мегаобщества с весьма проблематичным будущим. Такой характер процесса формирования мегаобщества оказывает существенное влияние на изменение господствующих пока представлений о мировом социуме, международных отношениях, гражданстве, праве, политической власти, на поведение тех, кто вырабатывает стратегические планы создания в перспективе мирового сообщества. Вместе с тем эти и другие явления все чаще и чаще противоречат интересам суверенных государств, основной задачей которых является защита интересов своих граждан. Суверенное государство

представляет собой замкнутое пространство и реагирует на процессы, происходящие за его пределами во внешнем мире, исходя из своих внутригосударственных интересов.

Современный этап процесса глобализации активно влияет на положение отдельных стран на международной арене, которые далеко не одинаково реагируют на общую тенденцию глобализации. Для этого достаточно привести в пример разницу между ситуацией, сложившейся в государствах начального расположения транснациональных корпораций и государствах-реципиентах. Результатом глобальных процессов становится формирование торгово-индустриальной системы в международном масштабе, в сравнении с которой суверенные государства стоят на втором плане. В структуру этой системы входят транснациональные режимы, институты и организации, которые вырабатывают правила поведения в интересах достижения своих целей. Все в большей степени государства уступают им часть суверенитета. Эта наднациональная власть выступает в форме международных организаций (Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация, Всемирный банк). На самом деле за каждой из этих международных организаций стоят могущественные государства, а транснациональность имеет достаточно твердую национальную почву, которая очерчена кругом влиятельных государств – участников этих организаций.

Эта система выступает и как субгосударственные региональные акторы (федеральные земли, регионы, кантоны), которые все чаще действуют в транснациональных масштабах, не используя в качестве посредника государство. Такой регионализм ослабляет эффективность государственного регулирования. В качестве наднациональной власти выступают общественные акторы (неправительственные организации), сети которых опутывают планету и становятся политической силой, имеющей большое влияние в мире. В определенной мере к наднациональной власти можно

отнести гибридные формирования (государственно-общественно-частные), играющие возрастающую опосредующую роль.

Конечно, доминирующим элементом в этой структурной составляющей процесса глобализации выступают могущественные государства, которые фактически и управляют наднациональными институтами, и без поддержки которых ни внедрение новых технологий, ни продвижение политики либеральной экономики не могут осуществиться. Эти процессы, вызывающие необратимые последствия, остро ставят перед национальными государствами всех континентов вопрос об их способности к самосохранению в формирующемся мироустройстве. Для самосохранения национальных государств необходимо, чтобы их элиты подвергли самому тщательному анализу возможные и реальные последствия нынешнего этапа глобализации.

В социальной области глобальный кризис нашел свое проявление в том, что к концу XX века произошло тотальное разделение общества на богатых и бедных, вытеснены на периферию идеи социального государства. Причиной бедности большинства стран незападного мира является углубляющаяся колониальная политика стран Запада, их эксплуатация людских и материальных ресурсов этих стран. Лозунги свободы, равенства и братства, выдвинутые просветителями XVIII века, реализуются не во всем мире, о чем мечтали просветители, а находят свое воплощение лишь в странах «золотого миллиарда». Остальная же, большая часть людей в мире, лишена такого идеала, и им уготовано быть бедными и отсталыми.

К резкой поляризации общества привело формирование глобальной экономики. При этом бразды правления экономикой сосредоточены в некоторых странах, а отрасли, обеспечивающие производство, экологически вредное и ресурсозатратное, чаще всего находятся в совсем других странах. При таком разделении труда, считает А. С. Панарин, население стран периферии обречено на голод и нищету [203, с. 64]. Охватывая весь мир, глобализация по-разному осуществляется в различных обществах.

В основном она успешна и результативна для немногих стран, сумевших выйти на глобальный рынок. В то же время неравномерность развития большинства стран не позволяет им воспользоваться возможностями глобализации, они теряют свои позиции [52, с. 167]. Это еще больше увеличивает разрыв в уровне жизни между разными группами населения и разными регионами. Более того, в новом мировом порядке, устанавливаемом силой, идет борьба миллионов людей за выживание. Социальный кризис также проявляется в росте преступности и коррупции, правового нигилизма, процветании нарко- и порнобизнеса, утрате большинством народа своих социальных прав, ухудшается психическое и соматическое здоровье людей.

Что касается кризиса культуры, то нужно отметить, что его следствием стало разложение традиционной морали и нравственности, падение критериев духовности людей. Во многих обществах все большее распространение приобретает идея построения рационального социума, которому уже будут не нужны многие традиционные ценности. В то же время ряд исследователей считает, что именно идея рационализма, положенная в основу формирования культуры, при игнорировании нравственной, духовной стороны культуры явились основной причиной современного кризиса культуры. На этот счет довольно жестко звучит высказывание И. А. Ильина, приведенное Б. Н. Тарасовым: «Человечество пыталось за последние два века создать культуру без веры, без сердца, без содержания и без совести; и ныне эта культура являет свое бессилие и переживает свое крушение» [259, с. 863].

По оценке А. А. Гусейнова, в условиях доминирования в общественном сознании науки, вывод о том, что моральные нормы и оценки не поддаются научному обоснованию, стал своего рода приговором для них. Кризис, по сути дела, санкционировал бурный процесс дестабилизации общественной жизни. В результате этого, по мнению А. А. Гусейнова, произошли релятивизация и фрагментация общественных нравов. «Релятивирование выражается в том, что размываются традиционные моральные каноны,

многие явления высвобождаются из-под жесткого морального диктата [...]» [80, с. 6]. Отказ от моральных, правовых, религиозных и других ценностей и норм поведения, объявление их предрассудками привели к распространению биологических инстинктов, их укреплению, к антисоциальным актам [119, с. 165 – 166]. Нищета и голод в ряде стран усиливают эти инстинкты в поведении, толкают людей, лишенных элементарных благ, к нарушению норм морали и права, усиливают антисоциальное поведение.

В российском обществе утверждаются неолибералистские ценности, такие, как гедонистический эгоизм, индивидуальное благополучие, культ наживы, в то же время преданы забвению такие понятия, как «патриотизм» и «коллективизм». Переориентация ценностей, разложение культуры привели к росту иррационального поведения людей, которые все чаще стали обращаться к мистике. В обществе возобладал пессимизм, люди потеряли веру в будущее, все сильнее и настойчивее стали распространяться слухи о конце света.

Одним из проявлений культурного кризиса стало усиление религиозной нетерпимости. По национальным квартирам стали растаскиваться конфессии, ведется борьба за духовное пространство. На общественное сознание сегодня оказывают воздействие многие десятки религиозных групп и движений, проникших в Россию в основном с Запада. Под предлогом пропаганды здорового образа жизни так называемые «нетрадиционные религии» распространяют свою «религиозную» литературу прозападного толка, пропагандируют иной образ жизни [195, с. 4, 5, 7].

При анализе современного кризиса культуры, нужно подчеркнуть, что при прежних кризисах подвергались искажению или забвению некоторые ценности культуры или заменялись иными. Новые ценности, приходившие на смену прежних, воспринимались в обществе как нечто разрушительное и опасное. Вместе с тем, переживая драматические, иногда трагические переходные эпохи, культура все же оставалась тем ориентиром универсальных ценностей, которые служили людям и обществу идеалом

отношения к миру, другим людям, самому себе. Современный кризис культуры можно назвать культурной катастрофой, которая выражается в разрушении отношений между ценностями культуры и личностными ориентациями человека. В такой катастрофической ситуации размывается само культурное основание человека. «В этом подлинная причина “смерти человека” – в распаде его *сущности* на осколки [...]» [219, с. 426].

Причина кризиса культуры заключается в росте противоречий между всеобщностью ценностей культуры и особенностями жизни конкретного индивида, поскольку невозможно сохранить совокупность культурных ценностей, являющихся главным условием существования человека и всего человечества в современном меняющемся мире. «В том-то и мучительность этой проблемы, – пишет Н. А. Бердяев, – что движение “вперед” – это движение в “никуда”, если вечные ценности помещаются в ряд с переходящими интересами, уравниваясь с ними, а то и уступая им верховенство» [24, с. 144, 145].

В условиях кризиса обострилась национальная проблема. Причем всплеск этнонационалистических конфликтов охватил многие страны почти всех континентов [322, с. 3]. После распада СССР на постсоветском пространстве зародились так называемые «демоны державности» Украины, Молдавии, кавказских республик и даже Татарии, когда снова был поднят вопрос о соединении всех татар Поволжья, Урала и Западной Сибири в одно государство [12, с. 67]. В национальных автономиях России зародились национал-сепаратистские движения, особенно в Чечне, Туве, Якутии, Татарстане, что создало угрозу единству Российской Федерации. Попытки создания Уральской, Красноярской и Дальневосточной республик можно рассматривать как проявление регионализма. Под влиянием антирусской пропаганды в ряде национальных образований Российской Федерации возникло явление русофобии.

При этом происходят злоупотребление историей, инструментализация исторической памяти, мобилизация непросвещенности в массовом

историческом сознании для осуществления национальных стратегий, возвращение к истории, возрождение национальных традиций. Складывается впечатление, что будущее находится в прошлом. Несомненно, что прошлое, являясь объектом пристального внимания исторического сознания, как таковое нейтрально, относительно настоящего. В то же время, прошлое, осмысливаемое людьми, оказывает существенное воздействие на современную обстановку. Любое историческое событие может оцениваться по-разному, в зависимости от целей, преследуемых его интерпретаторами. Соответственно, эти события могут быть использованы в разжигании националистических и шовинистических настроений.

В постсоветский же период в ближнем зарубежье вновь сформированные властные элиты выдвинули требования легитимизировать выход своих республик из состава Советского Союза не только на основе международных отношений, но и укоренением в истории новых отечеств, с собственной «отечественной историей», а зачастую и пересмотром национальной истории [47, с. 30]. Наглядным примером здесь может служить война между Азербайджаном и Арменией за Нагорный Карабах. Этой войне предшествовала битва ученых-историков, академических институтов Еревана и Баку. Все большим расхождением характеризуется интерпретация истории, особенно ранних ее этапов, русскими и украинскими историками. Некоторые украинские историки выступают за Киевскую Русь для Украины, то есть за историческое наследие тысячелетней истории российской государственности.

Особенность современного глобального кризиса заключается также и в том, что он носит парадигмальный характер. Это выражается в том, что отрицая прежнюю парадигму монополярного мироустройства, формируется новая парадигма многополярного мира. Суть данной проблемы: сегодня идет разрушение той картины мира, которая была господствующей до настоящего времени. Здесь нужно иметь в виду группу кризисов, которые поразили многие сферы общественной жизни всех стран, и развитых, и

развивающихся, кризисов, разрушающих коренные основы западноевропейской цивилизации, подтверждающих окончание западнцентристского миропорядка и восхождение полицентрического миропорядка.

Как отмечает Юрген Хабермас, оценивая перспективы американского либерализма, этот гегемониальный либерализм уходит со сцены [284, с. 176]. В глобальном поле культуры США потеряли лидерство в силу того, что структура взрослеющей личности успела стать универсальным явлением. Мир необратимо вступил в новую, пока еще никем не изведенную фазу динамического переустройства, в которой практически не остается места для «вселенского» центра, из которого можно было бы руководить переменами. Мир оказался неподвластным любому самопровозглашенному центру, равно как любые попытки провозгласить себя центром мира не имеют более чем достаточных логических оснований. Вслед за закатом эры Великих культур заканчивается и эпоха центров мировой цивилизации [86, с. 47]. По убеждению Н. Н. Моисеева прежний миропорядок рухнул «[...] и, наверное, навсегда» [178, с. 5]. Конечно, конец западнцентристского миропорядка не означает перемещения всемирного центра, например, с одного континента на другой. Просто наряду с США и Западом появляются другие, близкие им по величине экономические и военно-политические центры. Это, в частности, подтверждает факт быстрого выдвижения на передовые позиции России, Китая, Индии, Бразилии. Важные радикальные отличия нового миропорядка от прежнего, западнцентристского, заключаются в том, что он опирается уже на ряд равных по величине центров, формирующихся на Западе и Востоке.

По своим коренным основаниям, глобальный мировой кризис является кризисом аксиологическим. Его суть заключается в том, что современная цивилизация, создав на основе достижений науки мощную технику, новые технологии, сформировав идеологию эконоцентризма и беспрецедентного потребительства, не заложила прочной нравственной и мировоззренческой

основы для того, чтобы эти техника, наука, технологии могли гарантировать человеческой цивилизации надежное будущее, перспективу сохранения мирового социума. Сегодняшние же стратегии развития, планетарные действия человеческой цивилизации, в основе которых лежат старые нравственные, мировоззренческие и интеллектуальные начала, сопряжены с риском существования человечества и не дают гарантии надежного будущего.

Уже сегодня XXI век характеризуется как век всепланетарного разрушения окружающей среды. Значительную роль в наращивании всепланетарных экологических проблем играет глобализация. Ее процессы, бесконтрольные со стороны государств, влекут за собой сокращение биоресурсов и безудержный рост загрязнения окружающей среды, техногенные катастрофы. Многие негативные явления, происходящие в современном мире, не ограничиваются рамками отдельного государства или региона, а в кратчайшее время становятся меганациональными, всеобщими, планетарными.

Эти экологические явления в настоящее время получили название мегарисков, мегаопасностей, мегаугроз, к которым можно отнести ядерные, генетические, социальные, экономические, экзистенциальные. Возрастание этих рисков приобретает необратимый характер, что ставит под сомнение экологическое будущее мирового сообщества. В этом отношении глобальные экологические проблемы являются тем пределом, который поставила природа такой системе ценностей. Современная цивилизация уже не имеет права оставаться в прежних рамках, с ориентацией на удовлетворение безграничных материальных потребностей, выходящих за пределы разумности и возможностей природы.

Еще более антигуманно звучит идея «золотого миллиарда», согласно которой на планете должен остаться только один миллиард людей, а шесть остальных станут только средством для их благоприятного существования. Но вряд ли эти шесть миллиардов согласятся с такой постановкой вопроса,

когда благополучие и процветание одного миллиарда достигается за счет всех народов, живущих на периферии. Больше нельзя мириться с обществом потребления, пора понять, что прежние идеалы жизни уже не соответствуют духу времени. Поэтому в условиях кризиса следует помнить о фундаментальной задаче – необходимости выработки и принятия новых критериев нравственности, новых мировоззренческих подходов к развитию человечества и отношению к природе «[...] смены ценностей современной цивилизации» [2, с. 52].

На состоявшемся в декабре 2011 года Всероссийском философском форуме также не раз задавался один и тот же важный вопрос о характере нынешнего мирового кризиса, в который вовлечена и наша страна [20, с. 175]. В докладах А. Н. Чумакова, В. К. Батурина и выступлениях участников форума Э. В. Кучеровой, А. О. Блинова, Г. Н. Мезенцева, В. В. Дюдина, Э. В. Панкова и др. достаточно определенно прозвучал ответ на этот вопрос: мировой кризис, как и системный кризис в России, тоже ценностный, принципиально аксиологический [20, с. 175]. Участники философского форума пришли к заключению: «Переход от господства экономики в человеческих практиках к господству настоящих ценностей жизни, а значит, и настоящих ценностных философских активностей – четко проявленное веление времени, некий базовый вектор общего цивилизационного развития всех земель» [20, с. 175].

Важной особенностью современного глобального кризиса, как нам представляется, является его экзистенциальный характер, как проявление сущностных, глубинных процессов, происходящих в современном обществе. По оценке Э. Мунье, этот кризис является не только экономическим, но и духовным кризисом, кризисом человека [184, с. 14 – 15]. Развитие экзистенциального кризиса шло на протяжении всего XX века. Первые его признаки проявились еще в период Первой мировой войны и сопутствовавшего ей кризиса гуманистической идеологии. Развиваясь в рамках культуры, этот кризис начал проявляться в социальной практике, в

первую очередь, в различных формах тоталитаризма. Дестабилизирующие последствия Первой мировой войны усугубил мировой экономический кризис рубежа 1920 – 1930-х годов, Вторая мировая война. Они привели к тому, что кризисная обстановка осознавалась и переживалась многими миллионами людей. Массовым явлением стала социальная дезориентация. В основе мироощущения людей того периода лежали чувства утраты героического прошлого, исторической памяти, обреченности на вечное жалкое существование в бедности, нужде, порочности, отчаяния, потери смысла жизни, чуждости нового мира. Истоки этих чувств пытался выявить К. Ясперс. По его мнению, человек пришел к пониманию несоответствия своей жизни, ее смысла, к необходимости подвергать все сомнению [316, с. 360].

Антропологический кризис, считает К. Ясперс, вначале видели в кризисе государственности, но затем он проявился в кризисе культуры как распаде духовности, то есть речь уже шла о кризисе самого человеческого бытия. В эмпирическом плане он видит проявление экзистенциального кризиса в ряде феноменов. Среди них К. Ясперс выделяет планетарный характер экономических отношений, технического приоритета над гуманитарными проблемами. Земной шар представляется большинству людей единым замкнутым пространством, в котором люди совместно пребывают для развития своей истории, что в свою очередь, вызывает процесс нивелирования. Безразличное к подлинному бытию людей, поверхностное, ничтожное связывает их. В результате этого происходит процесс утраты субстанциональности [316, с. 377].

Важную причину экзистенциального кризиса К. Ясперс видит в духовном упадке. Уничтожается духовная связь между людьми, на первое место выдвигается цинизм, происходит утрата гуманности, разбожествление мира, непререкаемости законов свободы, способности к созиданию разрушает критика, рассеиваются положительные жизненные силы людей. Конечно, К. Ясперс всесторонне анализирует глубочайший

антропологический кризис, но в то же время он не ищет способов преодоления. Нельзя считать его предложение вернуться к началу, к истинному бытию человека удовлетворительным путем выхода из кризиса.

Другой известный философ Х. Ортега-и-Гассет, считающий европейский кризис самым тяжелым среди тех, которые когда-либо имели место в истории, суть экзистенциального кризиса видит в появлении на авансцене истории «человека массы». Как бы продолжая мысль К. Ясперса о всеобщем нивелировании, Х. Ортега-и-Гассет следующим образом раскрывает это понятие: нивелируются судьбы, культура разных классов и даже половые различия. В результате наступает господство «среднего человека», «человека массы». По его убеждению, восстание масс грозит величайшей катастрофой, в результате которой человечество может вернуться к эпохе варварства. Причину «омассовления» европейской жизни Х. Ортега-и-Гассет видит в бурном росте населения Европы в XIX веке. Этот век произвел такое количество людей, что оно заполнило все пространство [198, с. 135], в результате чего исчезли герои, а остался только хор. Интересно, что такой бурный рост населения Европы Х. Ортега-и-Гассет приписывает как заслугу либеральной демократии как «[...] наивысшую их всех известных нам форм общественной жизни» [198, с. 136].

«Человека массы» Х. Ортега-и-Гассет характеризует как примитивного, напоминающего первобытного человека, оказавшегося в цивилизованном мире и пользующегося плодами цивилизации, воспринимая её как дар природы. Пользуясь благами цивилизации, он абсолютно безразличен к социальным, культурным, этическим законам и нормам этой цивилизации. По оценке Х. Ортега-и-Гассета, «человеку массы» присущи такие черты, как представление о жизни как легкой и обильной, самодовольство, чувство господства, жажда власти, вульгарность. Основным методом для него является метод силы. Такой человек создает угрозу вырождения человечества, его духовную смерть. Вполне можно согласиться с

Х. Ортегой-и-Гассетом в том, что процесс нивелирования углубляется и ускоряется по мере нарастания кризиса общества.

М. Бубер, один из создателей «диалогической философии», антропологический кризис видит во все более нарастающем распаде таких прежних органических форм совместной жизни людей, как семья, религиозный союз, городская и сельская община и появление индустриального общества, в котором человек утрачивает чувство обустроенности в мире, связи с другими людьми, у него появляются чувство заброшенности и одиночества [31, с. 192 – 193]. Другой фактор, обуславливающий кризис, М. Бубер видит в отчуждении человека и растущем овеществлении социальных связей. В результате отчуждения мир обособляется от человека, становится чуждым ему. Это проявляется в превращении человека в раба машин, их придатком, в выходе из-под контроля человека процесса производства и потребления.

Какой же путь выхода из кризиса предлагает М. Бубер? Он не видит выхода из экзистенциального кризиса ни в индивидуализме человека, в котором он противостоит бездомности современного мира на свои страх и риск, ни в коллективизме, где он теряет свою человеческую сущность. В отличие от других мыслителей, рассматривавших эту проблему, М. Бубер предлагает путь выхода из кризиса, который состоит в реализации идеи диалога «человека с человеком» [31, с. 230] как промежуточного состояния между индивидуализмом и коллективизмом, как «[...] место и носитель межчеловеческого бытия» [31, с. 230].

Экзистенциальный кризис обостряют парадоксы «общества знания». Настоящее время отличается колоссальным умножением знания, возрастанием его функциональной роли во всех сферах жизни общества. И здесь возникают актуальные вопросы о целях использования этих знаний, не является ли оно излишне прагматичным, не создает ли оно ложных целей и потребностей. По мнению Д. И. Дубровского, «[...] умножение знания ведет к умножению незнания, то есть новых проблем» [80, с. 18]. В таком

обществе возникает множество проблем, теряется контроль их размножения, разрастается сфера неопределенности, неуверенности, страха перед будущим, проявляются иррационализм, суеверие, мистика. В «обществе знаний» сформировался довольно широкий по масштабам рынок оккультных услуг, оказываемых разного рода экстрасенсами, гадалками, колдунами, астрологами, шаманами, целителями [80, с. 18].

Одной из новых проблем, создаваемых обществом знания, является проблема трансформации жизни самого человека, его психики, мозга, телесности с помощью науки. В некоторых кругах вынашивается мысль о возможности управлять процессом биологической эволюции, создавать новые формы жизни. Соответственно, возникла идея бессмертного постчеловека, которую выдвигают представители трансгуманизма. Радикальные представители науки (А. Болонкин, Р. Курцвейл и др.) выдвинули идею сохранения жизни и разума посредством их переноса на другой, небιологический носитель. Таким образом, «общество знаний» нисколько не упрощает жизнь человека. С одной стороны, значительно раздвигая диапазон возможностей человека, «[...] это общество, – по оценке В. А. Лекторского, – ставит его перед не существовавшими раньше рисками и угрозами» [149, с. 115].

Как нам представляется, важной причиной формирования «человека массы», а в более широком смысле обострения экзистенциального кризиса, является феномен диспропорционального развития человеческих способностей. Эта диспропорциональность заключается в том, что сегодня естественнонаучное и техническое знание опережают гуманитарное знание, развитие моральных и духовных сил. Так, главной задачей высших учебных заведений является подготовка квалифицированных специалистов, бакалавриата с узкой квалификацией или профилизацией. Основными принципами являются тесная связь с производством, подготовка для конкретного предприятия. Таким образом, речь идет о подготовке одного из ресурсов предприятия – рабочей силы.

В то же время сокращается количество часов на социальные и гуманитарные дисциплины, в том числе на философию, историю, социологию, политологию. В результате вуз производит «профилированного» человека, которому не нужны традиции и обычаи, и который судит в том или ином случае, исходя из конкретной ситуации. К тому же, предоставлено весьма мало времени для того, чтобы научить молодого человека обращаться с национальным и социальным наследием, иметь прочные знания об обществе, о его политической системе, об общечеловеческих ценностях, критериях морали, нравственности, красоты. Молодой человек должен быть уверен в том, что он важен и полезен обществу. Нужен ли обществу такой «профилированный» человек, подготовленный в соответствии с тенденциями развития производства, экономики, растворенный «в безличных системах» [184, с. 144] или же обществу нужна всесторонне развитая личность с основательным мировоззренческим образованием? Здесь ясно только то, что устранение диспропорционального развития человеческих способностей позволит преодолеть деструктивные процессы в антропологической сфере.

Выводы:

1. Кризис – это одно из состояний социума, носящее закономерный характер и представляющий собой нарушение существующего макроравновесия. В то же время кризис является началом периода новых кардинальных изменений, в процессе которых социум стремится достичь нового стабильного состояния.

2. Современный глобальный кризис имеет глубокие причины, отражающие характер современного этапа глобализации, следствием которого являются нестабильность, неуправляемость рост новых угроз человечеству. Кризис обусловлен такими особенностями развития человеческой цивилизации на современном этапе истории, как количественные и качественные изменения в развитии мирового сообщества

и в системе «человек-природа», порождающие деформацию менталитета и человеческой субъективности.

Причина глобального кризиса также в новом соотношении сил на международной арене, сложившимся после распада СССР и характеризуемом стремлением США сформировать однополярный миропорядок. Кризис российского общества обусловлен особым геополитическим положением России, ставящим её перед стратегическим выбором между Западом и Востоком.

3. Особенности современного глобального кризиса заключается в том, что он является социокультурным кризисом, охватившим как сферу социальных отношений, так и культуру. Кризис носит парадигмальный характер – как ответ на вызов США и некоторых стран Запада, стремящихся сформировать монополярное мироустройство, формируется новая парадигма многополярного мира. По своим коренным основаниям мировой кризис является кризисом аксиологическим, выражающимся в отсутствии прочной нравственной и мировоззренческой основы, которые гарантировали бы надежное будущее. Как явление сущностных, глубинных процессов, происходящих в современном мире, кризис носит экзистенциальный, антропологический характер.

2.2. Кризис европоцентристского исторического сознания

Задачей данного параграфа является проведение анализа кризиса европоцентристского исторического сознания.

Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, нынешний глобальный кризис, несущий в себе черты кризиса парадигмального, обуславливает смену старой, моноцентричной, основанной на господстве США и становление новой, полицентричной основы мироустройства. Одним из проявлений такого масштабного характера кризиса, затрагивающего все стороны жизни человечества, является кризис европоцентристского исторического сознания.

С нашей точки зрения, фундаментом, основанием европоцентристского исторического сознания явилось зародившееся под влиянием революций Коперника – Галилея – Ньютона накануне эпохи Просвещения научное мировоззрение, получившее название рационализма. Он сложился в XVII – XVIII столетиях и в историческом плане означал онтологическую подмену чувств рациональностью. Это послужило основанием исторического сознания европейской цивилизации на основе главной идеи – рационализма как специфического типа мышления, характерного для европейской культуры. Следствием рационализма стали европоцентристские позиции в осмыслении исторического процесса, формирование европоцентристского исторического сознания и мировоззрения.

Одним из основоположников философии Нового времени и классического рационализма стал Р. Декарт, без обсуждения которого, по оценке В. Н. Поруса, «[...] не обходится практически ни одно современное философско-методологическое исследование» [219, с. 7]. Поставив разум в основу бытия человека, Р. Декарт тем самым предоставил человеку свободу выбора своей судьбы и вселил в него уверенность в посюсторонней жизни. Таким образом, Р. Декарт сформировал философскую базу складывающейся европейской цивилизации.

Классический рационализм XVIII века основывался на представлении о мироздании как о действующем по вполне определенным, раз и навсегда данным законам, некоем механизме. Действие этого механизма, однажды запущенного Творцом, изначально было определено. Во Вселенной господствует жесткий детерминизм, а человек, как сторонний наблюдатель, не способен вносить какие-либо коррективы и соответственно влиять на изначально заданный процесс развития. В то же время человек обладает способностями к познанию этих законов и использованию их в повседневной жизни. Такой подход особенно ясно определил Ф. Бэкон. Он обосновал необходимость познания законов Природы для того, чтобы использовать их в интересах человечества. Задачи науки, её призвание и смысл Ф. Бэкон

раскрывает в своей работе «Великое Восстановление Наук»: «Я хотел бы призвать всех людей к тому, чтобы они помнили истинные цели науки, [...] чтобы имела от нее пользу и успех сама жизнь» [Цит. по: 97, с. 352, 353].

Здесь следует выделить главный момент, имеющий прямое отношение к теме данного исследования, а именно: отсюда наука начинает рассматриваться как источник могущества людей, власти человека над Природой. С этого времени человек претендует на роль Высшей Силы или Высшего Разума, и для того, чтобы познать Вселенную и свое место в ней, человек уже не пользовался гипотезой о существовании Бога, о чем в последующем заявит Ф. Ницше: «Бог умер», имея в виду, что Бог умер в душе человека. Таким образом, в Новое время человек выдвигается в центр Вселенной. Он всемогущ и всемогущ. Это был великий исторический поворот в сознании человека, именно человека европейского. С этого времени в сознании европейского человека сформировалась идея антропоцентризма, отличная от антропоцентризма эпохи Ренессанса.

Следует заметить, что между этими эпохами есть и общее, которое, как представляется, заключается в том, что сама постановка проблемы человека в эпоху Возрождения, прозвучавшая как возврат к традициям Античности, ориентировала мыслителей того времени на поиски смысла жизни человека в посястороннем мире, его места в Природе, его судьбы и получила ответ в известном изречении Д. Мирандолы: «Человек сам творец своего счастья». Хотя Д. Мирандола еще рассматривает человека как существо, которое способно стремиться к божественному совершенству, то есть Бог еще присутствует в человеке, как и во всей природе. Идеологи же антропоцентризма Нового времени видели единственно надежный способ сделать человечество свободным и превратить его во властелина мира и несметных ресурсов в безграничном наращивании научно-технической мощи мирового социума.

Рационалистический подход был положен мыслителями эпохи Просвещения и в основу учений об историческом процессе, обществе.

Философы французского Просвещения Ф. Вольтер, Ш. Монтескье, Д. Дидро представляли общество как рациональную совокупность индивидов-атомов, вершину истории видели в образе Просвещения, достижении идеалов универсальной рациональности, основой которых было естественно-научное мировоззрение. Впервые в философии идею универсальности развития выдвинул немецкий мыслитель и ученый Лейбниц в своем учении о монадах. Эта идея впоследствии стала одной из центральных в европоцентристском историческом сознании.

На рубеже XVIII – XIX веков в немецкой классической философии стали отчетливо проявляться европоцентристские взгляды на историю, ход исторического процесса, смысл истории. Именно в противоположность учениям французского и английского Просвещения сформировалась немецкая философия, в частности, философия истории, представители которой усматривали в идеях Просвещения угрозу культурного униформизма мира (И. Гердер, Г. Гегель, И. Кант, В. Виндельбанд, В. Гумбольдт, А. Шопенгауэр, Ф. Шлейермахер и др.). Если философы французского Просвещения видели общество как рациональную совокупность индивидов-атомов, то немецкие философы рассматривали общество как органическую целостность, объединенную культурой, а исторический процесс представлялся ими как движение к укреплению этой целостности, возрастанию смысла. В отличие от французского Просвещения, рассматривающего единство человечества как изначальную данность, обусловленную тем, что человек как разумный эгоист по своим естественным характеристикам одинаков повсюду, в немецкой философии проблема единства исторического процесса определялась как перспектива, конечная цель исторического развития.

И. Кант видел идеал процесса развития в прогрессе. Целью прогресса он считал достижение царства свободы, которое отличается от мира природы тем, что в нем свобода и природа связаны между собой. Исходя из этого, исторический процесс И. Кант видел как процесс действительной

воли, в котором разум противопоставлялся чувственности. Источником исторического процесса он считал законы разума [99, с. 101].

Опираясь на теорию И. Канта, а также на учение Г. Лейбница о возрастающем прогрессе, в ходе которого неосознаваемые восприятия трансформируются в сознание, упорядоченное единство, на взгляды И. Фихте о сущности единства противоположностей, разъединяющих мир и вновь воссоздающих его единство, на теорию Б. Спинозы о полном присутствии универсума в каждой точке действительности, Г. Гегель впервые в истории выводит теорию исторического движения [51]. Можно считать, что все другие теории исторического процесса возникли как противоположные ей или как отклонение от неё. Для ясного представления смысла истории, по Г. Гегелю, важным моментом становится закон движения Духа, поскольку лишь движение есть целое. Движение и развитие духа происходят в народных массах. Поэтому Г. Гегель в повелительной форме предлагал необходимым познавать, изучать дух народа. Именно в том и заключается глубокое постижение духа, чтобы познать человека, его сознание, постоянно заниматься саморефлексией. Познание духом самого себя, согласно Г. Гегелю, носит противоречивый характер, который заключается в том, что, познавая себя, он одновременно приближает себя к гибели, и на историческую арену выходит другой исторический народ, другой дух, наступает новый период всемирной истории. В этом противоречивом процессе движения истории Г. Гегель видит единство целого как такового, как всемирной истории.

Г. Гегель разрабатывает принцип периодизации истории, под которым понимает становление народов и государств. В этой периодизации особенно ярко выражена идея европоцентризма. Г. Гегель рассматривает историю развития человеческого общества как развитие Свободы. Процесс развития у него начинается со свободы одного и завершается свободой всех. И эта свобода всех достигается в немецком государстве как завершение развития, где и наступает конец истории. В основе европоцентризма Г. Гегеля лежит

идея универсальной истории, в процессе которой формируется диалектически скрытое единство человечества как совокупность отдельных индивидуальностей.

Европоцентристские мотивы звучат у Гегеля и в выведенном им принципе снятия. Согласно этому принципу, передовые народы, в представлениях Гегеля, привносящие новизну в современную историю, отрицают всю культуру предшествующих эпох, считают ее ненужной. Соответственно, согласно его теории авангарда, эти передовые народы являются монополистами истории, поскольку только они являются носителями мирового духа. Поэтому, по убеждению Гегеля, все народы, не входящие в авангард, и их культуры, не могут участвовать в историческом процессе, поскольку они могут, имея свою особую позицию в истории, исказить историю, творимую передовыми народами. Исходя из такой европоцентристской теории, Гегель разделил народы на исторические и неисторические, не имеющие никаких прав в истории. У К. Маркса эта дихотомия нашла воплощение в классовой теории, где в качестве передового класса, имеющего «исторические права» выступает пролетариат, а крестьянство и другие классы лишены особых прав в истории.

Следует отметить, что именно Гегель и его последователи: Б. Бауэр, Д. Ф. Штраус, Ф. Фишер, К. Фишер и другие заложили основы современных европоцентристских концепций исторического процесса, смысла истории. С позиций европоцентризма рассматривали исторический процесс и представители другого направления в немецкой философии – органиологии «исторической школы» – Я. Гримм, В. Гумбольдт, А. Мюллер, Ф. В. Й. Шеллинг и др. Под органиологией они понимали, прежде всего, теорию народного духа, а также идею его проявления. Наиболее полно метод исторической школы излагает А. Мюллер в работе «Учение о противоположностях». Он предлагает взять за основу концепцию католицизма. Исходя из этой концепции, он выделяет в истории периоды – древний, средневековье, современность. Исторический процесс, согласно

этой периодизации, представляется им как процесс развития от частной жизни в древности, через образование государств в Средние века, к частному праву и морали в современный период. Именно такой характер развития современности, по оценке А. Мюллера, привнес в исторический процесс ожесточение и грех, для преодоления которых он предлагает всем государствам объединиться вокруг церкви и создать всеобщее право и единый закон.

Ф. В. Й. Шеллинг в своей работе «Философия искусства» [303] выдвинул идею объединения современной культуры, в первую очередь философии, искусства и религии, и на этой основе примирить рациональность и чувственность, детерминизм природы и свободу человека. В утопии, созданной Ф. Шеллингом, мир спасет религия красоты.

Европоцентристскую концепцию истории развивает также немецкий философ В. Виндельбанд [37]. В его представлениях единство человечества формируется в историческом процессе из рас и народов планеты. Рассматривая в универсальном процессе центрально-американскую, восточно-азиатскую и средиземноморскую культурные группы, Виндельбанд особо выделяет народы средиземноморья, которые, по его оценке, заложили основы науки, создали образец социального общежития в лице государства и сформировали в новое время универсальное сознание единства человечества. Таким образом, под общечеловеческой В. Виндельбанд понимает европейскую традицию.

Следует подчеркнуть, что он с настороженностью подходит к проблеме американизации и социальных революций. В них он видит разрушение культуры человечества, основным противоречием современности считает противоречие между специализацией периода научно-технического прогресса и идеалами Античной эпохи. Современная эпоха, поставив на второе место гуманитарные знания после интеллектуальных, тем самым поведет к разрушению культуры. Но здесь же В. Виндельбанд с оптимизмом утверждает, что при этом у нас всегда есть возможность хранить и

использовать в жизни культурный опыт человечества и идеалы истории [37, с. 139].

С позиций европоцентризма рассматривал исторический процесс и немецкий философ Макс Вебер. Рассмотрев философию истории как философию культуры, главным направлением анализа истории он выбрал анализ западноевропейской культуры, ее особого характера, движущего фактора. По его мнению, особенности западноевропейской культуры, причины возникновения капитализма на Западе кроются в протестантской религии. Пытаясь представить все доступные познания исторических связей, М. Вебер находит основу западноевропейской культуры в триаде: греческий рационализм, правовая идея Рима и иудео-христианская духовность.

Европоцентристские мотивы прозвучали и в философии позитивизма, в первую очередь это расово-антропологические, биологизаторские и социал-дарвинистские концепции истории, которые представляют французские мыслители Ж. А. Гобино, П. Ж. Кабанис, Ш. Конт, В. К. Лилль, Ваше де Лапуж, Бори де Сент-Винсент и другие. Один из представителей позитивизма, французский философ XIX века Жозеф Артюр Гобино, в своем двухтомном труде «Опыт о неравенстве человеческих рас» [58] с позиции расовой антропологии показывает роль этнического фактора как движущей силы в историческом и культурном процессе. Ведущую роль в истории, по его мнению, играют расовые качества народа и этническая чистота. Судьба же народов обусловлена их биологической устойчивостью к смешению. Роль расы в истории зависит от ее чистоты, которая, в свою очередь, обуславливает характер ценностей и институтов данной расы. Расовая устойчивость, согласно Гобино, выступает основой энергии жизни и степени активности людей.

В своей полигенической теории исторического процесса Ж. А. Гобино обосновал положение о том, что биосоциальные ядра этносов, их культур несовместимы, то есть, несовместимы культуры различных этносов, более того, они непроницаемы, следовательно, они не могут взаимодействовать

друг с другом. Выдвинув теорию расовой стратификации, он среди трех рас особое место отвел белой расе, а затем только желтой и черной. Худшим вариантом является смешанный тип. Выделяя в истории десять рас, Гобино утверждает, что все они были созданы арийцами. С позиции европоцентризма, он возвышенно отзывается о германской расе как о представителе высшей культуры, а также о еврейской нации, обладающей инстинктом «расового самосохранения». Исходя из теории Платона о смешении рас, являющейся причиной упадка жизненной энергии арийцев и ведущей к регрессу в культуре, Гобино подводит к выводу о вырождении человечества в итоге смешения рас. Внешним проявлением кризиса расы, ее вырождения, по Гобино, являются «надстроечные» общественные явления. По его утверждению, глубина деградации расы зависит от степени ее смешения.

Продолжая мысль Гесиода о физическом и моральном вырождении человеческой цивилизации в теории «пяти веков» истории человечества, Гобино приписывает цивилизациям регрессивные характеристики, делает вывод, что только арийская кровь поддерживает западное общество. В то же время, процесс смешения рас ведет это общество к вырождению. Когда будет достигнуто полное смешение трех рас, наступит положение, характеризуемое крайним проявлением посредственности всего: и красоты, и физической силы, и умственных способностей, которое приведет человечество к вырождению [58, с. 254].

Биологический расизм Гобино был дополнен теорией Жоржа Ваше де Лапужа о зависимости психических свойств личности и ее положения в обществе от величины «головного указателя» и от формы черепа [144]. Расовое вырождение он конкретизировал, разделив человечество на два типа: круглоголовых (брахицефалов) и длинноголовых (долихоцефалов). Чем человек длинноголовее, тем более высокое положение и культурное, и материальное он занимает в обществе, поскольку является наиболее интеллектуальным и активным. По мнению Лапужа, долихоцефалы

формируются под влиянием социального отбора. Долицефалов он относит к арийской расе, обладающей способностью повелевать, что делает её господствующей. Ариец «[...] создан, чтобы быть господином» [144, с. 309]. Этим, по убеждению Лапужа, ариец отличается от «[...] доброго брахицефала, основная цель которого – поступать как все» [144, с. 309]. Только люди арийской расы, заявляет Ж. Лапуж, являются свободными. В то же время следует заметить, что, выделяя такое свойство арийца, как солидарность, Ж. Лапуж подчеркивает, что эта солидарность имеет целью завоевание военное, финансовое, моральное, позволяющее что-либо отнять у чужого. Это «[...] солидарность своры, охотящейся на вепря» [144, с. 311]. В его представлениях низшие слои общества образуют люди неполноценные как в физическом, так и психическом отношении.

Особое представление о человеке в истории и роли институтов социальных и культурных в жизни общества сложилось в 20-х годах XX века в исторической антропологии французской школы «Анналов». Представитель этой школы, Пьер Шоню, в своих работах «Цивилизация в классической Европе», «Во что я верую» [307] ознаменовал рождение европеизма. Он первым проблему смысла истории свел к проблеме европейской идентичности, обосновав ее антропологическим фактором, и, таким образом, провел разделительную черту между европейской и другими цивилизациями. В его представлениях европейская цивилизация не могла быть турецкой или китайской, только атлантической или средиземноморской. В отличие от своего учителя Ф. Броделя, заявлявшего, что европейская идентичность является экономическим феноменом, П. Шоню сводит ее к культурному феномену. Красной нитью в работах П. Шоню проходит мысль о превосходстве европейской цивилизации, ее лидерстве в мировой истории, начало которому было положено в XIII веке. Этот век он называет «золотым веком» Европы.

Как апофеоз европоцентристскому историческому сознанию прозвучало в конце XX века заявление американского футуролога

Ф. Фукуямы о том, что либеральная демократия Запада, представляя собой окончательную форму правления, завершила процесс универсализации [282, с. 135].

Таким образом, начиная с XVII века, в историческом сознании европейского общества формировалась идея европоцентризма, за основу которой немецкие, английские и французские историки и философы брали научнообразные представления о расовом, национальном, антропологическом, экономическом превосходстве европейской цивилизации над остальными народами. Выдвинутая ими теория рационализма, прогресса, модернизма сформировала в историческом сознании представление о том, что передовой тип социального развития и европейского общества должен выступить для других цивилизаций как модель и образец развития.

Сформировавшееся историческое сознание Запада, основанное на европоцентризме, в настоящее время переживает глубокий кризис, связанный с утратой идентичности, исторической памяти, традиций, размыванием нравственных ценностей самой европейской цивилизации.

В первую очередь, этот кризис обусловлен кризисом рационализма как фундамента европоцентристского исторического сознания. Уже в конце XVIII века Великая французская революция поставила под сомнение учение о рационализме французского Просвещения как образа мышления и основы миропонимания. На ужасы якобинского террора французская общественная мысль отреагировала романтической рефлексией. Представители романтизма (Ф. Гизо, Ф. Минье, Ж. Мишле, О. Тьерри и др.) выступили против рационализма Просвещения, которое было оценено как негативное явление в истории Франции. В XIX веке рационализм был подвергнут критике членами русского кружка «Любомудров». Его основателю И. Одоевскому принадлежит известная фраза: «Хотя рационализм нас подвел к воротам Истины, но не ему будет суждено их открыть» [Цит. по: 180, с. 79]. Постепенно в сознании русского научного общества утверждалось представление о единстве окружающего мира и человека, о том, что это

нерасторжимое единство не может не стать важнейшим мировоззренческим фактором.

В первой половине XX столетия тема рационализма как проблема формообразующего принципа мира и действительности человечества, определяющая его отношение к миру, была предметом критического рассмотрения такими европейскими философами, как А. Бергсон, М. Вебер, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, К. Ясперс и др. Наиболее активным критиком рационализма, рационального подхода к миру стал П. Фейерабенд [279], объявивший сциентизм радиофашизмом, а нездоровый альянс науки и рационализма – основой империалистического шовинизма науки. По его мнению, так же как государство было отделено от церкви, необходимо отделить государство от науки. «Такое отделение, – утверждает он, – наш единственный шанс достичь того гуманизма, на который мы способны, но которого никогда не достигали» [279, с. 450].

Менее радикально оценивает рационализм К. Лоренц. По его мнению, установка рационализма вполне приемлема в научных исследованиях. Разрушительное же воздействие рационализма на оснащение ума проявляется именно тогда, когда ум «[...] выходит за стены научной лаборатории» [Цит. по: 102, с. 45], когда речь идет об осмыслении реальных, целостных проблем жизни.

В настоящее время актуальность проблемы рационализма вызвана растущим беспокойством современной цивилизации о своем будущем. Столь широкий интерес к проблеме рационализма обусловлен глобальным системным кризисом, порожденным техногенной цивилизацией и в первую очередь, экологическим кризисом. Переход от индустриальной эпохи к постиндустриальной сопровождается глубоким духовным переворотом. Этот переворот предполагает решительную переоценку ценностей, затрагивающих самые основы ориентаций человека в обществе, порождающих абсолютно новые структуры власти, авторитета, общений, которые необходимо влекут

за собой долговременные, многообразные последствия для всей культурной деятельности.

Поэтому нужно признать, в первую очередь, что современный кризис рационализма отнюдь не является внутренне присущим человеческому разуму процессом его деградации. Он является, прежде всего, проявлением общего кризиса западного общества и западной культуры. Это один из признаков общего социокультурного и цивилизационного кризиса Запада, свидетельствующий, помимо прочего, и о потенциале западной культуры, ее способности к трансформации.

Емкую оценку кризисного состояния рационализма дал академик И. Т. Фролов [106], главным в своей жизни считавший философию как область рассуждений о человеке и проблемах человека. «Философия, – писал он, – любовь к мудрости. А мудрость – соединение разума и нравственности. Но люди не проявили мудрости, и в итоге достижения и результаты деятельности разума поставили их перед лицом смертельных угроз и опасностей» [106, с. 3].

Осмысливая характер трансформаций, происходящих в современной науке, и взаимоотношения науки с человеком и обществом, можно констатировать, что, начиная со второй половины XX столетия, в результате практического применения научных знаний было освоено околоземное космическое пространство, произошла информационная революция, разработаны новые технологии и материалы, стала широко использоваться атомная и термоядерная энергии и многое другое. В результате научных достижений человек создал мощный потенциал сил и энергии, которые обеспечивали ему широкий диапазон материальных и духовных благ. Но эти достижения науки могут быть применены и во вред человеку, уничтожить человечество.

По оценке В. А. Лекторского, «Научный разум, к которому либерализм всегда апеллировал как к важному средству решения социальных проблем [...], превратился в самостоятельную силу, развивающуюся по собственным

законам и создающую перед человечеством всё новые трудноразрешимые проблемы, начиная с экологических и кончая межличностными» [150, с. 4]. Чтобы научные достижения были использованы только во благо человека, необходимо рассматривать науку не саму по себе, а в тесной связи с направленностью ее достижений целями, ради которых используется научное знание, то есть нужно придать науке гуманистическую ориентацию. Интерес человека в том, отмечает И. Т. Фролов, чтобы новый гуманизм «[...] воплотился в жизнь, стал ведущей духовной силой прогресса человечества» [5, с. 567]. Тесная связь гуманизма и науки здесь должна стать исходной позицией. Идея гуманизма должна превратиться в духовную основу дальнейшего развития человечества. Нужно отойти от сциентистского отношения к науке, при котором она рассматривается как всемогущая сила, которая игнорирует ценности гуманизма, такие нравственные критерии, как «добро» и «зло». Отсутствие гуманистических начал может привести к формированию бездуховной «технотронной» цивилизации. Говоря словами И. Т. Фролова: «[...] человек будущего – это не просто *Homo sapiens*, а *Homo sapiens et humanus*, т. е. Человек разумный и гуманный, значит, нравственный; общество будущего – демократическое и гуманное; наука, обращенная к человеку, – наука гуманизированная [...]» [106, с. 8].

Условия существования человечества на современном этапе глобализации не стимулируют ученых к оптимистическому восприятию идей прекрасного будущего, рационально спрогнозированного, которое господствовало в общественном сознании эпохи Просвещения. Мыслители XXI века ставят под сомнение возможность избавления человечества от тех социальных проблем современности, которые вызывают беспокойство, тревогу и раздражение. Что касается реальных возможностей преодоления неопределенности будущего существования человеческой цивилизации, то многие мыслители современности так или иначе признают, что неопределенность будущего является следствием беспрецедентной интенсификации научно-технического активизма. И, конечно, глобальные

процессы в сфере науки, знания, информации не в состоянии разрешить проблему неопределенности будущего существования человечества. Именно поэтому надежды на возможности рациональных знаний, науки, информационных технологий стабилизировать реальные социальные процессы воспринимаются как мало обоснованные.

Для того, чтобы решить проблему рациональности, характерного для нее типа мышления и образа действий, определяющих современный подход к природе и ее пониманию, необходимо отказаться от мысли, что смысл в мир приносит только человек, человеческое сообщество, и вернуть природе тот онтологический статус, который она имела до тех пор, пока научно-техническая революция не превратила ее в сырьевой придаток современной цивилизации.

Наступивший кризис европоцентристского исторического сознания является также следствием кризиса европоцентристского миропорядка. Кризис фактически поставил точку на периоде господства европоцентристского или западно-центристского миропорядка. Кризис также опроверг так называемый Вашингтонский консенсус, этот символ глобализации, основанный на эйфории якобы окончательной победы западной модели общественно-политического устройства современного мира.

Еще до недавнего времени на Западе преобладала уверенность в том, что глобализация обеспечит победу либерально-демократических ценностей по всему миру. В этом контексте весьма характерен подход М. Лернера [152], который восхвалял превосходство США над остальным миром. По его убеждению, США обладают культурой, наделенной особыми чертами, образом мыслей, специфической властью. М. Лернер ставит их на уровень Рима и Греции, считая самой независимой и великой цивилизацией в истории человечества. Современный этап глобализации опровергает такую самоуверенность и высокомерие. Ошибка подобных представлений заключается в предположении, что все страны и народы будут идти по

единственному пути универсальными методами. Но, как становится очевидным, этого не случилось. Адепты глобализации были уверены, что соблюдение прав человека, по крайней мере, их декларирование, позволит США и странам Западной Европы свободно развиваться, и если все будут следовать за ними, то все будет равно. Они также были уверены, что прогресс обеспечивает все большее процветание, а оно – свободу и справедливость, ведет к обществу всеобщего равенства, всемирной Лиге свободных и равных наций, состоящих из свободных и равных людей. Но так как процветающие страны не могут существовать длительное время при наличии бедных стран, то нужно добиваться процветания всех стран, всего мирового сообщества. Однако действительность оказалась гораздо сложнее, чем ее прогнозировали.

Конец европоцентристского миропорядка обусловлен широкомасштабными изменениями, происходящими в мире под влиянием современного этапа глобализации. В современном мире происходят глубокие процессы, которые разрушают сложившиеся правила взаимоотношений между государствами на международной арене, размывают социокультурные ценности. Сегодня возрастает проницаемость государственных границ и, как следствие этого, – широкомасштабное рассредоточение богатства, собственности, науки, информации, технологий между регионами и государствами. Эти процессы современного этапа глобализации сводят на нет любые возможности осуществления контроля над миром из какого-либо центра. Таким образом, такое явление, как сверхдержавность, фактически сходит с геополитической и геоэкономической авансены в том его понимании, как оно представлялось в традиционном общественном сознании. Эпоха сверхдержав с их гегемонистскими устремлениями уходит в историю, становясь реликтом истории.

Для мировых процессов важную роль начинают играть разные центры силы. Для американской гегемонии наиболее реальной представляется опасность со стороны Азии. По оценке З. Бжезинского, Восток

демонстрирует удивительную способность к экономическому росту и технологическим инновациям, что вызывает особое беспокойство США о своем статусе как ведущей мировой державы [323, с. 3].

Подобные оценки ослабления позиций США в мире дают и другие исследователи [325]. Азиатские страны демонстрируют высокую степень единства в своих замыслах изменить соотношение сил в мире и играть на международной арене ведущую роль, устанавливать правила игры. Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Гонконг, Сингапур, Тайвань, Малайзия и другие страны объединяет то, что они активизируют свои действия против стремления Запада навязать свой образ жизни, свои ценности и идеалы. Они, как правило, выступают за сохранение своей культурной идентичности.

Ретроспективный анализ современных явлений, происходящих на международной арене, показывает, что эти новые явления обусловлены рядом коренных изменений, произошедших за половину тысячелетия в международной политике, экономике и культуре. Одним из таких важных изменений явилось выдвижение с XV века на передовые позиции в мире европейских стран. За этот период времени Западный мир перешел от традиционного к капиталистическому обществу, развил международную торговлю. На основе созданной науки совершил научно-техническую революцию, создал новые технологии, сделал великие географические открытия. Запад установил политическое господство над большинством стран незападного мира.

Другим важным изменением, происходившим с начала XX века, явился выход на лидирующие позиции в мире Соединенных Штатов Америки. Совершив индустриализацию, США превратились в одно из сильнейших государств мира. В течение прошлого века они установили свое господство в мировой политике, экономике, культуре и науке. После распада СССР они стали единственной в мире сверхдержавой. Такого явления еще не было в мировой истории. Важным коренным изменением, происходящим в настоящее время, является выход на международную арену западных

стран, в первую очередь стран Юго-Восточной Азии, в которых за последние десятилетия произошел бурный рост экономики.

Важным моментом в падении могущества США явилось ослабление финансового могущества. Ф. Фукуяма в статье «Крах корпорации “Америка”» (2008) признал, что Китай и Индия стали экономическими колоссами, другие экономические модели тоже становятся все более привлекательными и в целом, бренд «Америка» подвергается жесткой проверке на прочность. И хотя любые попытки предсказать экономическое будущее Америки дело крайне неблагодарное и никчемное, факт начала существенного экономического переустройства мира остается неоспоримым. Неудивительно, что в наши дни ее пошатнувшееся экономическое величие делает вопрос о притязании США на господство в цивилизации особенно интригующим [86, с. 46].

«С 1991 года мы живем под Американской империей, – отмечает Фарид Закария, – в единственном однополярном мире, в котором открытая глобальная экономика драматически расширяется и ускоряется [...]. На политико-военном уровне мы остаемся в мире единственной сверхдержавой. Но в каждом другом измерении – промышленном, финансовом, образовательном, социальном, культурном – распределение власти переходит, движется прочь от Американского господства. Это не значит, что мы вступаем в антиамериканский мир. Но мы движемся к постамериканскому миру, который определяется и направляется из многих мест и многими народами» [334, с. 4, 5].

В таких условиях, стремясь сохранить позиции единственной сверхдержавы, Соединенные Штаты пытаются усилить экономический, научно-технический, военный и культурный потенциалы. И если на военно-политическом уровне они господствуют в мире, то широкая структура однополярности – экономическая, финансовая, культурная – ослаблена. Полярность не является бинарным условием. Мир не будет однополярным на

десятилетия, и он однажды внезапно изменится и станет биполярным или многополярным [См.: 334, с. 218].

Вместе с тем, здесь нужно подчеркнуть, что конец европоцентристского миропорядка не означает, что на смену европоцентристскому миру приходит восточноцентристский мир. Так, США и Запад в целом не ушли с мировой арены, они по-прежнему играют на ней самую значительную роль. Дело здесь в том, что наряду с ними появляются новые экономические, политические и военные центры, которые по своей мощи не уступают Западу. И, таким образом, новый, формирующийся миропорядок решительным образом отличается от прежнего европоцентристского тем, что он создается на равновеликих основаниях, представленных Западом и Востоком, Севером и Югом.

Озабоченные ослаблением своего влияния на мировые дела, США прилагают усилия для политического прогнозирования обстановки в мире, сценария будущего развития мира. Таким анализом в США занимается Национальный разведывательный совет. Согласно докладу этого Совета «Проект-2020» [256, с. 35, 36], дальнейшее развитие международных отношений может пойти по одному из вариантов в зависимости от того, какой из них возьмет верх. Во-первых, может произойти быстрое экономическое развитие Индии и Китая, которые ранее этим не отличались и находились в положении отстающих стран. Подъем этих стран может оказать решающее воздействие на глобализационные процессы, которые потеряют свой вестернизированный характер. Произойдут изменения и на политической сцене. Подъем Индии и Китая упразднит понятия «развитые страны» и «развивающиеся страны».

Во-вторых, возможен вариант, когда США все-таки сохранят свои господствующие позиции и будут активно влиять на формирование мирового порядка. В-третьих, основой мирового порядка может стать Новый халифат, за создание которого борется радикальный ислам. В-четвертых, рост организованной преступности, терроризма, производство оружия массового

поражения, торговля оружием вызовут страх и панику. Под предлогом предотвращения реальной угрозы во многих регионах планеты может быть осуществлена интервенция сильных держав, что, в свою очередь, может спровоцировать войну всех против всех.

Выводы:

1. Основанием исторического сознания европейской цивилизации явился классический рационализм как специфический тип мышления, сложившийся в XVII-XVIII веках, и означавший онтологическое вытеснение чувств рациональностью. Рационалистический подход был положен и в основу учения об историческом процессе, вершина которого виделась в достижении идеалов универсальной рациональности.

2. Основы современной европоцентристской концепции исторического процесса, смысла истории, исторического сознания были заложены Г. Гегелем в его теории авангарда, делящей народы на исторические и неисторические.

3. В основе европоцентристского исторического сознания лежит идея расового, национального, экономического превосходства европейской цивилизации над остальными народами. Европоцентристская теория рационализма, прогресса, модернизма сформировала в европейском сознании представление о том, что передовой тип социального развития европейского общества должен выступить для других цивилизаций образцом развития.

4. Современное европоцентристское историческое сознание переживает глубокий кризис, обусловленный в первую очередь кризисом его основания – рационализма. Кризис рационализма связан с цивилизационным кризисом западноевропейской культуры в результате беспрецедентной интенсификации научно-технического активизма, сциентистского отношения к науке, игнорирования гуманизма как духовной основы развития человечества, лишения природы онтологического статуса.

5. Кризис европоцентристского исторического сознания детерминирован изменением миропорядка. Для мировых процессов

решающую роль начинают играть разные центры сил, формирующиеся на равновеликих основаниях, представленных Западом и Востоком, Севером и Югом.

2.3. Проблема глобализации и политизация исторического сознания.

В данном параграфе выдвигается задача раскрыть проблему политизации исторического сознания в обстановке глобального кризиса. Ранее уже отмечалось, что в кризисные периоды усиливается политизация исторического сознания, увеличивается роль политической конъюнктуры. Болевой точкой общественного сознания становится история. Эта закономерность проявляется и в условиях современного глобального системного кризиса и обусловленного им кризиса европоцентристского исторического сознания. Актуальной проблемой исторического сознания в ситуации системного кризиса становится тема глобализации. Почему именно эта тема вышла на передний план политических баталий, стала заглавной на протяжении уже почти полувека? Дело здесь в том, что к настоящему времени сложилось несколько подходов к прояснению сущности глобализации. Среди этих подходов выделим два на наш взгляд основных.

С одной стороны, в ряде философских исследований глобализация трактуется как объективный исторический процесс, связанный с борьбой различных интересов [302, с. 12; 48, с. 161]. Термин «глобализация» в этом случае применяется, как правило, для описания явлений интеграционного и дезинтеграционного характера общемирового масштаба в сфере политики, экономики, культуры, а также антропогенных явлений, происходящих в окружающей среде, имеющих по форме планетарный характер, а по содержанию вызывающих тревогу у всего населения планеты. С другой стороны, разрушение таких фундаментальных основ европоцентристского исторического сознания, как рационализм, старый миропорядок, основанный на гегемонии США, и формирование нового, многополярного мирового

порядка ставит под сомнение объективность самого процесса нынешнего этапа глобализации, вызывает протест со стороны многих стран и народов. Под влиянием антиглобалистского движения возрождаются такие исторические явления, как национализм, фундаментализм, шовинизм и нацизм.

В то же время, понятия «глобализации» используют как всеохватывающую категорию, с помощью которой объясняются практически все явления процесса развития мирового сообщества, причем как положительные, так и негативные. Что касается теории глобализации, то следует отметить, что основные ее положения принимаются на веру, и она может быть отнесена к числу догматов. Не находит она глубокого обоснования даже среди ее адептов. Глобализация постоянно находится в центре широкого общественного внимания, но ей редко дают определения, к ней часто обращаются, но редко обосновывают, ее считают объективной, но одновременно стремятся управлять ею.

Отсутствие четкого определения и недостаточная обоснованность глобализации создают ситуацию, когда каждый исследователь этого феномена придает ему собственный смысл, который зависит от его идеологических убеждений и дисциплинарной принадлежности. Каждый из них обращается к истории: сторонники глобализации – чтобы оправдать ее закономерный характер, объективность, необратимость (то есть единственный для всех народов путь исторического развития), критики – чтобы доказать субъективный и искусственный характер.

Обращение исследователей к темам проявления глобализации в историческом сознании, исторической составляющей феномена глобализации произошло относительно недавно. Еще на рубеже XX–XXI столетия авторы ряда работ лишь подходили к пониманию этой проблемы, часто только указывали на то, что глобализация, представляя собой процесс встраивания человеческой цивилизации в сложную, взаимообусловленную, единую мировую систему, подготовлена всем ходом развития истории.

И чтобы понять сущность глобализации, необходимо выяснить ее социально-исторические основания [201, с. 3; 69, с. 14]. Ряд исследователей приходит к заключению о том, что глобализация является постоянным историческим фоном общественного развития, она была всегда, только масштабы ее были различные. Именно масштабами и историческими особенностями отличается глобализация Античности, Средневековья, Нового времени, а глобализация XX века есть новый этап ее развития.

В появившихся в конце XX – начале XXI столетия первых работах, авторы которых обращались к исторической ретроспективе глобализации, она рассматривалась как объективный и закономерный процесс развития человеческого общества, который формирует условия для образования в ближайшем будущем единого планетарного сообщества, в котором будут созданы единые экономика и культура. В этом планетарном сообществе исчезнут национальные государства, и со временем не станет и самих наций, а в завершение этого процесса произойдет окончательное стирание расовых различий. Армии будут ликвидированы, поскольку у большинства стран теперь нет внешних врагов и никогда не будет [244, с. 312, 334, 336].

В целом, в философской литературе по этой теме сложилось четыре точки зрения на историю глобализации.

Первая точка зрения, с которой вполне можно согласиться, наиболее полно представлена в работе М. Н. Руткевича [232]. У него глобализация представлена как одно из направлений развития исторического процесса, получившего начало на заре становления человеческой цивилизации. Хотя следует заметить, что эту проблему он рассматривает в контексте проблемы философского значения концепции устойчивого развития, где делает вывод о необходимости управления обществом в глобальном масштабе. Этот вопрос об управлении мировым развитием, согласно его представлениям, связан с процессом глобализации.

В становлении и развитии процесса глобализации, или всемирной истории, М. Н. Руткевич выделяет три этапа. На первом этапе – становления,

первобытные люди освоили все континенты (кроме Антарктиды). В то же время непосредственные связи между группами родственных племен при расселении с определенной ограниченной территории (М. Н. Руткевич предположил, что это, вероятно, было в Восточной Африке) были в основном утеряны, а разнообразие географических условий привело к появлению существенных особенностей в образе жизни, но, тем не менее, общее генетическое родство сохранилось. Это родство явилось предпосылкой социальной общности человечества, путь которой прокладывали получившие развитие в благоприятных условиях такие очаги цивилизации, как Средиземноморье, Индия, Китай, Центральная и Андская Америка. Постепенное включение народов периферии этих центров в свой круг (германцев, славян в Европе) нашло дополнение в установлении связей между указанными региональными центрами цивилизации. Подлинным прорывом в этом отношении явились эпоха Великих географических открытий европейскими мореходами с конца XV века и параллельное продвижение русских первопроходцев в Северной Евразии.

Второй этап глобализации М. Н. Руткевич связывает с развитием капитализма в европейских странах и началом установления мирового разделения труда, а также разделом не поделенных к тому времени территорий Африки и Азии. Это привело в начале XX века к фактическому разделу мира между группой империалистических держав Европы, к которым присоединились в конце XIX века США, установившие колониальное господство на Кубе и в большинстве стран Центральной Америки и Карибского бассейна.

На третьем этапе глобализации, начавшемся в XX веке, после Второй мировой войны под влиянием СССР многие колонии и зависимые страны завоевали политическую независимость. Но при этом сохранилась и во многом возросла экономическая зависимость этих стран от своих бывших господ и других государств Запада, особенно США. Что касается России, то, по заключению М. Н. Руткевича, в новом мировом порядке ей отведена роль

поставщика топливно-сырьевых ресурсов и одновременно квалифицированных кадров ученых и специалистов для Запада, последовательно вытесняется ее влияние – сначала из Восточной Европы, затем из всего постсоветского пространства, ставится задача раздробления территории России [См.: 232, с. 34].

Итак, М. Н. Руткевич представил историю развития глобализации, каждый этап которой характеризуется нарастающим расколом мира на страны Запада и в первую очередь США, усиливающие свое господство в мире, и страны, попавшие в их долговую зависимость и все более противостоящие ультраимпериалистической политике США.

Вторая точка зрения на историю глобализации представлена В. Л. Иноземцевым [91], который считает, что начало глобализационные процессы получили в тот период истории, когда на лидирующие позиции в мире вышла Европа. В исследовании В. Л. Иноземцева выделяются два этапа глобализации. Он называет их волнами глобализации.

Первый этап, или первая волна глобализации, получившая название вестернизация, начинается с середины XV века и длится до Второй мировой войны. И с этого времени начинается вторая волна новой глобализации. Начало глобализации с середины XV века В. Л. Иноземцев объясняет тем, что с этого времени закладываются основы современного мирового порядка, на этом этапе происходит включение в сферу европейского влияния новых территорий [91, с. 61]. Масштабы этой глобализации, по его оценкам, поражают воображение даже сегодня. Из 188 государств, состоящих в начале XXI века в Организации Объединенных Наций, 125 в разное время находились под управлением европейцев. Уже к началу XX века европейцы установили полный контроль над миром, политический контроль над 84 % территории Земли. Военно-морские силы Англии, Франции и Германии установили господство над мировым океаном [91, с. 62].

Второй этап глобализации, согласно В. Л. Иноземцеву, характеризуется выдвиганием на лидирующие позиции США и политическим ослаблением

европейских государств. То, что США стали главным, решающим звеном в современной глобализации, В. Л. Иноземцев считает основной бедой [91, с. 66] нынешнего этапа глобализации, поскольку они используют другие страны в своих своекорыстных интересах и поэтому не стремятся к обеспечению стабильности в мире.

Приведя ряд подтверждающих данную теорию фактов, В. Л. Иноземцев раскрывает отличия новой глобализации от вестернизации. Во-первых, если в период колониализма страны-колонизаторы, осваивая и политически, и экономически слабые страны, стремились установить там определенный порядок, то в настоящее время эти страны не вызывают какого-либо интереса, так как, по мнению Запада, неспособны к развитию и не располагают к инвестированию в их экономику. Во-вторых, если в период колониализма метрополии вкладывали большие средства в развитие своих колоний, то в настоящее время все происходит наоборот – западные страны стремятся возвращать деньги для их сохранения. В-третьих, если в период колониализма европейцы переселялись в колонии и тем самым содействовали развитию этих стран, то сегодня миллионы отчаявшихся граждан мирового Юга бегут на Север, чтобы паразитировать там на чрезмерно либеральной социальной политике развитых стран [91, с. 67].

Критика всех этих тенденций приводит В. Л. Иноземцева к сомнению относительно таких основ социально-политического устройства США, как свободная рыночная экономика, всемирная демократия и неограниченный индивидуализм. На основе этого В. Л. Иноземцев приходит к выводу, что «виновником» сложившейся обстановки в мире являются США, которые способствовали ослаблению европейского влияния в современном мире и навязали миру свою собственную модель глобализации. При этом они не хотят брать на себя ответственность за происходящее. «Американские лидеры не устают говорить о незыблемости принципа суверенитета, но находят казуистические поводы для его нарушений. Они проповедуют универсализм, но все чаще прибегают к односторонним действиям [...]. Они

провозглашают приверженность хозяйственной свободе, но не гнушаются произвольно накладывать экономические санкции на десятки стран» [91, с. 68].

Третья точка зрения на историю глобализации представлена Ю. Д. Граниным [60]. Он не считает удовлетворительной интерпретацию глобализации как вестернизации, несмотря на то, что она подтверждается значительным количеством фактов истории конца XIX – середины XX столетия. В качестве аргументов своего тезиса он приводит две спорные гипотезы, на которых основывается интерпретация глобализации как вестернизации.

Согласно первой гипотезе утверждается, что в прежние времена «центр» мирового развития находился на Востоке, а затем постепенно сместился на Запад. Вторую гипотезу отражает идея однополярного мира, согласно которой мир разделен на центр – Запад и периферию – Восток, Азию. Центр преобладает над периферией и экономически, и научно-технически, и культурно, и политически. Периферия же стремится интегрироваться в Центр. Основой этих двух гипотез, или идей, являются представления о линейном характере исторического процесса. Начало эти идеи берут в особой традиции европейского мышления, получившей название ориентализма [60, с. 9].

Раскрывая эту, свойственную всей европейской культуре традицию противопоставления Запада Востоку, Ю. Д. Гранин заключает, что в ходе двухсотлетней практики колониализма ведущих европейских империй сформировалась европейская идентичность, сложилось представление о мессианской и цивилизаторской роли европейца, которое на самом деле было основано на идее расового превосходства. На основе идеи расового превосходства сформировалось геополитическое разделение мира, которое наполнилось культурными особенностями, в результате ориенталистский (западноцентричный) подход стал основным при изучении незападных цивилизаций.

Однако, предупреждает Ю. Д. Гранин, не следует приписывать Западу отрицательные черты, якобы не свойственные восточным культурам, являющимися высокодуховными и коллективистскими, и переносить мировой центр в Азию из Европы, поскольку азицентризм ничуть не лучше западоцентризма [60, с. 10]. Ю. Д. Гранин предлагает снять односторонность дискурса о глобализации, а использовать всю совокупность исторических знаний, подтверждающих постоянную смену местами центра и периферии. В изучении истории неприемлем линейный подход. По его мнению, не существует какого-либо одного типа развития. Он представляет историю как процесс взаимодействия и конкуренции субъектов исторического развития. Соответственно, и глобализацию он видит как одну из ее тенденций, которая была итогом стремления народов и государств к созданию единого пространства для совместной жизни при сохранении социокультурных и политических особенностей. Результатом стремления к объединению народов становилось временное преобладание в определенном регионе одной из цивилизаций. Причем, в большинстве случаев политической формой такой цивилизации была империя. В подтверждение этому Ю. Д. Гранин приводит примеры из истории, когда на Евразийском пространстве доминировали, сменяя друг друга, шесть форм и векторов глобализации, от китайской до западноевропейской, которые всегда считали варварами своих соседей, а себя относили к центру Вселенной и, одержимые глобализационной идеей, предъявляли претензии на мировое лидерство. Ссылаясь на А. Г. Франка, Ю. Д. Гранин приходит к заключению, что процесс смены центра мира является процессом колебательным, для которого характерна смена направления движения относительно рубежа, отделяющего Запад от Востока [60, с. 10].

Здесь следует отметить, что современный кризис старого миропорядка, основанного на европоцентризме, и формирование нового миропорядка, в процессе которого создаются несколько центров глобализации, подтверждают выводы Ю. Д. Гранина о смене мест центра и периферии

(перемещение центра мира – А. Г. Франк), о временном доминировании одной из локальных цивилизаций.

И, наконец, ещё одной из интерпретаций истории глобализации, вышедшей сегодня на передний план, является интерпретация глобализации как этапа универсальной или глобальной истории человечества, имеющей циклический характер. В основе такой интерпретации лежит цивилизационная модель исторического процесса, основоположником которой явился немецкий философ К. Ясперс [316]. Основой его учения есть представление о едином происхождении человечества, соответственно, имеющем единый исторический процесс, хотя между разными социумами существуют различия. Заглавным в теории К. Ясперса является идея осевого времени, под которым он понимает определенную историческую эпоху, в которой возникают религия, философия, заменяющие язычество и мифологию. В эту эпоху в различных регионах планеты почти одновременно произошли события, которые положили начало становлению современного человечества.

В последние годы в связи с необходимостью глобального прогнозирования как западные, так и отечественные мыслители стали все чаще обращаться к общеисторическим обобщениям. Одной из наиболее популярных в этом отношении явилась монография австрало-американского историка Д. Кристиана «Карта времени: введение в Большую историю» (2003) [326]. В монографии раскрывается интегральная модель прошлого, где история человечества рассматривается как органический этап эволюции Земли, биосферы и Метагалактики.

Введенный Д. Кристианом в оборот термин «большая история» получил распространение в англоязычной литературе. В русскоязычной литературе получили хождение эквивалентные понятия «универсальный эволюционизм», «универсальная история». Адепты универсальной, или большой, истории опровергают главные аргументы О. Шпенглера и Н. Я. Данилевского о многовариантности истории и несводимости ее к

единому пути развития всех стран и народов, а также об отсутствие преемственности в развитии национальных цивилизаций, событий прошлого, которые играли бы решающую роль в истории всего человечества. Они считают мифом представления о разнообразии цивилизаций [186, с. 72; 301, с. 37].

Основываясь на универсалистских позициях, сторонники глобализации рассматривают ее как объективный исторический процесс, под влиянием которого человечество идет от локальных цивилизаций к цивилизационному единству, порождая единую глобальную цивилизацию. По их представлениям, мир уже стал единой системой по всем основным направлениям общественной жизни или. Более того, считают они, отдельные народы и страны практически не имеют возможности выбора быть участниками глобализации или не быть, поскольку они естественным ходом событий обречены на такое участие и не могут ни уклониться от интеграции мирового сообщества, ни поменять места своего проживания. Кроме того, по убеждению адептов глобализации, те, кто не вписывается в глобализационные процессы – экономические, политические, социальные, культурные, кроме негативных последствий для самих себя представляют еще и угрозу мировому сообществу, поскольку в этих странах вызревают наиболее благоприятные условия для таких отрицательных явлений, как межэтнические столкновения, организованная преступность и международный терроризм.

Здесь следует отметить, что концепция всемирной (универсальной) истории, сформировавшаяся в XVIII–XIX веках, изначально носила европоцентристский характер, за что в XIX и в ещё большей степени в XX веках подвергалась критике со стороны представителей цивилизационного подхода (О. Шпенглер, Н. Я. Данилевский и др.), впоследствии исторического партикуляризма, национального и религиозного фундаментализма. Вместе с европоцентристской идеологией ими была опровергнута и идея общечеловеческой истории, причем О. Шпенглер под

понятием «человечество» предложил иметь в виду понятие «зоологическое» значение [См.: 186, с. 72].

И в настоящее время правомерность универалистского подхода, особенно в его эволюционном истолковании, принимается не всеми, отрицается точка зрения на всемирную историю как историю, которая движется по пути, который открыла европейская цивилизация, подвергаются критике претензии Запада навязывать всем остальным свою волю. В этом отношении заметим, что сегодня говорить о единой цивилизации как состоявшемся событии нет оснований. Это единство еще далеко не реальность. Можно только сказать, что единство цивилизации в данный момент истории есть мечта мыслителей Запада. Мечта, в которой отрицается многовариантность развития мировой цивилизации. Под ее лозунгом вновь предлагается идея унифицированного развития, в которой формационный подход заменяется цивилизационным. Если конечным пунктом раньше был коммунизм, то сегодня либеральная демократия.

Признавая содержательную значимость понятия мировой цивилизации как синтез из наилучшего существующего в мире, В. Г. Федотова в то же время считает, что «[...] истолкование мировой цивилизации как эвфемизма западной покорится на расширении западной экономической и политической систем» [275, с. 29].

Признавая тот факт, что под влиянием Запада произошла почти полная вестернизация политической и экономической сферы жизни незападных цивилизаций, а культура этих цивилизаций не подверглась трансформации под влиянием западной экспансии и остается прежней, А. Тойнби отрицает тезис о единстве цивилизации, называет его ложной концепцией, которая, тем не менее, принимается историками Запада, находящимися под сильным влиянием социальной среды [261, с. 38].

С нашей точки зрения, концепция сведения воедино всей человеческой истории, которая вдохновляла и продолжает вдохновлять ряд европейских и отечественных писателей вплоть до сегодняшнего дня, имеет некоторые

серьезные недостатки и ограничения. В представлениях тех исследователей, чьи работы выполнены в этих традициях, вся мировая история сводится к истории Древней Греции, Древнего Рима, иудео-христианского мира, которая разворачивается в исторической перспективе, и западноевропейская цивилизация рассматривается ими как продолжение этих перспектив, как мировая цивилизация. При таком взгляде на историю игнорируется существование других ветвей истории человечества, хотя является неопровержимым факт, приведённый по этому поводу Й. Гудсбломом о том, что человеческая история охватывает гораздо большее число пространств, чем греко-римский или иудео-христианский мир [62, с. 117].

Представляется более объективной позиция представителей цивилизационного подхода к истории Н. Я. Данилевского, П. Сорокина, А. Тойнби, О. Шпенглера и других, которые отрицают существование общечеловеческой культуры и цивилизации. По их мнению, мировая история представляет собой совокупность историй разных народов, и, соответственно, мировая история представляется ими как история отдельных культурно-исторических типов жизни обществ. Нельзя всю мировую историю рассматривать как движение всех народов в одном направлении, история многообразна и разностороння.

Согласно Н. Я. Данилевскому [66], исторический процесс не сводится к констатации определенного единства мира, он заключается в разносторонности, многовариантности культур человечества. Более того, по его убеждению, ни одна цивилизация не может навязывать себя как единственно верный исторический образец и, тем более, заявлять о своем расовом, национальном, цивилизационном превосходстве над остальными. Н. Я. Данилевский был первый, кто на место идеи универсальной истории выдвинул идею многополярного мироустройства, именно такой многоплановый мир, по его убеждению, есть « [...] необходимое и вместе с тем единственно возможное ручательство за сохранение всемирного

равновесия, единственный оплот против всемирного владычества Европы» [66, с. 509].

До настоящего времени не подвергались достаточной критике взгляды идеологов глобализации М. Кастельса, Дж. Стиглица, С. Латуша, Р. Кругмана и других, рассматривающих протекающие ныне процессы глобализации как переход человечества к планетарному сообществу, в процессе которого якобы народы планеты формируют единообразные формы устройства своей жизни. «[...] капитализм менее чем за десятилетие пышно расцвел во всем мире, все глубже проникая в страны, культуры и области жизни. Несмотря на широкое разнообразие социальных и культурных ландшафтов, впервые в истории жизнь всей планеты организована в значительной степени согласно общим экономическим правилам» [105, с. 582].

Адепты глобализации представляют ее как движение народов планеты к мировой цивилизации. В противовес их точке зрения заметим, что нынешний этап глобализации в том варианте, котором он идет, в большей степени представляет собой экспансию западного образца общества. Скорее всего, этот вариант глобализации есть обновленная форма вестернизации.

Таким образом, до настоящего времени в историческом сознании не сложилось ясного представления о глобализации как историческом феномене. Одни авторы считают, что глобализация имманентно присуща человечеству и возникает она с появлением человека разумного. Другие относят зарождение процессов глобализации к осевому времени (К. Ясперс). Третья группа исследователей соглашается с тем, что глобализация берет начало в XV–XVI веках, и связывают ее, соответственно, с вестернизацией. Четвертая группа авторов в глобализации видит одну из тенденций истории, разворачивающуюся на современном этапе универсальной или глобальной истории, имеющей циклический характер.

До настоящего времени нет работ, специально посвященных исследованию истории глобализации, поэтому в большинстве исследований

по глобализации отсутствуют исторические основания, подтверждающие ее объективный и закономерный характер. Это, конечно, не свидетельствует об отходе исследователей от поиска исторических корней глобализации, ее движущих сил. Наряду с объективными причинами здесь присутствуют и субъективные факторы. Одним из проявлений субъективизма в интерпретации истории глобализации является политизация исторического сознания. Отсюда различные концептуализации истории человеческой цивилизации, в пределах которых вопрос об объективности глобализации либо элиминируется, либо интерпретируется различным образом.

В целом нужно отметить, что глобализация, не нашедшая до сих пор оправдания историей и вытекающая, таким образом, из самой себя, находит неоднозначные оценки в общественном сознании. Идеологи глобализации стремятся сформировать в общественном сознании мнение о ней как об объективном и закономерном процессе развития истории и, соответственно, на аксиологическом уровне на первое место ставят ценности, объединяющие в ущерб ценностям национальным. Критики же глобализации на первое место ставят интересы национальных государств, национализм, проблемы национальной идентичности, которые в обстановке глобального системного кризиса становятся еще более актуальными.

Эти противоположные точки зрения на направленность процессов современного этапа глобализации, отстаивающие, с одной стороны, интеграцию и унификацию народов и цивилизаций, с другой – национальные интересы, представляют собой в большинстве случаев возрожденный космополитизм и обновленный национализм. Относительно национализма здесь следует отметить, что по проблеме национального осознания социумов представлено множество работ отечественных и зарубежных авторов [14, 72, 148, 190, 191, 265, 284, 287].

Сегодня в отечественной философской мысли произошло переосмысление крайне негативного понимания сущности национализма советского периода. В настоящее время национализм рассматривается как

многогранное явление духовной сферы общества и идеология, которая на первое место выдвигают национальные интересы и ценности. Такой подход позволяет рассматривать проблему национализма в проявлении вполне законных национальных чувств, в том числе чувство патриотизма, и в контексте негативных проявлений в формах национального эгоизма и бытового шовинизма – ксенофобии, а так же политики расизма и нацизма.

Поворот к космополитизму в общественном сознании был вызван процессами современного этапа глобализации. Идеологи глобализации А. Аппадюре, М. Кастельс, Р. Робертсон считают этот поворот вполне закономерным, положительным и даже желаемым. Противопоставляя космополитизм национальным ценностям, они утверждают, что глобальные, космополитические ценности уже почти вытеснили ценности национальные, и настаивают на том, чтобы транснациональные институты, ценности переняли суверенитет у государств [60, с. 6, 7].

Как нам представляется, данное утверждение имеет под собой довольно шаткие основания. Здесь можно согласиться с К. Колхоуном, считающим, что воображение, будто уже наступил мир без наций, является лишь предметом потребительского вкуса [324, с. 437]. В целях легитимизации и оправдания космополитизма адепты глобализации обращаются к истории, поиску в ней исторических оснований этого явления. Как космополитов они представляют общественности древнегреческих философов Диогена Синопского, Антисфена, Сократа, Эпиктета, Цецерона и даже Марка Аврелия. Из Средних веков они поднимают имена Эриугены и Тертуллиана, а космополитами эпохи Ренессанса объявляют Монтестье, Мора, Кампанеллу, Данте. Имена космополитов они находят и в других временах и эпохах.

Актуализация проблемы космополитизма произошла в эпоху Ренессанса. По мнению ряда исследователей, именно отсюда начинается отсчет глобализации, а космополитизм на самом деле уже становится не космическим, как это представлялось некоторым мыслителям Античности, а

планетарным, глобальным. В то время этому способствовало переосмысление наследия Античного мира и открытие глобальных масштабов среды обитания человечества. Главенствующую роль при этом сыграли новое понимание мироздания, заложенное Коперником, и Великие географические открытия, которые подтвердили, что Земля – это шар. Эти новые представления оказали огромное влияние на мировоззренческие позиции людей того времени.

В наше время космополитизм становится актуальной темой в первую очередь для западноевропейской цивилизации, когда вновь подвергаются пересмотру национальные границы под влиянием процессов глобализации.

Немецкий профессор У. Бек [22], анализируя сложившуюся в мире ситуацию вокруг глобализации, относительно понятий интернационального и национального констатирует, что веками существующие в международных отношениях стереотипы отдавали приоритет методологическому национализму. Государство, нация, общество с его позицией рассматривались как естественные, изначально существующие социально-политические институты. По его мнению, сегодня такой подход устарел и никого больше не устраивает, так как в мире произошли качественные изменения. В современной обстановке в транснациональном мире, когда экономические, политические и другие отношения рушат границы государств, выходят за их пределы, нации и государства, по амбициозному заявлению У. Бека, уже не имеют никакого смысла, поскольку проблемы отдельного государства, отдельной нации нельзя решать в одиночку. В мире риска эти проблемы становятся всеобщими.

Конечно, можно согласиться с некоторыми заключениями У. Бека. Например, нельзя решить в национальных границах такие глобальные проблемы, как экологические, распространения ядерного оружия, выживания человечества как вида и т. д. Эти проблемы являются общепланетарными и могут быть решены только общими усилиями всего человечества. Но, в то же время, нельзя признать достоверными выводы У. Бека об ошибочности

национального подхода к решению ряда проблем международных отношений, о том, что под влиянием капиталистических отношений нет различий между иностранным и отечественным, что национальные границы уже размыты. Скорее, здесь присутствует идеализация сложившегося положения вещей.

Несмотря на то, что транснациональные корпорации и международные банки все больше забирают себе государственные функции, а подчас и влияют на политические процессы, нельзя забывать, что сегодня существует реальная угроза техногенных катастроф, международного терроризма, перехода развития общества в стадию бифуркации, поэтому настоятельно требуется объединение усилий государств и народов, а говорить о том, что международное сообщество уже готово к решению таких проблем общими усилиями, еще довольно рано.

Сторонники космополитизма используют идею И. Канта о всемирном гражданском обществе для формирования в историческом сознании образа будущего без границ, где все люди являются гражданами мира. И это будущее, приближению которого способствует глобализация, по их мнению, уже наступает, уже настало время для создания «космополитического индивидуализированного общества» [320, с. 122]. Конечно, глобализационные процессы, в первую очередь экономические, создают основы для формирования всемирного гражданского общества, союза народов.

Но, во-первых, создание такого союза народов, такого общества является отдаленной перспективой. По мнению американского социолога Д. Белла, «[...] мировое правительство не будет создано, по крайней мере, в ближайшие несколько веков» [23, с. 224]. Другой американский социолог И. Валлерстайн судит об этом еще более категорично. По его мнению, «[...] человечество вступает в новую эпоху, эпоху дезинтеграции капиталистической мироэкономики [...] и все разговоры о создании нового

мирового порядка всего лишь пустые заклинания, которым почти никто не верит» [33, с. 249].

Во-вторых, такой союз должен представлять собой сочетание суверенитета государства и межгосударственной солидарности, в основе которого должно лежать свободное самоопределение народов, жизнедеятельность которых должна протекать в национальных государствах.

И, в-третьих, нельзя отказываться от таких понятий, как «Родина», «родной дом», «родные пенаты», считать их анахронизмами, как это делают глобалисты. Используя положительные возможности глобализации, такие, например, как самореализация в любой точке планеты, нельзя терять со своей родиной моральные, и психические связи.

Рассматривая проблему соотношения национального и универсального, современные космополиты отдают предпочтение универсальному. Исходя из этого, они считают, что в случае возникновения противоречий между национальными и универсальными ценностями, нужно отстаивать универсализм. Так выглядит это в теории. На практике же США часто забывает этот подход при решении своекорыстных проблем на международной арене, пренебрегает универсалистскими принципами, такими, как принципы суверенитета и территориальной целостности, принцип невмешательства в дела других стран. События последних лет в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Восточной Европе являются красноречивым подтверждением этому.

Следует признать, что стремление некоторых стран Запада распространить свой образец развития среди незападного мира, о чем мечтают идеологи глобализации, не увенчалось полноценным успехом. Как показал опыт поиска путей выхода из современного глобального системного кризиса, каждая страна стремится найти свой путь, одновременно усиливается уязвимость государств, этнических общностей, людей, которые хотят развивать взаимные связи и отношения.

Сегодня в общественном сознании сложились противоположные оценки космополитизма. Космополитические «ценности» принимают с одобрением страны так называемого «золотого миллиарда», то есть страны Запада, которые пользуются благами глобализации больше, чем кто-либо другой. Большинство же населения планеты, живущее в нищете и бедности, отрицательно оценивает космополитизм, отдает предпочтение национальным ценностям и ориентирам. Народы разных стран и континентов, решая свои задачи, всегда стремились к достижению единства, в то же время, сохраняя свои различия. Процесс развития мирового сообщества ведет ко все большему цивилизационному единству стран и регионов. Но этот процесс осуществляется «при постоянном существовании уникально-единичного, регионально-особенного, при непереносимом порождении той же цивилизацией многообразных противоречащих друг другу дифференций, различий, при их противостоянии и борьбе, в которой гибнут отдельные цивилизационные формы, но все-таки выживала цивилизация в целом» [71, с. 20].

Выводы:

1. Выдвижение на передний план политических дискуссий темы глобализации обусловлено тем, что до настоящего времени сложилось несколько подходов к прояснению сущности глобализации и отсутствием в социальной философии однозначного понимания её сущности. С одной стороны, глобализация трактуется как объективный исторический процесс, связанный с борьбой различных интересов. С другой стороны, разрушение таких фундаментальных основ европоцентристского исторического сознания как рационализм, старый миропорядок, основанный на гегемонии США, и формирование нового, многополярного мирового порядка ставит под сомнение объективность самого процесса современного этапа глобализации, вызывает протест со стороны многих стран и народов. Возрождаются такие

исторические явления, как национализм, фундаментализм, шовинизм и фашизм.

2. Отсутствие четкого определения и недостаточная обоснованность глобализации создают ситуацию, когда каждый исследователь этого феномена придает ему собственный смысл, который зависит от его идеологических убеждений и дисциплинарной принадлежности. Каждый из них обращается к истории: сторонники глобализации – чтобы оправдать её закономерный характер, объективность, необратимость, критики, чтобы доказать её субъективный, искусственный характер.

3. В современной социальной философии сложилось четыре подхода к проблеме истории глобализации.

В первом подходе глобализация представлена как одно из направлений развития исторического процесса, получившего начало на заре становления человеческой цивилизации

Во втором подходе начало глобализационных процессов относится к тому периоду истории, когда на лидирующие позиции в мире вышли некоторые страны Запада, а затем США. В этом случае глобализация отождествляется с вестернизацией.

В третьем подходе предлагается снять односторонность дискурса о глобализации, а использовать всю совокупность исторических знаний, подтверждающих постоянную смену местами центра и периферии.

Четвертый подход основывается на интерпретации глобализации как этапа универсальной или глобальной истории человечества, имеющей циклический характер.

4. Политизация исторического сознания в условиях глобального кризиса проявляется в навязывании идеологами глобализации приоритета универсальных ценностей над национальными, в этих целях выдвигается обновленная версия космополитизма. Подход, согласно которому государство и нация рассматривались как естественные, изначально

существующие социально–политические институты, объявляется ими устаревшим.

2.4. Изменение исторического сознания постсоветского общества

В данном параграфе ставится задача проанализировать трансформацию исторического сознания российского общества в кризисной ситуации.

Мы начинаем этот параграф с вопроса: кто сможет отрицать необходимость познания прошлого для понимания современного мира? Здесь уместно будет привести самую откровенную фразу Р. Арона, которую он цитирует в своей работе «Измерения исторического сознания»: «История есть самый опасный продукт, который выработала химия интеллекта [...]. Он заставляет мечтать, он опьяняет народы, порождает у них ложные воспоминания, преувеличивает их реакции, питает их старые раны, не дает им покоя, доводит их до мании величия или преследования и делает их горестными, невыносимыми и надменными» [11, с. 51].

В обстановке глобального системного кризиса историческое сознание стало тем полигоном, на котором испытываются стратегии будущего развития России. Кризис, поразивший к середине 1980-х годов советскую систему, наложение на внутренние трудности ряда внешних обстоятельств, потребовали радикальных реформ СССР. В апреле 1985 года стране была предложена новая политика, получившая название «перестройка». На ее первом этапе еще не выдвигали вопрос о каком-либо пересмотре истории. Историческое сознание еще не сосредоточилось на проблеме переосмысления исторического пути, который прошла страна, лишь накапливались новые идеи. В целом, в историческом сознании по-прежнему главенствующими оставались стереотипы об историческом прошлом, сложившиеся на протяжении существования советского общества.

В 1985-86 годах познание прошлого носило латентный характер. Первые сдвиги в историческом сознании обнаружилось в 1987 году. Курс советского правительства, направленный на ускоренное развитие экономики

и социальной сферы страны не выполнялся, спланированные темпы научно-технического прогресса не дали ожидаемых результатов, наталкиваясь на разного рода тормозящие факторы – от экономических до психологических. В этих условиях М. Горбачев и его команда объявляют революционную перестройку.

В качестве основы идеологического обеспечения перестройки было объявлено формирование нового исторического сознания. В течение 1987 года разрабатывалась новая концепция исторического знания, которая была в концентрированном виде изложена в докладе М. Горбачева, посвященного 70-летию Великого Октября. Оценивая выдвинутую М. Горбачевым новую концепцию исторического знания с современных позиций, нужно отметить, что она имела как сходство, так и отличие от советской исторической концепции. Общее, что было между реформаторской и ортодоксальной концепциями исторического знания заключалось в том, что они строились на вере в преимущества социалистической системы над капиталистической, а также представлениях о том, что дальнейшее развитие общества необходимо продолжить на основе социалистических отношений, что социализм еще не до конца реализовал свой потенциал.

Отличие же реформаторского подхода заключалось в том, что советская модель социализма не считалась безальтернативной. Так зародилась идея многовариантного социализма, которую необходимо найти и реализовать. В этом виделся смысл перестройки. Ведущий идеолог перестройки, ближайший сподвижник М. Горбачева, А. Яковлев утверждал вопреки брежневской доктрине развитого социализма, что мировой социализм, в том числе его лидер СССР, находится в стадии детства и юности, а до зрелого состояния ему далеко [См.: 247, с. 5]. Сложившийся в СССР общественно-политический строй был назван командно-административной системой, в которой подверглись «деформации» ленинские заветы. Необходимо было устранить эти деформации и создать рыночный демократический социализм. В этом виделась цель перестройки.

Эта идеологическая модель и легла в основу развития исторической науки российского общества, исторического знания.

Отличительной чертой исторического сознания того периода было то, что люди искали ответы на вопросы, поставленные современной жизнью в историческом прошлом, стремились вскрыть в нем нравственные, идейные и конкретные ответы на проблему, связанную с реформированием советской системы [167, с. 103]. Здесь следует отметить тот факт, что на формирование нового нормативного исторического знания оказывала влияние новая государственная идеология. Поэтому новые интерпретации и оценки истории государства XX века носили отпечаток не критического и прямолинейного восприятия идеологического вызова перестройки.

Выразителями реформаторского подхода к истории явились не столько философы и историки, сколько публицисты, наиболее активными среди которых были М. Шатров, Ю. Афанасьев, Р. Медведев, О. Лацис, А. Бутенко, В. Логинов. Историческая тематика была выдвинута в средствах массовой информации на первое место. Публикации на историческую тему оказывали решающее воздействие на формирование исторического сознания. Благодаря гласности и плюрализму свою точку зрения, зачастую отличающуюся от официальной, высказывали представители неформальных движений.

В то же время, до конца 1980-х годов неформалы поддерживали перестройку и, в связи с этим, дискуссии по проблемам истории велись в пределах социалистического плюрализма, марксизма. В ходе дискуссий об историческом прошлом страны, о сложившемся в Советском Союзе общественном строе, произошло размежевание социальных и политических сил.

Постепенно ценностно-рациональное историческое сознание стало преобладать над целерациональным. Общество обратилось к поиску исторической правды, к выяснению того, что происходило с момента Октябрьской революции до перестройки. Что же легло в основу такой необычайной активности исторического сознания общества, роста интереса

различных общественных кругов к отечественной истории и, в первую очередь, к её советскому периоду? В основе столь бурного подъема интереса к советскому периоду истории лежала неудовлетворенность современностью. Именно эта неудовлетворенность стимулировала к жизни новые подходы к интерпретации истории СССР. Эти различные подходы отличались своей причудливостью и многообразием и соответствовали той многоцветной палитре претензий, образовавшихся в обществе и представлявших различные социальные группы к экономическому и политическому состоянию общества, к сложившимся в обществе социальным и политическим структурам.

В начале объявленной гласности общество обратилось с критикой к так называемому «периоду застоя». Не вникая в глубину кризисных явлений, руководство страны и общественность видели в нем причины кризиса. С этим были согласны как приверженцы «твердой руки», так и либералы. Больших разногласий в оценке этого периода среди них не было. В процессе дальнейшего поиска правды, сознанию населения постепенно внушалась мысль о том, что не «застойный» период является причиной кризисных явлений, а они коренятся гораздо глубже – в начальном этапе советского периода, в октябре 1917 года.

Переосмысление этого этапа, включая коллективизацию, индустриализацию, Великую Отечественную войну стало более трудным. По этому поводу историк Н. Верт отмечал, что гласность как средство преодоления негативных явлений социализма, не подвергая критике его ценности, обратившись к истории компартии, к проблеме природы сталинизма немедленно поставила под сомнение законность самой компартии [35, с. 494].

Обращение к истории в общественной мысли приобрело характер морального измерения. Закономерно, что благодаря гласности вышел ряд антисталинских фильмов, таких как «Холодное лето пятьдесят третьего», «Завтра была война», «Покаяние», «Власть соловецкая», а также романы

А. Бека «Новое назначение», А. Рыбакова «Дети Арбата», В. Дудинцева «Белые одежды» и другие. Они стимулировали общественное сознание к переоценке событий сталинского периода истории. Этот период оказался в центре внимания не только историков, но и публицистов, писателей, периодических изданий, телевидения. Вскрывая все новые и новые страницы репрессий 1930-х годов, давались новые оценки таким событиям того времени, как преобразования в современной деревне, направленные на обобществление крестьянских хозяйств, создание новой производственной базы страны. В ходе анализа этих событий общество обратилось к теме культа личности. Факты и события, свидетельства очевидцев, воспоминания перевернули общественное сознание. Началась мучительная переоценка того, что ранее виделось изначально заданными жизненными ценностями. При переосмыслении прошлого в историческом сознании общества возникли вопросы: правда ли то, что говорится о Сталине, не новая ли эта ложь, может это полуправда. Эти вопросы, а также сомнения, зародившиеся в историческом сознании общества, вызвали противоположные оценки событий отечественной истории советского периода.

Массовый поток информации о сталинских репрессиях вызвал серьёзную обеспокоенность у части населения страны. В этой информации, на их взгляд, односторонне, тенденциозно освещается трудная, героическая история 1930-х годов и роль И. В. Сталина. По их мнению, в угоду нынешней обстановки, в стране грубо искажаются события, которые к тому же оскорбляют чувства старшего поколения, поднявших страну в годы первых пятилеток. Высказывалось сожаление о том, что этим фальсификациям истории не дается должного отпора, тем более критической оценки, а средства массовой информации не пропускают в печать противоположные мнения, аргументировано опровергающие искажения истории сталинского периода. В ряде писем, отзывов звучал призыв к общественности отойти от одностороннего освещения деятельности И. В. Сталина и проводимой им

политики и показывать положительные стороны истории того периода [210, с. 436].

Сторонники другой точки зрения за вопросами к чему вспоминать прошлое, оскорблять имя Сталина, видели укоренившийся в сознании страх обращаться к культуре личности, а также застарелую привычку к болевым точкам в отечественной истории. Защитникам Сталина они адресовали вопрос: сколько жертв стало результатом антинародной политики Сталина? «Только почему-то в лагерях и в тюрьмах чаще оказывались не пьяницы и бандиты, а таланты и порядочные люди. Как они объяснят это, какой такой необходимостью можно оправдать творившийся в те годы произвол?» [210, с. 436].

Представители этих противоположных сторон ни в чем не находили общего согласия, за исключением одного, основного: они настаивали на том, чтобы извлечь правильные уроки из истории сталинского периода. В процессе все увеличивающейся массы информации о Сталине и его политике, историческое сознание обратилось к истокам советской власти, к периоду Октябрьской революции и новой экономической политики.

К 1990 году стало ясно, что перестройка во всех отношениях иная, чем та, какой она виделась в середине 1980-х годов. Изменились представления о целях и содержании перестройки, ее масштабах и пределах, средствах и методах. Изменилась реальность, в которой она осуществлялась. Общество 1990 года, находясь в глубоком кризисе, всерьез обсуждало вероятность голода и гражданской войны. Изменились связываемые с перестройкой ожидания. Если на старте большинству казалось, что стоит кое-что подправить и страна двинется вперед, то в 1990 году главные ожидания заключались в том, чтобы не дойти до худшего.

В сущности, перестройка перестала быть перестройкой в изначальном ее понимании. Речь уже шла о смене сути и характера системы, всего общественного уклада [151, с. 108, 109]. Этот переход рассматривался как единый, мощный социально-исторический процесс взрывной эволюции,

охватывающий все сферы жизни общества. Другими словами, революционная перестройка по своим целям и задачам, по своей конкретной целенаправленной деятельности превратилась в антисоциалистическую революцию. Эти изменения, произошедшие в обществе, «деформировали историческое сознание» [93, с. 424].

С этого времени стержнем идеологического и политического противостояния стала борьба между сторонниками точки зрения на советский период истории как период больших достижений советского правительства, несмотря на ряд преступлений и ошибок, и теми, кто видел в советском периоде только темную, негативную сторону.

В сложной политической обстановке историческое сознание вполне закономерно обратилось к вопросам: какой характер носило советское общество сталинского периода, какие факторы обусловили формирование сталинской системы, явилась ли эта система закономерностью или сформировалась стихийно, поддержало ли её население или в её основе лежало насилие с помощью концлагерей, ГУЛАГа. Эти вопросы интересовали всех: и специалистов – историков, и философов, и просто людей, интересующихся историей своей Родины. Неудивительно, что научные и научно – популярные издания, в названиях которых был намек на поставленные обществом вопросы, становились бестселлерами. Рассмотрение этих вопросов обусловили различные трактовки советского общества альтернатив командно-административной системы социализма.

Что касается альтернатив сталинизму, то следует отметить, что по этой проблеме в историческом сознании сложилось, по крайней мере, четыре отличные друг от друга точки зрения. Первая, наиболее консервативная точка зрения, видела сталинскую систему органичной и predetermined до неизбежности. В подтверждение этому приводились конкретные примеры из самой истории 1920 – 30-х годов. По мнению сторонников этой позиции, великий перелом, осуществленный И. Сталиным и его ближайшим окружением, носил объективный характер и отвечал потребностям страны,

поскольку не было сколь-нибудь серьезных препятствий на пути свертывания новой экономической политики, осуществления индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Представители этой точки зрения не видели альтернатив развитию 1930-х годов, кроме как командно-репрессивная система, насилие и принуждение.

Сторонники второй точки зрения утверждали, что альтернатива этой системе, безусловно, была. Под альтернативной системой ими понималась новая экономическая политика, ее сохранение и углубление [39, с. 135; 159, с. 448 – 459; 217, с. 284 – 325; 272, с. 267].

В основе третьей точки зрения лежало стремление рассматривать историю советского общества, безотрывно от предыдущей истории России. Сталинизм виделся ее авторам как очередная попытка осуществления традиций модернизации в развитии российского общества. При этом проводилась параллель между преобразованиями 1930-х годов и модернизационной политикой Петра I. Утверждалось, что замысел реформ там и здесь заключался в том, чтобы использовать некий опыт западной цивилизации, не задумываясь, в каких социально-экономических условиях она существует. Они, при обосновании своей позиции, ссылаясь на такой феномен, как склонность русского народа к тоталитаризму [236, с. 43], утверждали, что история не знает положительных примеров, когда бы свобода и демократия стали бы органичной частью того или иного общественного устройства и были бы способны двигать исторический прогресс [147, с. 453, 454; 236, с. 43].

Представители четвертой точки зрения рассматривали сталинизм в контексте мирового исторического процесса. По их убеждению, тенденции развития Советского Союза представляют собой проявление тенденций в мировом развитии. Таким образом, сталинизм представлялся ими как этап развития общества, в ходе которого осуществлялась ускоренная индустриализация, проводимая без рыночных механизмов посредством принудительных и чрезвычайных мер. Этот этап развития проходил не

только СССР, но и ряд государств, в которых существовали патриархальные уклады и в которых правящие элиты, осуществляя развитие экономики, брали в качестве образца социалистические преобразования. Необходимость реформ, модернизации рассматривалась ими как объективный процесс. Вхождение же в индустриальную современность было вхождением в тоталитаризм. Этим целям были подчинены личный и групповой интересы, благосостояние индивида, и вся его жизнь [121, с. 73, 74; 143, с. 334].

Таковы основные точки зрения на альтернативы сталинской системе, которые сформировались в историческом сознании исследуемого периода. Особое внимание историческое сознание обратило на проблемы характера сложившейся в Советском Союзе системы. Здесь также не было единства взглядов.

Все более усиливающие свое влияние на умы населения антикоммунистические движения и политические партии, давая оценку советской политической системе, отождествляли политику сталинизма с ленинской социалистической политикой. Сталина они представляли ортодоксальным и последовательным марксистом, а в ряде случаев, считали его последовательнее, чем Ленин. По их мнению, Сталин явился продолжателем дела Ленина. Ленин же, в их представлениях, явился основателем жесткой системы – административно-командной [258, с. 172, 181, 183].

Эту точку зрения разделял Р. Пайпс. По его представлению, Ленин создал сталинский режим. Сталин здесь явился только исполнителем того, что замыслил Ленин, в том числе террор, который он применял свободно, создав концлагеря. От Ленина, по его представлениям, идет и милитаризм [202, с. 44]. Основы жесткой административной системы, с точки зрения представителей этого направления, начали закладываться с октября 1917 года. В связи с этим революция оценивалась ими как мировая трагедия, как абсолютное затмение и регресс [34, 187, 278, 293]. Самым печальным последствием Октябрьской революции, по словам В. Солоухина, является

уничтожение генетического фонда. «Большевики во главе с Лениным, – писал он, – чтобы удержать власть [...] давили, резали, стреляли, морили голодом, насильничали, как могли [...], чтобы осуществить в завоеванной стране свои политические принципы» [251, с. 16, 17].

Наиболее правые, националистически настроенные антикоммунисты видели в сталинизме злых людей, мафию (под ней подразумевалось всемирное еврейство), которая сознательно творила зло: разрушала старую Москву при Кагановиче, была виновна в коллективизации деревни, приписываемой Яковлеву-Эпштейну, в терроре, организованном преемниками Ягоды и Ежова в НКВД, такими, как Розаль, Паукер, Берман, Рапопорт, Коган [35, с. 498]. Подобного рода оценки зачастую вызывали определённые практические шаги. Некоторые люди анализировали состав партийных работников, где кроме фамилий, указывали их псевдонимы, выделяли среди них работников еврейского происхождения. На основе этих данных они заявляли, что нашли настоящую правду, настоящую истину. Такие ответы на злободневные вопросы приводили к призыву «Бей жидов, спасай Россию» [272, с. 284].

Представители демократического социализма ставили под сомнение тот факт, что состояние советского общества доперестроечного периода правомерно называть социализмом, что советский общественный строй не имел ничего общего с социализмом [212, с. 346; 253, с. 48]. Они навязывали общественному сознанию негативное отношение к Октябрьской революции, утверждая, что революцию не нужно было совершать, так как она привела страну в тупик. От революции общество получило лишь сталинизм и крушение вековых устоев православия и семьи [197, с. 212]. Самой трагической вехой 1917 года они считали ликвидацию монархии, в результате чего было разрушено государство, государственный управленческий аппарат, начало разрушаться самосознание народа. После 1917 года в стране сложилась безальтернативная система управления,

которая привела к хаосу общественной жизни и утверждению диктатуры [197, с. 212].

В проходившей в 1991 году дискуссии «Демократия и тоталитаризм», сторонниками демократических сил было заявлено, что после Октябрьской революции в стране по отношению к нациям был возрожден имперский подход, а социализм вобрал в себя все самые негативные черты самодержавного чиновничества, усилив их тупостью и жестокостью отсталого народа [68, с. 30, 31].

Такие отрицательные оценки событий 1917 года зачастую не находили поддержки в историческом сознании. Определенная часть населения страны критически оценивала негативное отношение к Октябрьской социалистической революции, считала ее главным событием XX столетия. Защищая революцию, люди в своих письмах в редакции журналов и газет, в статьях заявляли, что сегодня не сложно очернить события 1917 года. Проклял ее, и будешь выглядеть гуманистом, передовым человеком. Признавая широкие возможности гласности в стране, они не желали ею пользоваться для очернительства Октябрьской революции, осуждали тех, кто видел в ней преступления, антирусскую международную авантюру безродных космополитов-интернационалистов, заговор германских агентов – большевиков во главе с Лениным и Троцким.

В сознании определенных слоев общества такие негативные заявления оценивались как аморальные, коварные, незаконные, надменные и т. п. Защищая Октябрьскую революцию, И. Дедков, автор статьи «Октябрьская годовщина» [67], замечал, что удобно обвинять далеких теоретиков и практиков революции. «А вот как быть со своей бедой, – задает он вопрос. – Когда вроде бы все гуманисты, и никто не хочет крови, а она льется, когда все за гражданский мир, а он рушится то там, то здесь [...] И снова, и снова новое мышление и человеческое измерение отступают перед страстями, перед новыми фетишами и идеалами [...]» [67, с. 6].

В своем стремлении преодолеть расколтость исторического сознания

общества, сторонники демократического социализма предложили отделить понятие социализма от Сталина, поскольку, считали они, модель социализма, сформированная Сталиным являлась итогом случайного взаимодействия объективных факторов и деятельности определенных партийных и государственных лидеров, приспособливающих общество к своим, прежде всего, политическим притязаниям [33, с. 238; 222, с. 142; 253, с. 44].

Официальная пропаганда советскую историю оценивала по-иному. Она утверждала, что в 1920 – 30-х годах укрепилась модель социализма сталинского толка, явившаяся результатом искажения И. В. Сталиным концепции социализма, разработанной В. И. Лениным. Сталинизм, по их мнению, есть искаженная теория социализма, опирающаяся на силу как многофункциональное средство достижения политических и социальных целей. Это – историческая аномалия социализма [41, с. 28; 258, с. 278].

Довольно широкое распространение имели и заявления о том, что в Советском Союзе к началу перестроечных процессов было создано социалистическое общество, но оно было создано с отклонениями от ленинского видения социализма, с негативными последствиями, деформациями, сталинщиной, хрущевской оттепелью, сталинско-брежневским правлением. Основу таких оценок составляло желание правящей элиты сформировать в сознании населения представление о том, что в настоящее время есть все возможности построения социализма «настоящего», социализма с «человеческим лицом», не замутненного ошибками, просчетами, нарушениями его благородных принципов. «Объективное требование жизни – “Больше социализма!”», – писала газета “Правда”, – обязывает нас разобраться, что мы делали вчера и как делали. От чего надо отказаться, что взять с собой» [220].

С защитой Сталинской системы выступила группа историков, публицистов, обществоведов, которых можно назвать апологетами сталинизма, они не хотели признавать антигуманный характер системы, сложившейся при Сталине. Конечно, в обыденном сознании всегда

присутствовало это неверие. Здесь сказались и предрассудки, и заинтересованность определенных кругов в сокрытии правды, и отсутствие или недостаток информации, что создавало возможность манипулировать сознанием людей.

Апологеты же сталинизма развернули кампанию по активизации в обществе настроений тоски по прошлому. Периоды социальных кризисов всегда стимулировали возрождение в историческом сознании мифов о прошлом, представлявшемся как «золотой век». На волне трудностей 1990-х годов Сталин представлялся многим символом дисциплины и порядка. Неосталинисты утверждали, что Сталин не допустил бы сегодняшние национальные конфликты, беспорядки на предприятиях, разгул теневой экономики. Из этого вытекало требование необходимости «твёрдой руки». В качестве примера, можно привести высказывание В. М. Бережкова, который в свое время был переводчиком И. В. Сталина. «При Сталине, – говорит он, – [...] действительно существовала система страха. Как только страх убрали, так все сразу перестало работать. Вот видите, у нас даже снег с улиц не убирают. Почему? Потому что никто не боится. А Сталин бы уже давно расстрелял несколько человек, улицы были бы чистыми. Это, конечно, жестоко, но работали бы» [Цит. по: 177, с. 42].

На рубеже XX–XXI столетия стал все чаще звучать призыв к исследователям честно и объективно рассматривать сложнейший период в российской истории – советскую эпоху, анализировать происходившие исторические события с позиций правды. Необходимо осознавать, что каждый исследователь, любой человек, интересующийся историей советского периода, может по-своему оценивать и трактовать те или иные факты из жизни страны, давать свою оценку политическим деятелям. В то же время, по мнению А. А. Искандерова, не нужно полагаться на свои субъективные ощущения советского периода, исходить не из своих сегодняшних интересов, рассматривать эту эпоху не фрагментарно, а полно и многогранно, не допускать одностороннего конъюнктурного подхода к

оценкам того периода, не впадать в крайности. В исторических исследованиях, считает он, нужно возродить принципы объективности и альтернативности. Важно, утверждает А. А. Искендеров, «[...] не допустить [...] конъюнктурного подхода к событиям прошлого» [94, с. 70].

На наш взгляд, впервые в постсоветский период наиболее объективно к оценке советской истории подошел В. В. Согрин при исследовании уроков российской истории. Оценивая сталинский период советской истории, он справедливо отмечает, что к 1937 году СССР по уровню производства занял 2-е место в мире. Итоги выглядели впечатляюще. «По темпам экономического роста СССР побил все мировые достижения и построил десятки промышленных гигантов, равных которым не было в большинстве западных стран. Но за этот рывок, – отмечает В. В. Согрин, – была заплачена цена, надорвавшая общество, в первую очередь крестьянство [...]» [248, с. 16].

Н. С. Хрущев, по его оценке, добился серьезных успехов. Наблюдался реальный промышленный и сельскохозяйственный рост, СССР вырвался в космос и внушил американцам серьезные опасения относительно возможного научно-технического отставания США. Кроме того, Хрущев, в отличие от Сталина, уделил внимание благосостоянию народа и допустил управляемую демократию. Вместе с тем, как показали последующие события, это была пиррова победа [248, с. 17].

Что касается периода Брежнева, то В. В. Согрин положительно оценивает косыгинские реформы второй половины 1960-х годов, допуская хозрасчет и самостоятельность предприятий и колхозов. Здесь следует отметить, что 8-я пятилетка (1966 – 1970) дала наивысшие показатели роста валового национального продукта за всю советскую историю – 45 % за пять лет или в среднем 9 % за год. Выше всего этот показатель за всю историю России был в 1913 году, когда прирост ВВП составил 19 %. Но в последующие годы, как считает В. В. Согрин, состязание с США в развитии вооружений и борьбе за сферы влияния истощило

экономику и народ. «Финал схватки двух мировых империй, – заключает В. В. Согрин, – одной, постоянно бедневшей, и другой, богатевшей как на дрожжах, – был не за горами» [248, с. 17].

Ряд исследователей отошли от одностороннего огульного обвинения советской власти во всех грехах, имевших место в СССР. Проблему негативных явлений они видели в истории России. На повестку дня были выдвинуты вопросы: как могло произойти, что в нашей стране не иноземные завоеватели, а собственная, да еще и народная власть в течение десятилетий безнаказанно и беспрепятственно уничтожала миллионы своих граждан; что породило этот тип взаимоотношений общества и власти; что сделало его возможным в России, «[...] и, самое главное, излечились ли мы от этой страшной болезни социального самоистребления или нам следует ждать все новых и новых ее рецидивов» [56, с. 17].

Находясь в поиске ответов на подобные вопросы, общественная мысль приходила к выводам о том, что причины этих явлений кроются не только в характере советской власти. События, последовавшие за крушением социалистического государства, показали, что смена отношений собственности, идеологии, политической системы не изменила основ взаимоотношений государства и общества. За весь постсоветский период в российском обществе не произошло существенных изменений в отношениях государства и экономики, политической жизни общества. По-прежнему и политика, и экономика остаются в полной зависимости от государства, как это было в досоветской и в советский периоды отечественной истории.

При современных демократических институтах продолжается господство политической элиты, не изменились и отношения между государством и обществом. Суть проблемы российской конфигурации «общество – государство» виделась в том, что государство представляло себя полноправным и никакими рамками не ограниченным хозяином всех сторон жизни общества, а также в отсутствии эффективно работающих механизмов взаимовлияния и взаимного контроля власти и общества.

В результате интересы общества и государства все больше поляризуются, кризис легитимности власти сопровождается усилением авторитаризма, что в итоге приводит к смене политического режима и возобновлению нового цикла поляризации. По мнению ряда исследователей, истоки таких политических взрывов уходят корнями вглубь истории. Проблема заключается в расколах русского общества, которые происходили не единожды в истории России.

Первый такой раскол был в период принятия христианства на Руси. Тогда вступили в противоречие языческие обряды, нормы морали и нравственности, семейные отношения с духовными образованиями христианской религии. Реформа русской православной церкви второй половины XVII века закончилась расколом между консервативными установками представителей русского духовенства, которых поддерживали широкие народные массы, и новыми религиозными и культурными явлениями, которые стали проникать в российское общество с Запада. Этот раскол привел к образованию глубинных противоречий между двумя направлениями развития общества – национальным и имперским. Второй, имперский, вектор развития оценивали как положительный. Он, по мнению В. О. Ключевского, противостоит узкому национализму раскольников, предлагавших замкнуться от всего мира и отгородиться от него национальными обрядами [См.: 56, с. 20, 21].

В итоге политический режим Российского государства, стремясь подчинить себе и церковь, постепенно превращался в абсолютную монархию, становился единственным, безусловным всеобъемлющим источником всей власти и всего законодательства. Завершает процесс формирования абсолютной власти монарха Петр I. Эта власть устанавливает тотальный контроль не только над социальной сферой жизни общества, но и над духовной. В этом состоит сущность тоталитарной формы власти в последующие периоды истории России.

В 1917 году место Российской империи заняло советское государство. В советской историографической традиции между ними проводилась пропасть, при явном предпочтении советскому государству. И в настоящее время есть сторонники такого подхода к оценке советского периода отечественной истории. Они убеждены в том, что СССР являлся страной, в которой впервые в мировой истории окончательно победил социализм. Причем, по их мнению, это признают не только советские люди, не только союзники Советского Союза, но и его враги. Эта убежденность исходит из того, что за годы существования СССР были проведены огромного масштаба преобразования во всех областях жизни общества. СССР освоил атомную энергию, первым вышел в открытый космос, полностью ликвидировал неграмотность. Сторонники СССР считают, что это была страна человека труда, где весь народ был социально защищен. По оценке С. А. Солнцевой «[...] осуществление государством социальной функции позволяет дать СССР определение как первому в мире социальному государству» [249, с. 7].

Сегодня увеличивается количество историков и философов, которые отдают предпочтение Российской империи. В оценках досоветского периода, особенно имперской России, все чаще звучат апологетические ноты: именно ее традиции предлагается возродить и брать за основу для успешного развития современного российского реформаторства. Конечно, преобладание завышенных оптимистических оценок препятствует извлечению реалистических уроков для современной российской трансформации. Вместе с тем сегодня расширились возможности для более объективного и обстоятельного извлечения уроков из российской истории. Это можно объяснить тем, что благодаря развитию научного плюрализма и состязательности профессиональная историография создала целый ряд серьезных исследований российского прошлого, которые закрыли много его «белых пятен» и одновременно создали более благодатную почву для взвешенного и объективного осмысления его уроков. Но есть и третья

позиция: ее занимают те, кто видят как отличия, так и цивилизационное сходство между Российской империей и советским государством.

Внешне, считают они, советское государство предстает как полная противоположность Российской империи. Но уже евразийцы и сменовеховцы в 1920-е годы обнаружили между ними нечто общее – стремление иметь в качестве высшей ценности всепоглощающее и мощное государство, неподвластное развалу и неприступное, как крепость, для соседей. Евразийцы и сменовеховцы, недавние непримиримые противники советской власти, изумились и стали отдавать симпатии советской власти, которая только и могла, по их мнению, спасти великую Россию.

Анализируя последующее развитие советского государства, представители третьей позиции, выводят его сходство с имперской Россией, которое, на их взгляд, заключалось в том, что советское государство стало проводить имперскую внешнюю политику, поглощая соседей, расширяя границы и сферы влияния. В 1945 году оно, как и Российская империя в 1815 году, стало сверхдержавой. Советское государство, как и Российская империя, пыталось ликвидировать экономическое отставание от Запада. «Российская империя пыталась догнать и перегнать западноевропейские страны, а для СССР главной целью была конкуренция с другим западным соперником, что воплотилось в “Великой Советской Мечте”: “Догнать и перегнать Америку!” Решить эту задачу СССР, как и Российская империя, пытался на основе мобилизационной модели модернизации под верховенством вотчинного государства. Но финал истории СССР оказался удивительно похож на финал Российской империи – поражение в войне, правда, не в “горячей”, а в “холодной”, крах и распад» [248, с. 16].

Выводы:

1. Одной из главных целей перестройки, объявленной во второй половине 80-х годов прошлого века, стало формирование нового исторического сознания в качестве основы идеологического обеспечения

проводимых преобразований. Разработанная новая официальная концепция исторического знания несла в себе идею многовариантности социализма и выдвигала задачу создания рыночного демократического его варианта.

2. Идеологическая модель перестройки заложила основной курс развития исторического знания и отечественной исторической науки. Новое нормативное историческое знание, находясь под влиянием идеологии, прямолинейно и некритически отражало идеологический вызов перестройки. Историческая тематика была выдвинута на передний план в научных исследованиях, средствах массовой информации и оказывала мощное влияние на характер исторического и политического сознания.

3. В условиях гласности и плюрализма, свое видение истории советского общества, отличающееся от официального, высказывали историки, писатели, публицисты. В историческом сознании общества эмоции стали преобладать над разумом, зазвучали призывы восстановить историческую правду. Обращение к истории стало носить характер морального измерения.

4. С начала XXI века процесс исторического познания стал приобретать черты большей правдивости, объективности, всесторонности. Все более широкое развитие получает научный плюрализм, все более взвешенно и объективно идет процесс извлечения уроков истории.

Таким образом, современный глобальный кризис, детерминированный рядом объективных и субъективных причин, имеющий парадигмальный и экзистенциальный характер, являющийся по своим коренным основаниям кризисом аксиологическим и представляющим собой кризис самого человеческого бытия, обусловил кризис духовной сферы жизни общества и, в первую очередь, исторического сознания. Глобальный кризис вызвал кризис европоцентристского сознания, его базовых основ – рационализма и европоцентризма, до крайности обострил проблему политизации

исторического сознания. На передний план политических дискуссий выдвинута проблема глобализации.

Испытывая на себе влияние глобального кризиса, историческое сознание российского общества характеризуется поляризацией общественного мнения по основным событиям отечественной истории. В то же время, в нем обозначился выход из кризиса, выразившийся во все большей объективности, правдивости исторического знания, что позволяет говорить о приобретении им конструктивного характера и способности оказывать влияние на стабилизацию и устойчивое развитие современного российского общества.

ГЛАВА 3. РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЩЕСТВА

В чем заключается смысл временного подхода к рассмотрению исторического сознания? В понимании исторического сознания как единства прошлого, настоящего и будущего мы исходим из идеи истории как развития, как деятельности, положенной в общее основание мира, «[...] что объясняется динамической природой западной цивилизации, сделавшей возможным подобное мировосприятие» [173, с. 84]. Прошлое, настоящее и будущее, являющиеся временными составляющими исторического развития, в контексте деятельности предстают как её основные структурно-образующие элементы. Прошлое здесь предстает как предпосылка, предмет деятельности, будущее является её результатом, содержащимся в настоящем в виде замысла или цели, само же настоящее выступает как процесс деятельности, в ходе которого прошлое переходит в будущее.

Представленная во времени структура деятельности является прообразом, исходной позицией философской идеи исторического развития. Таким образом, история воспринимается как длящийся во времени и непрерывный в своем продуцировании творческий процесс.

Такая позиция по отношению к истории позволяет увидеть в ней не сумму обособленных во времени и пространстве форм и способов деятельности эмпирических индивидов, а постоянно развивающего свои возможности человека, творящего историю. Понятие «человек» здесь предстает носителем реально существующей общности всех людей. Именно эта общность и делает человека субъектом, творящим мировую историю. Будучи разделенными между собой временем и пространством, люди оказываются в одной истории. Такой взгляд на историю позволяет увидеть её не как случайный набор обособленных культур и цивилизаций, а как единый и целостный процесс, обнаружить в истории общее основание, открыть в ней то деятельное человеческое сообщество, в котором рождается прошлое, настоящее и будущее, вскрыть единое и целое. «В попытке постигнуть

единство истории, – пишет К. Ясперс, – т. е. мыслить всеобщую историю как целостность, отражается стремление исторического знания найти свой последний смысл. Поэтому при изучении истории в философском аспекте всегда ставился вопрос о единстве, посредством которого человечество составляет одно целое» [316, с. 264].

Один из первых отечественных исследователей исторического сознания М. А. Барг, следующим образом выражал смысл временного подхода к рассмотрению исторического сознания. Прошлое он представляет как одну из граней исторического сознания, концептуализирующую связь между прошедшим, настоящим и будущим, этими тремя модальностями времени. Стержнем же исторического сознания он называет историческое настоящее, сущее. «Одним словом, – отмечает он, – историческое сознание – это духовный мост, переброшенный через пропасть времени, – мост, ведущий человека из прошлого в грядущее» [19, с. 24].

Основываясь на таком мировосприятии, мы и рассмотрели задачи, заключенные в данной главе. В исследовании проблемы исторического сознания в кризисных условиях наиболее остро встает вопрос поиска смысла и назначения истории. В этом исследовании мы рассматриваем проблему смысла истории, обусловленной динамической природой западной цивилизации. Наиболее остро встает вопрос поиска смысла и назначения истории в кризисных условиях. Этот вопрос привлекает внимание к наследию мыслителей разных эпох, пытавшихся понять общий ход истории.

Глобализация и связанный с ней планетарный кризис создают для общества угрозу утраты своей идентичности. Исследование происходящих изменений идентичности позволит углубить наше понимание актуальных проблем современного развития, прогнозировать возможные варианты изменений общества. В контексте глобального системного кризиса увеличивается роль исторического сознания в определении путей выхода российского общества из кризиса, направления его дальнейшего развития.

И здесь следует помнить, что сформировать, спрогнозировать будущее невозможно без обращения к прошлому, диалога с ним.

Как заметил Карл Ясперс, в знании о прошлом заключается новая философская современность. Фактически – это некая основная философская форма изначального философствования – понимать и делать очевидным во взаимосвязи с традицией, в изучении старых текстов то, что, таясь в глубине, движет настоящее [315, с. 65]. Говоря о поисках путей дальнейшего развития России, следует иметь в виду, что прошлое формирует будущее и от того, насколько глубоко мы знаем историю России, «[...] зависит выбор, который надо делать уже сегодня, чтобы не было поздно завтра» [218, с. 125].

И так, основная задача главы состоит в раскрытии проблемы смысла истории в условиях глобального кризиса, выявлении признаков кризиса социальной идентичности и определении роли исторического сознания в преодолении идентификационного кризиса российского общества.

3.1. Проблема смысла истории и его связи с направленностью развития в контексте глобального кризиса

В этом параграфе ставится задача проанализировать различные концепции, сформированные в историческом сознании на его теоретическом уровне, раскрывающие проблему смысла истории его связи с направленностью развития.

В обеспечении социальной стабильности, устойчивого развития общества большое значение имеет формирование в историческом сознании социума ясного понимания смысла и назначения истории, его связи с направленностью развития. Известно, что проблемой смысла истории на уровне жизненно-практического сознания люди в своей массе интересуются не всегда. В современных условиях актуализировал эту проблему глобальный системный кризис. Вопросы: куда мы движемся, как народ, как видим себя на этом пути, в чем смысл истории, безусловно, и сегодня, в

условиях глобального кризиса, особенно волнуют каждое цивилизованное общество.

Конечно, дать однозначные ответы на поставленные вопросы представляется весьма проблематичным, поскольку ответы на эти философские вопросы зависят от мировоззренческих позиций исследователя, его социального положения, личностных убеждений, мотивов, интересов, представлений. При такой неоднозначности исследуемой проблемы, как нам представляется, наиболее продуктивным является использование диалогического подхода. В этом случае исследователи проблемы смысла истории рассматриваются нами не только как объекты исследования, но также и как гносеологические субъекты, т.е. в диалоге участвуют равноправные сознания с их мирами.

Здесь сознание участника диалога дано как другое сознание, но в то же время оно не становится простым объектом диссертационного исследования. Их мнение также полномерно, как обычное авторское слово. Им принадлежит исключительно самостоятельность в структуре данного параграфа. Таким образом, в диалоге о смысле истории идет взаимодействие самостоятельности авторов, создающих в диалоге свою уникальность. Диссертант в данном диалоге не доминирует, не завершает их извне своим окончательным, определяющим словом. Участники диалога – не объекты творческой воли диссертанта, зависимые от него, но равноправные «собеседники» и между собой, и с диссертантом. Именно такая обращенность к сознанию Другого позволяет нам найти свою точку зрения на исследуемую проблему.

На сегодняшний день в историческом сознании сложилось два подхода к исследованию проблемы исторического сознания. В первом случае признается наличие в истории смысла, во втором случае отрицается какое-либо наличие этого смысла [208, с. 11]. Так, по мнению К. Поппера «[...] ход человеческой истории предсказать невозможно» [216, с. 12]

В исследовании проблемы смысла истории, его связи с направленностью развития мы исходим из позиций, занимаемых рядом исследователей исторического процесса в смыслотеоретическом отношении о признании объективности исторического смысла. С этих позиций смысл истории видится в достижении определенных целей, усвоении общечеловеческих ценностей, овладении конкретной идеей. Эти всеобщности формируют человечество в организованное единое целое [255, с. 17 – 19]. Можно признать определенную правоту утверждения Ю. А. Кимелева о том, что данная всеобщность представляет собой и определенный антропологический тезис, который должен выразить предназначение существования человека [109, с. 3 – 15].

Центральной проблемой направленности истории, начиная с XVIII века, является идея прогресса, зародившаяся в европейском общественном сознании. Смысл идеи заключается в том, что человеческая цивилизация на протяжении всей своей истории постоянно совершенствовалась, развитие человечества имеет определенную направленность, которая тесно связывает прошлое, настоящее и будущее.

Одним из основоположников теории прогресса, направленного развития был аббат Сен-Пьер, обосновавший ее в своем труде «Замечание о непрерывном прогрессе всеобщего разума» (1737). С конца XVIII века идея прогресса начала играть определяющую роль в европоцентристском историческом сознании, стала для него почти религией, заменившей собой христианскую.

С работы Тюрго «Рассуждения о последовательном прогрессе человеческого разума» (1750) берет начало французская философия второй половины XVIII века. В очерках «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» [124] Жан Антуан Кондорсе дальше развивает учение о прогрессе. Исходя из тезиса, что человеческие способности могут развиваться беспредельно, он заключает, что процесс развития имеет однонаправленный характер, меняться может только его скорость.

Рассматривая процесс развития человечества от эпохи племенной организации до эры прогресса человеческого разума, он характеризует десятую, последнюю, эпоху как эпоху, где будет уничтожено неравенство между нациями, достигнуты прогресс равенства между общественными классами, действительное совершенствование человека [124, с. 47].

Прогрессистская парадигма была дальше развита в XIX веке в работах таких позитивистов, как В. Вундт, Дж. С. Милль, Г. Спенсер. Наиболее всесторонне идея прогресса была развита французским социологом Огюстом Контом, чье выражение «Порядок и Прогресс» стало девизом его научной деятельности. О. Конт пришел к выводу, что зачатки прогресса уже кроются в самой природе. В природе царит внутренний порядок. Продолжение прогресс получает во всем живом мире. Развитие человеческого общества представляет собой фактически вершину общего прогресса [127, с. 116].

Более сложную, спиралевидную, прогрессистскую модель развития разработал Г. В. Ф. Гегель. Исходя из выдвинутого тезиса о разумности всего мира, он, в соответствии логике, делает умозаключение и о разумности исторического процесса. В ходе рассмотрения проблемы всемирной истории Гегель раскрывает процесс становления сознания. Этот процесс у него начинается со стремящегося к истине самосознания. По мере развития самосознания, в нем появляются зачатки сознания, которому открываются основные истины и по мере постижения этих истин формируется сознание [50, с. 78].

В основу осмысления исторического процесса Гегель кладет вскрытые им законы диалектики. Процесс истории, согласно Гегелю, не является чисто формальным развитием, не имеющим ни цели, ни содержания. Наоборот, он является стремлением к цели, которая несет в себе конкретное содержание [50, с. 78]. Целью исторического процесса выступает дух, являющийся руководящим принципом развития. Этот руководящий принцип, по Гегелю, и придает значение и смысл развитию. Прогрессистской, или спиралевидной,

модели развития присущи такие важные качества, как цикличность, поступательность и преемственность.

Раскрытие прогрессистской, спиралевидной модели всемирно-исторического процесса Гегель начинает с анализа внутреннего источника всякого развития. Этим источником является борьба противоположностей, в то же время находящихся в единстве. Сам процесс исторического развития, накапливая количественные характеристики, переходит в новое качественное состояние, отрицая предыдущее состояние, которое, в свою очередь, отрицается последующим состоянием. И, таким образом, история в своем развитии идет по спирали, повторяя предыдущую ступень, но на более высоком уровне, перенося на новый уровень все положительные характеристики предыдущих, и так прогресс осуществляется до бесконечности. Жизнь духа Г. Гегель представляет, как кругообращение ступеней, перехода от одной ступени к другой, все положительное, накопившееся ранее, переносится на новую ступень [50, с. 99].

Идея прогресса рассматривалась и в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, которые анализировали историю с материалистических позиций. История человечества, согласно их теории, представляет собой объективный процесс смены общественно-экономических формаций. В своем движении история проходит путь от низших к более высшим формам, более сложным. Как прогрессивные формы экономической формации К. Маркс и Ф. Энгельс выделяют азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства. При этом буржуазные производственные отношения, по их представлениям, являясь последней антагонистической формой общественного производства, завершают предысторию человечества [164, с. 7, 8]. Высшей стадией развития человеческого общества, согласно К. Марксу, является коммунизм как высшая цель истории.

Если смотреть с позиций сегодняшнего времени, то теории и Гегеля, и Маркса основывались на европоцентризме. В основе видения прогресса современным либерализмом лежит вера в рациональность мирового

устройства. Эта вера в рациональность полагает развитие человеческой цивилизации по таким же объективным законам, как и законы развития природы. На основе такого восприятия мира современный либерализм рассматривает эволюционистскую идею прогресса, причем прогресс представляется однолинейным.

В отличие от европоцентристского подхода к рассмотрению сущности прогресса с позиций рационализма, в русской философии идея прогресса рассматривалась с позиций нравственности, истины и справедливости. Первыми сторонниками такого подхода стали народники П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский, для которых теория прогресса является вопросом смысла истории.

История, с точки зрения народников, есть прогрессивное движение человеческого сообщества. В организации этого движения, постановке его целей и мобилизации народа на их осуществление важное место занимают исторические личности. В процессе прогрессивного развития человечество переходит в царство свободы из состояния естественной необходимости. Приблизить историю к личности – в этом виделась народникам суть прогресса. Основной задачей прогресса, по их мнению, является формирование всесторонне развитой, гармоничной личности.

Нравственный императив, сформулированный П. Л. Лавровым, состоит во всестороннем развитии личности, под которым понимается физическое, нравственное и умственное развитие, а в обществе – достижение справедливости и истины [141, с. 81]. Таким образом, у П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского философия истории представляется как переложение на судьбы человека идеи прогресса, в процессе которого воплощаются такие идеалы, как разумность, добро и справедливость. И этот процесс движения человечества разворачивается от прошлого через настоящее к будущему.

Идея прогресса с момента ее зарождения и особенно в XX веке подверглась критике ряда мыслителей. Н. А. Бердяев [26] видел основное противоречие учения о прогрессе в его ложном отношении к проблеме

прошлого, настоящего и будущего. Идея прогресса в его представлении не имеет обоснования с философской и научной точек зрения. Она целью ставит будущее в ущерб настоящему.

С позиции нравственности Н. А. Бердяев утверждал, что прогресс, имея своей целью, достижение совершенства будущего человечества, использует предшествующие поколения как средство для достижения этой цели, но этим поколениям не предстоит познать высшую полноту жизни, это возможным будет лишь только для далеких потомков. И отсюда Н. А. Бердяев делает вывод: «Прогресс оказывается не вечной жизнью [...], а вечной смертью, вечным истреблением прошлого будущим, предшествующего поколения последующим» [26, с. 148].

После Второй мировой войны влиятельные мыслители также подвергали критике идею социального прогресса. Свое несогласие с идеей прогресса, разочарование в ней высказывает представитель французского рационалистического направления Реймон Арон. Его работа, посвященная критике прогресса, так и называется «Разочарование в прогрессе». Прогресс, как термин, присущий исключительно западной цивилизации, критикует И. Р. Шафаревич. С позиций крайне нигилистического отношения к истории отрицают прогрессивное развитие человеческой цивилизации французские структуралисты А. Глюксманн, Б.-П. Леви, К. Жамбе, Я.-М. Беноисте. Согласно их представлениям, история есть движение по замкнутому кругу, изначально порочному, из которого человечеству никогда не выбраться. Известный структуралист Мишель Фуко, исследуя кантовскую проблему сущности человека, считает, что философское определение человека как живого существа или как говорящего субъекта, не имеет никакого смысла, поскольку торжество человеческого никогда не наступит, человеческое существование имеет исторический конец [281, с. 404, 405].

Идея прогресса, более двухсот лет вдохновлявшая западную цивилизацию, была подвергнута критике современными отечественными и зарубежными философами. Американский философ Дж. Сантаяна, считает

веру в прогресс чистым предрассудком, безумным представлением о том, что если какая-либо идея, в том числе идея непрерывного изменения к лучшему, где-то и нашла свое проявление, поскольку там сложились определенные обстоятельства, способствующие этому развитию, это не значит, что она должна объективно проявляться везде, даже если этому противоречат факты. По его мнению, нельзя веру в прогресс отождествлять с верой в Провидение, считать ее совместимой с ней. «Неужели Провидение могло бы начаться с неисправности, чтобы затем корректировать себя! Ведь в произведениях, которые по существу своему “прогрессивны” как, например, рассказ, начало не хуже конца, если автор профессионален» [235, с. 124]. Столь же резкой критике подверг идею прогресса английский историк Джон Тош. Считая прогресс одним из наиболее распространенных заблуждений массового исторического сознания, он утверждает, что вера в прогресс обуславливает безумную идеализацию будущего, есть искажение истории, «миф Запада» [264, с. 27].

В то же время среди некоторых мыслителей современности идея прогресса по-прежнему звучит как важнейшая и фундаментальная, но требующая определенной доработки. П. Штомпка, профессор Ягеллонского университета, считает неверным отказ от идеи прогресса ради чего-то другого, поскольку она важна и основательна для снижения экзистенциальных напряженностей. «Несмотря на то, – считает он, – что идея прогресса переживает кризис, этот кризис временный» [309, с. 59]. Придет то время, когда идея прогресса будет господствовать над человеческим воображением. Для того чтобы идея прогресса вновь обрела жизнеспособность, П. Штомпка предлагает пересмотреть, переформулировать и обновить ее некоторые устаревшие положения.

К. Беккер отмечает ускорение развития общества: большинство научных открытий и инженерных достижений произошли в последние 500 лет, а революционных преобразований в промышленности – в последние 200

лет. Характерной чертой современного этапа прогресса является все более возрастающий контроль человека над энергией природы [321].

В своей статье «Вперед, к Геродоту!» М. А. Бойцов, показывая общественную роль истории в XX веке, видит одну из основных причин ее изменения в том, что идея прогресса оказалась скомпрометирована [30, с. 20]. М. Ф. Румянцева отчасти согласна с ним в том, что «[...] сомнения в наличии подлинного прогресса, а также сомнения в безграничности познавательных возможностей человеческого разума превращают в колеблющийся мираж те картины прекрасного будущего, которые были нарисованы в оптимистическом XIX веке» [229, с. 20]. Здесь же она замечает, что прогресс не является обязательной формой исторического процесса. Прогресс является частным и возможным [См.: 229, с. 20].

Идея прогресса была подвергнута критике и опытом XX столетия. Научно-техническая революция наряду с положительными сопровождалась и негативными явлениями, такими как мировые войны, политические революции. Так, XX век был отмечен огромным количеством социальных катастроф – военно-политических, экологических и нравственных. Расползание по всему миру ядерного оружия, применение атомного оружия, аварии на атомных и гидростанциях – все это можно отнести к негативным последствиям прогрессивного развития человечества, «[...] о несостоятельности самой идеи прогресса» [40, с. 3].

В настоящее время в мире сложилась ситуация, в которой кризисы воспринимаются как нормальное явление. Философские науки усматривают кризис везде. Если раньше кризис в историческом развитии рассматривался как явление временное, теперь его рассматривают как всеобщее, затяжное, хроническое. Исторический процесс все меньше рассматривается как героические повествования, достижения общественной жизни, а все больше как череда сменяющих друг друга кризисов. В то же время происходит резкое сокращение оптимистических работ о социальных изменениях и историческом развитии.

С середины XX века в связи с кризисом идеи прогресса в западноевропейском историческом сознании зародилась новая концепция истории, получившая название модернизации. С точки зрения гносеологической идея модернизации оперировала «[...] объяснительной когнитивной моделью: все события мира выстраивались [...] в одну каузальную цепочку, и каждое предыдущее объясняло следующее» [70, с. 8]. Согласно этой концепции, модерн является окончательным выбором человечества, которому предстоит продолжить эпопею прогресса. Видение прогресса либерализмом воплощено в идее универсальной модернизации, понимаемой, по существу, как вестернизация, то есть постепенное распространение на весь мир ценностей западноевропейской культуры.

К сегодняшнему дню возникло множество концепций модернизации. Первоначально этим понятием обозначался процесс подтягивания неразвитых стран до уровня западных. Это подтягивание происходило в результате распространения социального опыта развитых западных стран среди остальных стран и усвоение его последними. По мнению Ю. И. Семенова, понятие модернизации для неразвитых стран было одинаково с понятиями европеизации, вестернизации [239, с. 200]. Наряду с такого рода представлением появилось и другое, более широкое представление о модернизации, согласно которому она, появившись на Западе, стимулировала остальные страны повторить путь Запада. Сам термин «модернизация» употребляется для характеристики всесторонних изменений, происходящих в обществе в ходе его индустриализации. Согласно Н. Смелзеру, по своему содержанию модернизация представляет непрерывные изменения в экономической, политической сферах жизни общества, в образовании, традициях и религии [245, с. 620].

Авторами концепции модернизации явились неолиберальные теоретики, такие как И. Л. Горовиц, С. П. Хантингтон, К. Фуртало, Д. Лернер, У. Е. Мур, М. Дж. Леви-мл., С. Айзенштадт. В их работах сам процесс модернизации представляется как переход от более примитивных

общественных форм или организаций людей к более совершенным формам и развитой культуре, от биологических пережитков к современной социальной организации. В целях предупреждения серьезных осложнений, которые они предрекали к середине XX века, по их мнению, требуется цивилизационный сдвиг, нужна интернационализация того типа развития, который выработают новые общества для того, чтобы образовать единое мировое пространство человечества.

По мнению авторов концепции модернизации, это универсальное направление, в котором идут все народы мира, но каждый при этом имеет свои темпы и этапы движения. В основе модернизации, по их мнению, лежит рационализация общественной жизни. В конце концов, человечество достигает общего уровня в своем развитии. Поэтому модернизация, по их убеждению, является единственным путем к конвергенции всех стран независимо от их исторических особенностей.

Изначально теория модернизации строилась на идее превосходства западной цивилизации. Был реанимирован старый гегельянский подход к делению народов на исторические и неисторические. Идеологии глобализации обратились к теории Гегеля о том, что только западная цивилизация обладает способностью к закономерной внутренней динамике. Только ей удалось перейти из циклического времени в линейно-кумулятивное, получившее название исторического прогресса. Только европейская цивилизация может реализовать всемирное распространение и образование единого планетарного пространства. Другие же, незападные народы, обречены на то, чтобы следовать по пути Запада, чтобы не быть обреченными на застой.

Теоретиками модернизации экономическая и социальная перестройка общества объяснялась имеющимися у общества культурными предпосылками, такими как наличие лидеров, социальных групп и классов, духовных факторов, готовности к переменам. Сам процесс модернизации рассматривался как процесс формирования институтов и отношений,

выработки ценностей и норм, на основе которых можно было бы изменить идентичность всех людей модернизирующегося общества. Здесь следует отметить, что выдвижение задачи смены идентичности в теориях модернизации представляет собой не что иное, как требование сформировать новую идентичность, которая соответствовала бы ценностям Запада и их социальным установлениям.

В данном случае, можно согласиться с теоретиками модернизации, что в социально-экономической, хозяйственной и технологической областях еще можно говорить о сближении уровня развития западных и незападным стран, об отсталости незападных цивилизаций. Вместе с тем, в социокультурной сфере применение понятий отсталости и недоразвитости к незападным странам, по крайней мере, некорректно. Отдельные цивилизации, будь то западные или незападные, различаются между собой именно по социокультурным параметрам, в основе которых лежат особенности их идентичности, их ценностные системы. И, конечно, нельзя сравнивать духовную сферу и культуру тех или иных цивилизаций, используя понятия: «развитые» и «недоразвитые», «передовые» и «отсталые». Наоборот, их особенности детерминируют необходимость другого подхода – сравнения и взаимодействия, обмена, «[...] без которого невозможен диалог цивилизаций» [110, с. 9].

Речь идет о диалоге разных культурных миров, сохраняющих свои особенности, свою духовность. По нашему мнению, основное заблуждение идеи формирования универсальной цивилизации заключается в том, что она предполагает стирание цивилизационных различий в социокультурной сфере. Причем нельзя игнорировать главное противоречие между западными и незападными цивилизациями, которое состоит в противоречии принципов свободы и несвободы. Если незападные государства все еще в значительной степени не имеют правового характера, то в основе западных обществ лежат принципы свободы и правопорядка. Более того, Запад стремится доказать и навязать свои преимущества остальному миру.

Здесь следует заметить, что доказательство преимуществ своих социокультурных ценностей является делом весьма проблематичным, поскольку западный прогрессизм и обернулся рядом негативных последствий, одним из которых явилось массовое общество. Массовому обществу присуще господство усредненной масскультуры и вытеснение подлинной культуры. Из духовной жизни человека все более элиминируется социальная составляющая, которая таким образом утрачивает характеристики мира человека. На самом деле оказывается, что пользоваться свободой, добытой многими предшествующими поколениями, современный человек не умеет и не желает. Ради безудержного потребления он забывает о своей личной ответственности перед обществом.

Опыт модернизации середины XX столетия подтверждает несостоятельность выводов ее адептов о необходимости и возможности смены идентичности незападных цивилизаций, их социокультурной унификации. Несмотря на то, что под влиянием модернизационных процессов традиционные культуры стран третьего мира были в значительной мере разрушены, в то же время основы современного западного общества в большей мере ими не были приобретены. Например, в процессе развития Японии не произошло существенного проникновения в японское общество западной идентичности. А сам процесс развития был скорее «японским чудом», чем результатом осуществления теории модернизации.

В целом, по оценке В. Г. Федотовой, классическая теория модернизации, положившая в свою основу западный опыт модернизации и в определенной степени содействовавшая процессу модернизации в ряде неевропейских стран, осталась незавершенной. Европейский опыт модернизации не прижился в странах Юго-Восточной Азии, не мобилизовал модернизацию в странах третьего мира. Все это подтверждает тот факт, что классическая модернизация со своей стратегией догоняющего развития ушла в небытие [273, с. 5].

В современных условиях классическая теория модернизации подвергается критике. Ю. Хабермас пишет: «Просветители типа Кондорсе еще носились с чрезмерными упованиями на то, что искусства и науки будут способствовать не только покорению природы, но и пониманию мира и человека, нравственному совершенствованию, справедливости общественных институтов и даже счастью людей. XX век не пощадил этого оптимизма» [283, с. 45].

Прежде всего, в основе этой теории лежит признание линейности и одновариантности исторического развития, постоянной направленности к развитию. Теория модернизации признает за историческим процессом объективную закономерность развития, лишаящую социумы возможности исторического выбора. Она ориентирована на рациональность Запада. К незападным народам предъявляются требования смены своей культуры в процессе модернизации. Особой критике подвергается модель догоняющего развития, которую использовали незападные страны в попытке достичь уровня развития стран Запада.

В XXI веке, глобализация и развитие капитализма в незападных странах показали, что Запад уже не является образцом развития. В этих странах, как отмечает В. Г. Федотова, «[...] начинают преобладать национальные модели модернизации, основанные на вестернизации, на собственных приоритетах, трактовках и решениях проблем развития каждой отдельной страной» [274, с. 17].

В связи с кризисом идеи модернизации с конца 80-х годов XX столетия активно стала использоваться идея исторического развития, получившая название глобализации, как новый мегатренд, сменяющий модернизацию.

Глобализация была представлена общественному сознанию, как процесс, обусловленный прогрессом в экономической, технологической и социальной областях. Этот процесс, по мнению идеологов глобализации М. Кастельса, Р. Кругмана, В. Гатеса, Т. Сороса, Дж. Стиглица, Э. Гидденса и других, представляется как процесс образования планетарного сообщества

людей и постепенного формирования в сознании человечества основных принципов устройства жизни. По оценке Э. Гидденса, глобализация «[...] представляет человеку невиданный до того уровень личной свободы» [329, с. 17]. С точки зрения синергетики глобализация рассматривается как этап «универсальной» истории, имеющей циклический характер или, другими словами, развивающуюся от зарождения, через развитие, к умиранию [4, с. 250].

Ряд исследователей, истолковывающих историю человечества с традиционных социологических подходов, глобализацию понимают как одну результирующую тенденцию исторического развития. В данном случае глобализационный процесс заключается в обретении историей, во-первых, качеств глобальности как результата научных достижений и совершенствования, во-вторых, развития экономической миросистемы, в-третьих, как столкновение мировых и локальных цивилизаций и, в-четвертых, как развитие общества от аграрного к индустриальному, а затем к постиндустриальному состоянию [60, с. 5].

В ряде исследований выражается мнение, согласно которому в процессе глобализации происходит рост взаимных связей и взаимных зависимостей, в основе которых лежит западная модель развития. Распространение этой модели поделило планету на развивающийся «центр» и отстающую от него «периферию», которая вынуждена перенимать все новейшие достижения Запада, в том числе культурные, политические, научно-технические.

Можно ли считать целью истории, ее смыслом построение «мировой деревни» по западному образцу, как это представляется адептам глобализации? По нашему мнению, современный процесс глобализации является объективным процессом современного этапа развития человеческой цивилизации. Но нельзя путать этот процесс с действием какого-либо одного государства, навязыванием его ценностей всему миру. Вполне можно согласиться с выводом М. Н. Руткевича [232, с. 34] о том, что глобализация

ведет к дальнейшему расколу мира на страны Европы и США, которые наращивают свое господство на планете, и страны, оказавшиеся в их зависимости, но все больше противодействующие империалистической политике Запада. Как процесс, движимый США, оценивают глобализацию и ряд японских ученых [331, с. 5].

Достаточно обоснованным представляется и вывод, сделанный Ж. Бодрийяром о том, что глобализации внутренне присуще из либеральной превращаться в форму полицейского государства, всеохватывающего контроля, основанного на средствах «закона и порядка» [319, с. 11, 12, 32].

Тесно связана с идеей смысла истории идея конца истории. Эта идея принадлежит универсалистской философии истории. У ее истоков стояли Конт, Гегель, Спенсер, Маркс и др. Эта идея заложена в учении о прогрессе, которое предполагает, что «[...] задачи всемирной истории человечества будут разрешены в будущем, что наступит какой-то момент в истории человечества, в судьбе человечества, в который будет достигнуто высшее совершенное состояние и в этом высшем совершенном состоянии будут примирены все противоречия [...], будут разрешены все задачи» [26, с. 146].

В настоящее время актуализация темы конца истории, постисторического времени теснейшим образом связана с присущим новейшей эпохе определенным аисторизмом, отрицающим прогресс [155, с. 235]. Смысл аисторизма заключается в том, что настоящему якобы не нужно обоснование прошлым или определенным будущим. Настоящее само по себе образует всеобщность как историческую, так и смысловую.

В условиях глобального системного кризиса тема конца истории приобрела особый смысл и звучание. Она была актуализирована в 80-х годах XX века американским футурологом Ф. Фукуямой в виде политической модернизации известной концепции Гегеля. Ф. Фукуяма связал идею конца истории с либерально-демократическим завершением исторического процесса, как процесса свободы, и эта свобода, в его представлениях,

достигнута на Западе и подлежит лишь дальнейшему распространению на слаборазвитые регионы планеты [282, с. 134, 135].

Ф. Фукуяма утверждает, что либерализм и либеральные институты, такие, как правление закона, представительная демократия и рыночная экономика, приобретают подлинно универсальную значимость. На основе чего Ф. Фукуяма делает вывод о наступлении конца истории и торжества либерализма? Какие аргументы выдвигает он на сей счет? Ф. Фукуяма оговаривается в начале своей статьи о том, что проблема конца истории не представляется оригинальной, так как еще К. Маркс утверждал, что история разрешит все противоречия при достижении обществом высшей стадии своего развития – коммунизма. Эта концепция истории была позаимствована К. Марксом у Г. Гегеля. В то же время Г. Гегель, как указывает Ф. Фукуяма, уже в 1806 году провозгласил о завершении истории на том основании, что Французская революция воплотила принципы свободы и равенства, то есть принципы либерально-демократического государства [См.: 282, с. 135, 136].

Американский футуролог считает, что такое государство нашло свое воплощение в Западной Европе. Для аргументации своих выводов Ф. Фукуяма обращается к концепции общечеловеческого государства А. Кожева, который утверждал, что «[...] в таком государстве разрешены все противоречия и утолены все потребности» [282, с. 136].

Похожую позицию занимает Э. А. Араб-Оглы, который, оспаривая теорию О. Шпенглера и А. Тойнби, заявляет о все большей очевидности исторической ограниченности их концепций локальных цивилизаций, якобы разделяющих историю человечества на отдельные, независимые друг от друга культурные общности. Глядя на эту проблему «сквозь призму нового мышления», Э. А. Араб-Оглы, усматривает в каждой локальной цивилизации воплощение общечеловеческих ценностей, социальных и моральных, и видит различие между ними в степени воплощения общечеловеческих культурных ценностей. Отсюда смысл истории он видит «[...] в становлении,

утверждении общечеловеческих ценностей и в их восприятии всеми народами нашей планеты» [9, с. 11].

Европейская цивилизация, которая ранее заявляла о своей уникальности, в глазах Э. А. Араб-Оглы выступает в ином плане: «[...] не как уникальная в своей исключительности и не как одна из многих в своей относительности, но как своеобразное и поныне наиболее яркое воплощение общечеловеческих ценностей» [9, с. 11]. Остальным цивилизациям надо только приобрести эти ценности. Кстати, у него и свобода предпринимательства – это уже не капиталистическая ценность, а общечеловеческая ценность. Созвучно с ним заявление американской газеты «Вашингтон Таймс»: «Многие из нас [...] считают, что наш путь – единственный (не самый лучший или не самый быстрый, а единственный) путь в рай. Более того, многие из нас убеждены: тот, кто верит в другой путь, проклят Богом, а поэтому мы можем с чистой совестью унижать и осуждать их» [78, с. 4]. Подобные суждения такого рода собраны в книге «Западные СМИ о кризисе эталонной демократии» (2006).

В этом случае можно возразить, что неоднородный в социальном отношении, противоречивый мир – это вполне естественно функционирующий мир. Вся история человеческой цивилизации на протяжении многих тысячелетий с зарождающимися, развивающимися и уходящими в прошлое этносами, государствами, цивилизациями не есть некая предыстория к гипотетической западной либеральной демократии, а самая что ни на есть подлинная история человечества. И либеральное, и коммунистическое представление о конце истории на самом деле есть утопия. Тем не менее, мечта общества всеобщего благоденствия жива в народном сознании, и трудно представить, чтобы жизненные проблемы и трудности лишили ее притягательной силы.

Н. И. Конрад по этому поводу писал: «[...] мысль об утопическом пределе никогда не покидала человечество и вдохновляла его на борьбу с тем, что препятствует достижению идеального, достойного человека

состояния общества. Об этом с великой яркостью и силой сказал русский писатель Достоевский: “Золотой век – мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы [...] без которой народы не хотят жить и не могут даже умирать”» [125, с. 512].

Апологеты универсальности либерализма фактически являются защитниками ценностей только одного культурного сообщества. Именно западные ценности необходимо, по их убеждению, распространять по всему миру. Незападные же цивилизации рассматриваются ими как широкое поле для насаждения западных ценностей. Идеи защитников либерализма служат упрочению культурной гегемонии Запада и ограничению роли незападных обществ в создании нового мирового порядка и являются продолжением традиций Г. Гегеля, О. Шпенглера, А. Кожева, А. Кистлера и др. мыслителей. Такого рода проекты основываются на идее о культурном превосходстве Запада и служат моральным обоснованием его вмешательства в дела незападного мира.

Критически оценивая выводы авторов конца истории, М. Ф. Румянцев подчеркивает: «[...] представление о конце истории может быть интерпретировано как очередное проявление, казалось бы, преодоленного европоцентризма и в качестве такого скорее свидетельствует о закате Европы, чем о конце истории» [229, с. 20]. Конечно, нельзя считать западную либеральную демократию универсальной. Нельзя глобализацию общественного развития отождествлять с какой-либо унификацией, универсализацией. Несостоятельность такого подхода к оценке исторического процесса заключается, в том, что, во-первых, то или иное общество может освоить общечеловеческий опыт в пределах своих социальных и культурных возможностей. Во-вторых, стремление кого-либо навязать этим обществам «общечеловеческие» ценности может вызвать отторжение и стремление сохранить свою идентичность, что особенно проявляется в национальном и религиозном сознании.

В отличие от Запада, где наблюдается растущая убежденность в жизнеспособности западного мира, незападные цивилизации воспринимают такой проект мироустройства с тревогой и скептицизмом. В незападном мире идеи создания западнцентристского мира часто рассматриваются как неспособные к созданию справедливого и стабильного международного порядка в силу их исключительно западной ориентации и игнорирования иных культур. Весьма сомнительным в этом отношении является вывод, сделанный Ф. Фукуямой, о том, что никакая другая общественная система не способна сегодня поколебать позиции либерализма. Торжество Запада, утверждает он, является очевидным, поскольку либерализм не имеет альтернатив [282, с. 134].

Но по мере углубления глобального системного кризиса становится всё более ясной несостоятельность таких суждений. Здесь надо отметить, что ведущиеся дискуссии о конце истории сознательно культивируются Западом в интересах своего собственного успокоения и утверждения себя в качестве эталона для всего мира. Проблема здесь заключается в возможностях западной демократии, правового государства и демократических институтов решить такие глобальные проблемы современного мира, как предотвращение термоядерной и экологической катастроф, международный терроризм, бедность, миграция. Более того, под большим сомнением находится и констатация западной идеологии реального осуществления ценностей демократии. Одно дело декларация демократических ценностей и прав человека, другое дело их достижение в реальности. Пока еще ни в странах западного мира, ни в других эти ценности не стали реальностью. И даже если они и будут достигнуты, сопротивление им будет продолжаться всегда. Образ будущего планетарного устройства мира до сих пор еще не определен. Вырисовываются лишь различные варианты развития событий.

Осознание неясности, неопределенности будущего и тем более эфемерность победы западной демократии вызывают потребность в разработке различных сценариев дальнейшего развития человеческого

сообщества. Эта проблема является насущной для всего человечества, всех стран мира.

Конечно, Запад не сможет закрыться железным занавесом от остального мира. Население незападного мира вряд ли смирится с положением общества второго сорта. Оно будет бороться мирными и немирными способами за получение всех тех благ, которые имеет Запад. Этими способами могут быть религиозный фундаментализм, агрессивный национализм или милитаристские притязания и др. Разрастающиеся проблемы взаимоотношений Севера и Юга, мусульманский экстримизм могут привести к непредсказуемым и тяжелым последствиям.

Кроме того, в так называемое постисторическое время на Запад с возрастающей интенсивностью будут проникать потоки иммигрантов со своими культурами, менталитетом, создавая каждый раз все новые проблемы, в том числе проблему маргинализации и связанную с ней интеграцию этнокультурных элементов в западное общество.

Следует также учитывать, что в настоящее время идеология либерализма становится непопулярной не только в незападном мире, но и на самом Западе, где ширится протест либерализму. О серьезных изменениях в сознании европейской цивилизации говорят результаты прошедших в 2009 году выборов депутатов в Европарламент. Выборы показали, что большинство населения Европы оказывает доверие общественным силам консервативно-национального направления. В Великобритании, Голландии, Финляндии, Венгрии, Румынии и Испании они провели в Европарламент своих депутатов [См.: 118, с. 12]. После воссоединения Германии не могут не проявиться в какой-либо форме тенденции «великого рейха» [179, с. 23].

Одной из важнейших проблем для Запада является возрастание роли Азии и, в первую очередь Китая. Китайский вызов особенно беспокоит правящую элиту США, поскольку он являет некоторые преимущества способов хозяйствования, основанных на сочетании западных технологий и культурных традиций Китая.

Современная Россия также дистанцируется от западного демократического либерализма. Если ельцинский режим пытался привить ценности «эталонной демократии» [79, с. 3] российскому обществу, вел массированную пропаганду капиталистического мира, то сегодня российское общество в большинстве своем не приемлет систему западной демократии как образец, обязательный для подражания. Причем это неприятие основывается на негативном историческом опыте развития демократии в российском обществе и других странах, а не вытекает из принципа исторической исключительности и тем более национальных амбиций.

Особый, интересный взгляд на проблему конца истории имеет Г. С. Киселев. Он ставит под сомнение утверждение, что в процессе развития человечество достигнет такого уровня, при котором в мире не будет никаких противоречий, поскольку человек смертен. В христианской религии такое состояние именуется царством небесным. «Царство, где нет смерти, где духовная глубина человека не связана более нераздельно с его телесной оболочкой, это – царство “не от мира сего”, оно вне пространства и времени. Оно внутри человека, и он способен соприкоснуться с ним [...]» [111, с. 4]. В то же время, замечает Г. С. Киселев, в христианстве утверждается, что когда наступит конец времен, то «[...] не будет ничего кроме Царства Божия. Поэтому можно предположить, что такое состояние все же мыслимо как эсхатологическая перспектива человечества. Но знать ничего содержательного о том, что могло бы произойти, если бы такая перспектива осуществилась, мы не можем. Научное знание о конце времен невозможно» [111, с. 4].

Апокалипсис Христианского пророчества определяет конец времен как гибель нашего мира. И это вполне вероятно, ведь вполне реально конец мира может наступить в результате мировой термоядерной войны. И если в этой войне погибнут не все, то тогда, в конце концов, произойдет расщепление вида *Homo sapiens sapiens* на два новых вида – *Homo intellectualis* и *Homo scotinus* [317, с. 169]. По своим последствиям может оказаться

катастрофической экологической угроза. Катастрофа также возможна в связи с опасностями современных технологий, которые угрожают человеческой цивилизации. Под угрозу мировую цивилизацию может поставить также конфликт между Севером и Югом.

Сегодня под угрозой утраты стоят культурные и цивилизационные ценности, приобретенные за многовековую историю человечества. Прогресс истории дал человеку свободу, но эта свобода обернулась многими негативными последствиями. Кризис христианства в Новое время привел западное общество к утере ценностных ориентиров, сложилось массовое общество, в котором господствует масскультура. Произошла подмена настоящей культуры культурой массовой, приоритет стал отдаваться техническим достижениям человечества. «Человек массового общества – это, прежде всего, неполный, частичный, несостоявшийся человек. Он не знает и не выполняет самой главной своей задачи – продвигаться по пути к преобразению. Он не очеловечивает, не одухотворяет мир вокруг себя; [...] там, где не совершается акт сознания, происходит деградация, которая чревата антропологической катастрофой» [111, с. 4, 5].

Ощущение надвигающейся катастрофы приводит к заключению о том, что современная человеческая цивилизация является цивилизацией риска. При этом риск означает не более, чем соотношение возможности выживания и возможных потерь по отношению к определенному решению, «[...] с помощью которого неизвестное будущее хотят сделать вычислимым» [27, с. 27].

Выводы:

1. Являясь ведущей проблемой философии в целом и исторического сознания в частности, проблема смысла истории особенно актуализируется в кризисные периоды, когда рушатся утвердившиеся общественно-исторические устои, начинается поиск исторического смысла изменений, происходящих в социуме.

2. Центральной идеей проблемы смысла истории является идея прогресса. Зародившись в эпоху Просвещения, она стала определяющей в европоцентристском историческом сознании. Эта идея была подвергнута критике опытом XX века, характеризующимся социальными конфликтами и катастрофами.

3. В середине XX столетия, заменяя идею прогресса, в европоцентристском историческом сознании родилась новая концепция истории – модернизация, как окончательный выбор человечества. В своей основе она также строилась на посылах западного превосходства, деления народов на исторические и неисторические.

4. В конце XX столетия в европоцентристском историческом сознании сформировалась идея глобализации как тренд, сменяющий модернизацию, представляющий собой очередной этап универсальной истории, имеющей циклический характер. Глобализация ведет к росту взаимных связей и отношений между обществами и государствами, но в ее основе лежит западная модель развития.

3.2. Идентификационный кризис как проявление глобального кризиса

В данном параграфе ставится задача проанализировать сущность идентификационного кризиса как проявление глобального системного кризиса и его особенности в различных странах.

Под идентификацией понимается высшая форма социализации человека, соотношение его с коллективными образованиями своей истории, главными ценностями культуры [120, с. 37]. «Идентификация – один из самых фундаментальных феноменов человеческого духа в человеческой истории, вырастающий из всей истории и культуры страны» [120, с. 37]. Идентификация обеспечивает формирование у личности потребности в познании своих исторических корней, которые гарантировали бы надежность человеческого существования в условиях нестабильности и связанной с ней

угрозой утраты преемственности как на уровне отдельной личности, так и в масштабах всего общества. Без истории нельзя ориентироваться в настоящем. Ведь «[...] настоящее – всего лишь поверхность, почти не имеющая толщи, тогда как глубинное – это прошлое, сложенное из бесчисленных настоящих, своего рода слоеный пирог из моментов настоящего» [199, с. 164].

Со времен Цицерона, когда в обороте была его формула «История – наставница жизни», основным при изучении истории был вопрос ее назначения. С тех пор до наших дней многие соглашались с тем, что основания идентичности покоятся в историческом прошлом. Философы, историки, психологи и другие представители социально-гуманитарных знаний выражают единое мнение по вопросу, кто есть человек как представитель общества. В их представлениях ответ может дать история в смысле истории деяний или рассказ об истории и особенно историческая память. Идентичность социума, нации находится в историческом прошлом, и необходимо обратиться к истории, чтобы познать их идентичность. «История и только история предоставит политическим и социальным институтам доступ к их собственной идентичности» [8, с. 435].

Если общество забывает свою историю, свое историческое идентификационное лицо, оно теряет свое социальное идентификационное лицо. Социум, потерявший идентичность, лишается основы социальной рефлексии, перестает понимать самого себя. Наступает кризис идентичности, который порождает мутацию идентичности, ее трансформацию, что может привести к взаимоотрицанию истории общества и общества в истории и, в конечном счете, к коллапсу истории социума. Можно согласиться с мнением О. Ф. Нескрябиной, что «[...] потеря чувства самоидентичности оценивается как глобальное социальное зло» [194, с. 4].

Если обратиться к исторической ретроспективе исследуемой нами проблемы, то следует отметить, что проблема идентичности как актуальный вопрос самопонимания человека еще не существовала в сознании обществ

архаического типа. В основе поведения, мышления, образа жизни лежали нормы обычного права, веками сложившиеся традиции. Статус человека архаического общества носил безотносительный к личности характер. Человек этого периода еще не выделял себя из общества, являлся его составной частью, был «общинником». Этот статус вменял людям предписанную солидарность в рамках относительно небольшой и замкнутой общины. Предписанная солидарность давала человеку архаического общества покровительство, а также ощущение причастности к общему целому. Человеческая индивидуальность мыслила себя как одно целое с всеобщим. Исполнение нравственных норм, обычаев, традиций было для каждого как само собой разумеющееся.

Когда же стали расширяться связи с другими племенами, а еще в большей степени с другими государствами, начало пробуждаться индивидуальное сознание человека. Он стал сомневаться в абсолютности норм, правил, обычаев, сложившихся в его обществе, ставить под сомнение необходимость подчинения им. Это пробудившееся индивидуальное сознание привело к разложению естественных норм, правил, обычаев. Осознавая себя как индивидуальность, человек выдвинул принцип разума, находящийся в критическом отношении к существовавшей действительности и естественным обычаям. И если раньше человек действовал в разных обстоятельствах на основе обычаев, традиций, то теперь он должен был сам искать решение в себе самом. Одним из первых в античном мире такую позицию занял Сократ.

Следовательно, в кризисные периоды традиционных обществ, когда рушились не только социальные, экономические и властные архаические связи, но и связи духовные, появлялись так называемые «профетические ситуации» [221, с. 35], то есть люди уже не могли по-прежнему мыслить и воспринимать себя. И в такие переломные моменты истории область духовной репрезентации мира становится актуальной, «[...] первой из забот человеческих» [6, с. 48].

Швейцарский философ К. А. Свасьян по этому поводу пишет: «Что человек уже с первых шагов, делаемых им в пространстве истории, бьется головой о проблему своей идентичности, доказываемая множеством древнейших свидетельств, среди которых решающее место принадлежит дельфийскому оракулу “*познай самого себя*”» [237, с. 3]. Вполне справедливо звучит и дальнейшее высказывание швейцарского философа: «Характерно, что человек продолжает биться даже после того как ему взбрело в голову огласить конец истории, и сделать это там, где история еще даже толком не началась, хотя истории оттуда вот уже с полвека как задается тон» [237, с. 3 – 4].

В западноевропейских обществах конца Средних веков авторитарные и монархические предпосылки общественного и индивидуального сознания становились средством разрушения архаических форм общежития. Именно в этот период заканчивается история отдельных цивилизаций с их фрагментарными, хотя порой и достаточно глубокими связями и начинается история мировая, общезначимая. Такой всемирный характер истории породил проблему человеческой и цивилизационной идентичности.

С XVII века эти общества уже приобретают интеллектуальную и материальную базу своей трансформационности. С этого периода берет начало миграция не только больших человеческих масс, но и капитала, технологий. И вместе с ними идет миграция рационально обоснованных идей, политических институтов, а также форм общественного сознания.

Развитие межцивилизационных политических, экономических, социальных, культурных, миграционных связей и отношений в последующие периоды истории, неведанные традиционным цивилизациям, сформировало сложный и многогранный комплекс межчеловеческих связей и экзистенций, самоощущений и самопониманий. И эта сложность, многогранность современной ролевой структуры человека с множеством ее многообразных характеристик языка, вероисповедания, социального, экономического, политического, культурного положения, с различием интересов как личных,

так и общественных, для значительной части людей была либо внутренне пережитой, либо осознанной.

М. Вебер, рассматривая развитие капитализма и процессы модернизации с позицией культурного детерминизма, считал культурные признаки эндогенными тому или иному обществу. Это положение теории Вебера вступало в противоречие со ставшим очевидным в начале XX столетия фактом развития ряда стран по европейскому пути. Для объяснения такого факта он применил теорию диффузионизма, согласно которой процессы модернизации стран Востока объяснялись проникновением в них культуры Запада, которое первоначально осуществлялось путем завоеваний, торговли, колонизации, миграции.

В дальнейшем У. Беджгот и Г. Тард в своей теории подражания утверждали, что развитие культуры одних народов осуществлялось посредством перенятия культурного опыта других народов. Использование структурного анализа в цивилизационных концепциях западной социологии содействовало возникновению теории культурных кругов глобальных эволюционистов Л. Фробениуса и Ф. Гребнера и разработанной Э. Смитом теории культурного центра. Теория центра и периферии объясняла структуру цивилизационного пространства в частности и общественные изменения планетарного характера в целом [267, с 44, 45].

Современная теория эволюционизма по своему характеру является европоцентристской еще в большей степени, чем теория XIX века. Если в классическом представлении эволюционизма все культуры неевропейских цивилизаций являлись этапами продвижения к культуре европейской, считавшейся высшей, не рассматривавшей проблемы качественного отличия обществ Востока от обществ Запада, то современный эволюционизм представляет Запад в корне отличным от остального мира. Объясняя модернизацию привнесением культуры с Запада, современный эволюционизм отказывает неевропейским цивилизациям в способности их самостоятельного развития без вмешательства Запада.

Таким образом, в современной теории эволюционизма явно прослеживается мысль о том, что неевропейская культура и социальная сфера не соответствуют объективным задачам модернизации, а многие из них даже противостоят ее интересам. И на этом основании делается вывод о необходимости замены традиционных национальных ценностей западными. Такие преобразования по западноевропейскому образцу полностью отождествляются с вестернизацией, и отрицается всякая возможность развития восточных цивилизаций на своей собственной основе.

Уже первая половина XX века продемонстрировала несостоятельность подобных утверждений. В большинстве наиболее передовых восточных стран развитие капитализма стало внутренне присущим им процессом. Объяснять факт вхождения в начале XX века России и Японии в разряд шести лидирующих мировых капиталистических стран проникновением западных ценностей культуры было бы неверным. Особенно показательна в этом отношении Япония, где капитализм зарождался вне влияния Запада, в полной изоляции от него.

Сегодня ретроспективный взгляд подтверждает тот факт, что все страны, осуществившие модернизацию, сохранили свою идентичность. Страны Юго-Восточной Азии, развиваясь, не выдвигали задачу сменить свою идентичность, то есть вопрос не стоял о радикальной смене своих социальных и культурных основ. Также они не считали необходимым изменять свои традиции. Восточные страны в большинстве своем поняли, что путь смены идентичности не приведет их к успеху. Более того, в этих странах отсутствовали силы, ориентированные на Запад, которые могли бы осуществить планы по смене идентичности. Тем не менее, в процессе модернизации на собственной основе были созданы условия для проникновения западных ценностей, культуры, которые постепенно меняли идентичность народа посредством новых социальных структур, образования, навыков, технологий. Но в большинстве восточных стран вопрос смены идентичности в процессе реформ не рассматривался.

Эта проблема была актуальна только для Японии. Исследуя этот процесс, профессор А. Китахара видел основным тормозом японских реформ общину, которая характеризовалась тесной сплоченностью. В свое время община содействовала проведению политики милитаризации Японии. По окончании Второй мировой войны, под влиянием США, чьи оккупационные силы находились в Японии, была поставлена задача либерализации японского общества и разрушения общинных структур. Но для ее осуществления нужно было сформировать в Японии гражданское общество и соответствующий тип индивида. В этой ситуации шел поиск субъекта, который смог бы выполнить задачи либерализации, позволив японцам обнаружить, что новые демократические преобразования в японском обществе можно осуществить через общину [112, с. 6].

Таким образом, учитывая неудавшиеся длительные попытки либерализации японского общества, Япония, а затем и другие азиатские страны, стали внедрять западные технологии и технические новшества, не меняя свою культуру и социальные основы. По оценке В. Л. Иноземцева, возможности такого пути в настоящее время исчерпали себя [92, с. 299, 403]. Другие же исследователи считают, что результаты все же могут быть значительными, если не отказываться от своих национальных особенностей. Можно успешно вписаться в современность, повысить конкурентноспособность, не разрушая свои собственные особенности.

Опыт Японии и новых индустриальных стран показывает, что они сохранили свою идентичность и не стали Западом. Развитие при сохранении идентичности дает возможность сохранить достоинство людей. «Люди, сохранившие свою идентичность и свое достоинство, уверены в себе настолько, чтобы успешно и целенаправленно действовать» [276, с. 21]. Достижения Японии и стран Юго-Восточной Азии демонстрируют собой те особенности модернизации, которые не совпадают с европейской моделью модернизационной теории, ставят ее под сомнение. Сегодня ориентация на Запад не является адекватной времени.

Можно назвать страны Юго-Восточной Азии вторым эталоном капитализма после Запада. Но фундаментом капиталистических преобразований в странах этого региона явился коллективизм, а не западный индивидуализм. Особенности модернизационных реформ и модели развития восточно-азиатских стран явились коллективистская солидарность, трудовая этика как семейная ценность, высокий уровень престижа образования, меритократические институты и нормы, которые формируют элиты, неприятие образцов массовой культуры, ценностная рациональность в отличие от западной целерациональной.

Современный глобальный кризис затронул всю систему базовых жизненных целей, ценностей и смыслов, определяющих представления людей о том, кем они являются и к каким человеческим общностям должны принадлежать. Современность ставит под сомнение исторически сложившиеся представления о человеке и человеческой природе. Все это неизбежно проявляется в сознании и социальном поведении людей как кризис идентичности.

Формирование кризисной ситуации идет по двум направлениям. С одной стороны, экспансия технологии на уровне нанообъектов, геновая инженерия, клонирование могут привести к качественным изменениям фундаментальных свойств человеческой телесности. Всеобщая компьютеризация ведет к существенным изменениям связей человека с миром, которые заключаются в том, что он обретает новую виртуальную реальность, а часто и некое виртуальное Я.

С другой стороны, чрезвычайно мощным генератором кризисных явлений стал современный этап глобализации, который характеризуется невиданной до настоящего времени плотностью межкультурных взаимодействий при одновременном изменении всех параметров социальной и социокультурной идентификации. При этом в ряде идеологически окрашенных западноевропейских теорий выдвигается задача смены

идентичности незападных цивилизаций, то есть задача всеобщей унификации норм и правил, переход к единой планетарной системе ценностей.

Такая постановка задачи смены идентичности определяется Западом в рамках самоотождествления, которое соответствовало бы западным стандартам ценностей и социальным стандартам в области соблюдения прав человека, ряду других ценностей гражданского общества, морали, берущей начало в католицизме, этике труда. Следовательно, речь идет о вестернизации идентичности незападных народов, и в этом заключается суть европоцентристского подхода к проблеме идентификации, то есть к унификации мышления, поведения, образа жизни населения всей планеты. Все это делает современный мир чрезвычайно неустойчивым и конфликтным. Другими словами, суть проблемы заключается в стремлении к унифицированию существующих правил и норм, навязыванию всему миру единых, западных ценностей.

Под влиянием процессов глобализации и постмодернизма, а также активной деятельности Запада со второй трети XX века происходят новые изменения идентичности личности и общества. В эпоху глобализации, в условиях глобального кризиса человек лишается уверенности относительно собственной идентичности. Это объясняет тем, что в условиях глобализирующего мира человеческая личность развивается как сложный социальный организм, подверженный внешним и внутренним флуктуациям.

Под воздействием безудержно развертывающегося научно-технологического активизма личное существование все больше теряет свое равновесие. Именно утрата равновесия не позволяет ему быть стабильным, гарантированным, однозначно определенным. Вдали от равновесия историческая эволюция этого существования приобретает такие характерные черты, как отсутствие определенности, стабильности, гарантированности будущего. Эти характерные черты человеческого существования отчетливо обнаруживаются в утрате не только убежденности в правоте и верности решений, принимаемых индивидом относительно его существования, но

также возможности на основе научных достижений, новой техники и технологий создать безопасное будущее.

Идентичность человека в представлении теоретиков глобализации выглядит как неопределенная мировоззренческая перспектива, то есть как проект, который в принципе не может быть когда-либо окончательно завершенным. Рациональность поведения индивидов и общества постиндустриализма в целом ставится все более под сомнение потому, что сами основы рациональности, такие, как демократия, закон, наука, подвергаются эрозии. Выживание и сопротивление глобальным изменениям становятся преобладающими мотивами поведения.

Ограниченность интеллектуальных, мировоззренческих и психофизических возможностей человека делает его не свидетелем триумфа новых возможностей, а их заложником. Такой заложник осознает себя своеобразной жертвой практики стратегического использования великих общепризнанных определителей сущностных идентичностей. Нынешняя негарантированность человеческого существования является, по сути дела, главной особенностью существования человеке в планетарном социальном пространстве, сформированном им же самим.

Вопросы о том, как мы должны реагировать на формирующуюся в век глобализации экзистенциальную ситуацию, в состоянии ли мы вообще измерить степень ее неопределенности, сегодня еще находятся без ответа. Общим является лишь вывод о нарастании экзистенциального беспокойства, волнения, которое подогревается усилением ощущения непредсказуемости человеческого существования.

Современные глобализационные процессы в корне меняют характер идентификации личности и общества. Как справедливо отмечает Н. Н. Федотова, глобализация выдвигает на первый план кризис идентичности как ее «[...] центральный конфликт» [278, с. 62]. Этот конфликт рассматривается ею как «[...] конфронтация глобализации со сложившимися формами идентичности» [278, с. 357] и как процесс

формирования новых идентичностей. Е. О. Труфанова, исследуя проблему идентичностей, выделяет социальную идентичность, к которой относит региональную, профессиональную, политическую, этническую и др. [268, с. 95]. Такая дифференция позволяет более детально проанализировать проблему идентичности во всей ее многоаспектности. В условиях глобализации возрастает социальная мобильность общественной жизни, человек современного социума находится в ситуации перманентной смены социальной группы, к которой он принадлежит, и в отличие от сословного общества, где человек идентифицирует себя с определенным сословием, классом, его идентификация не является стабильной, раз и навсегда данной. Размывается и идентификация по национальному признаку, так как глобализационные процессы формируют у определенных групп людей черты космополитизма, граждан мира [269, с. 18], для которых такие понятия, как «Родина», «Отечество», «Отчизна» теряют свой смысл.

Актуальной проблемой в условиях глобализации становится религиозная идентичность. В прежние времена в западноевропейских странах основной религией был католицизм, следование ему предполагало соблюдение определенных ритуалов со стороны верующих. Религиозная идентификация является во многих случаях составной частью культурной идентификации. Будучи носителем определенной культуры, человек, соответственно, приобщался к религии, принятой в этой культуре [269, с. 18]. Но массовый приток в западноевропейские страны людей из неевропейского мира распространяет в Европе другие религии. В результате, как никогда ранее, обостряется напряженность на религиозной основе. Например, в Западной Украине решение правительства Украины о передаче православных храмов униатам привело к межрелигиозным конфликтам.

Характеристикой социального индивида в современном обществе выступает профессиональная идентификация. В современных условиях она носит двойственный характер. С одной стороны, возникает конфликт социальной значимости какой-либо профессии, с другой стороны, ее

недооценка со стороны работодателя, выраженная в невысоком уровне зарплаты и пр. Это размывает стабильность идентичности, так как человек сам не может однозначно определить свое социальное положение на основе своей профессии.

Все эти особенности коллективной идентификации, появившиеся под влиянием глобализации, формируют моральный релятивизм, размывают моральные ценности, ставят под сомнение образцы нравственного поведения. В условиях отсутствия устойчивой системы ценностей возникает моральный вакуум, в сознании определенной части населения формируется психология вседозволенности. Существенное влияние на формирование нравственности оказывают средства массовой информации, которые навязывают индивиду и обществу в целом стандарты жизни, где на первое место ставится человек, отдающий приоритет экономическим интересам.

В условиях кризиса идентичности современный человек находится в ситуации, когда ему приходится изменять свой облик. Его идентичность уже не является стабильной. Основной причиной этого является направленность средств массовой информации на распространение культуры западного общества, его цивилизационных ценностей, которые в условиях высокой мобильности быстро распространяются по всему миру. В результате человек осознанно или бессознательно превращается в «гражданина мира». Оставаясь в кругу культуры своего общества, он постоянно находится под воздействием чужеродной культуры, привносимой извне. По оценке В. И. Кудашова, на культурную самоидентификацию человека решающим образом оказывает влияние массовая культура [135, с. 54]. Например, такая ситуация характерна для японского общества, в котором сочетаются исторические традиции, передовые технологии и западная поп-культура.

Следует отметить, что власти некоторых западных стран стремятся ограждать своих граждан от иностранного информационного воздействия. В частности, в США продолжает действовать закон о регистрации иностранных агентов, принятый в 1938 году и призванный

противодействовать иностранному влиянию на политику, законы и общественное мнение. В 1966 году он дополняется поправкой о запрете политических пожертвований и расходов со стороны иностранных государств, а в 1974 году этот запрет включается и в закон о федеральной избирательной кампании [131].

Причиной нестабильной идентичности человека является глобальный социальный кризис. Этот кризис вызвал кризис сознания человека, который вынужден постоянно подстраиваться к сложившейся социальной реальности. Ситуация усложняется еще и отсутствием доверия к своим политическим лидерам из-за их частой смены. В результате человеку негде искать стабилизации своей идентичности, ему не на кого ориентироваться.

Анализируя характерные особенности человека в разные периоды истории, У. Бек, Дж. Юрри и С. Лэш определяют человека периода Нового времени как «ответственного и автономного», а периода модернити – как «человека массы». В период глобализации, начавшийся во второй трети XX столетия, человек характеризуется ими как «неукорененный». Для него является характерным то, что в нем отсутствует стабильная направленность, для его направленности больше подходит понятие процесса, то есть постоянной незавершенности. Это человек, который может круто изменить свою направленность. В новых условиях такой человек не может опираться на прошлое, он теряет связь с ним. Такой человек вынужден постоянно находится в состоянии выбора, который определяется лишь его склонностями, а не интересами общества, государства, семьи, морали, права. Представления такого человека о себе, об окружающем мире иррациональны и подвижны. В то же время, по мнению О. Ф. Нескрябиной, если человек претендует на индивидуальность, он должен считать своей обязанностью «[...] познать себя, принять ответственность за себя [...]» [194, с. 297].

Такой характер поведения, знаний и мышления современного человека, действующего в условиях неопределенности, потери связи с прошлым, делает общество, говоря словами У. Бека, «обществом риска» [21, с. 32]. Под

влиянием глобализации происходят ценностные сдвиги. На Западе эти сдвиги заключаются в утрате индивидом возможности контролировать социальные явления, восприятию их как квазиприродные. Глобализация также размывает возможность контроля социальных процессов со стороны общества, а, не контролируя социальные процессы настоящего, люди не могут ни ясно представлять свое прошлое, ни предвидеть будущее. «Страшная нагрузка на внутренний мир, напряжение, – по оценке Е. Л. Скворцовой, – все это приводит к расшатыванию жизненных ориентиров, отказу от ценностей, разделяемых большинством обывателей; приводит к спонтанным выбросам агрессии по отношению к миру и себе» [243, с. 62].

Одним из факторов, определяющих характер современной идентичности, является сформированная виртуальная реальность: средства массовой информации, масскультура и особенно Internet как охватывающее весь мир киберпространство. Эта виртуальная реальность сегодня выступает как основное средство формирования общественного сознания, характера его направленности, управления виртуальной толпой.

В таких условиях неосязаемое господство США в области глобальных коммуникаций и массовой культуры (телепродукция США занимает 80 % мирового рынка) создает информационно-психологическое воздействие, ставшее новым видом массового оружия. «Фактически, – утверждает З. Бжезинский, – власть в мире происходит из единого источника – Вашингтон, округ Колумбия» [28, с. 128]. В конечном счете, создание нового мирового порядка диктуется не интересами человечества, а интересами правящей олигархии США [185, с. 6].

Современный этап глобализации, ставший мощным генератором кризисных явлений, характеризуется невиданной доселе плотностью международных взаимодействий при одновременном смещении всех параметров социальной и социокультурной идентификации с идентичности отдельного общества к формам идентичности, которые можно назвать

внетерриториальным или межгосударственными. Причем под этими формами идентичности Запад понимает свою собственную, ценностно-смысловую систему, нивелирующую исторически сложившиеся особенности национальных культур. Поэтому не случайно в поле зрения идеологов глобализации постоянно находится проблема восточных цивилизаций, их идентичности.

Так, формирование японской идентичности в современный период истории осуществлялось в рамках выбора между Востоком и Западом, при этом Япония все время делала выбор в пользу то одной, то другой стороны. Причем, склоняясь в сторону Запада, она понимала, что это для нее чужой мир. Делая выбор в пользу Азии, она обосновывала этот шаг как связь со своим историческим прошлым. Более того, еще в довоенный период Япония представляла себя нацией, призванной цивилизовать Азию. Такое предназначение в своей основе имело представление о коренном различии идентичности японской и азиатской. Но в послевоенный период Япония стала ориентироваться на Запад.

В 70 – 80 годах XX века свой выбор Япония обосновывала, опираясь на теорию национальной особенности и уникальности, которая реконструировала японский национальный характер исходя из противопоставления Японии Западу. В условиях кризиса 90-х годов XX столетия такой подход стал непопулярным, прозвучал призыв к глобализации Японии. Одновременно некоторые общественные деятели, публицисты, писатели продолжали отстаивать идеи эгалитаризма и расового единства, групповой гармонии, взаимной солидарности, групповой ориентации, выделяя сдержанность, самоотверженность и трудолюбие как национальные особенности японцев.

Известный японский писатель Сиба Рётаро в своей работе «Мэйдзи То Ю Кокка» («Государство Мэйдзи») [241] в интересах решения ряда проблем, возникших под влиянием современного этапа глобализации, выступил за возрождение тех ценностей периода Мэйдзи, на основе которых

Япония избежала колонизации в XIX столетии и смогла построить государство, которое стало конкурентноспособным. К таким ценностям он относит сочетание этнических принципов самураев и западные ценности независимости и свободы.

В 90-х годах XX столетия Япония начала пересматривать свою азиатскую идентичность, формирование которой являлось актуальной проблемой, обусловленной необходимостью укрепить свое доверие в глазах как Азии, так и США в интересах дальнейшего развития делового сотрудничества с ними, а также распространения своей массовой культуры в регионе [300, с. 90]. Причем стремление Японии к распространению этой массовой культуры строится на идеологической установке, что ее национальная идентичность должна формироваться не только на основе западных ценностей, но и азиатской общности. И это строительство подтверждается способностью Японии производить и распространять в Азиатском регионе свою культуру, занимая ведущее место в формировании азиатской массовой культуры. Япония использует это положение для проведения исследований по выявлению японской азиатской идентичности и утверждению своих позиций в Азии.

С. Цунояма новую идентичность японского общества по отношению к современному миру рассматривает как распространение западной культуры среди азиатских стран, преобразование их в удобные для азиатских народов формы, которые соответствуют условиям их быта и запросам [См.: 294, с. 52]. Среди ведущих обществоведов Японии, которые участвуют в переосмыслении японской идентичности и ее места в меняющемся мире, присутствует и такое мнение, что она должна стать культурным посредником между Востоком и Западом, не ассоциируя себя ни с тем, ни с другим. По мнению одного из разработчиков этой идеи Имада Такатоси [89], главным для современного мира является не искоренять и не отрицать различия, а преодолевать их. Такой способностью быть посредником между различными

цивилизациями и культурами, по его мнению, обладает Япония, в чем он видит ее главное предназначение в мире в XXI веке.

В контексте сказанного следует заметить, что выявление азиатской идентичности японского общества не сопровождается антиамериканизмом. Япония считает себя таким же цивилизованным обществом, как западные общества, и относит себя к Западу, причем в этом убеждено большинство японцев. По мнению японского философа Икеда Дайсаку, в настоящее время в Японии закончился период активного заимствования культуры Запада и начинается период ассимиляции и творчества [85, с. 286]. Одновременно в Японии понимают и то, что глобализация грозит размыть культурно-цивилизационное своеобразие японского общества, и поэтому ясно осознают свою принадлежность к дальневосточной цивилизации, основанной на конфуцианско-буддистской платформе.

Наряду с Японией другие азиатские страны, такие, как Китай, Индия, Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Малайзия, несмотря на определенные различия в традиционных культурах, сообща выступают за изменение своего положения в мире в сторону усиления своего влияния и установления своих правил игры в условиях глобализирующегося мира. Этим странам претит широкомасштабное навязывание ценностей, идеалов и образа жизни Запада. Их объединяет стремление к сохранению своей культурной идентичности, они отвергают западный образец современного этапа глобализации, признавая ее различные культурные формы.

В 1990-е годы была сформирована теория азиатских ценностей, которую озвучили премьер-министры Сингапура Ли Кван Ю и Малайзии Махатир Мохаммед. В противовес Великой декларации 1993 года, заявившей об универсальности и нераздельности прав человека, азиатские ценности подчеркивают свои существующие культурные особенности в отношении прав человека. Речь идет о соотношении коллективного и индивидуального. Азиатские страны отдают предпочтение коллективным интересам в отличие от Запада, где индивидуальные интересы преобладают

над общественными. Также важным отличием Азии от Запада являются «порядок и гармония» в противовес личной свободе индивида западного общества.

Конечно, теория азиатских ценностей в значительной мере носит условный характер, поскольку каждой цивилизации присущи свои специфические ценности. В Юго-Восточной Азии, где преобладает китайская культура, а точнее – конфуцианство, широкое распространение имеют конфуцианские ценности. К разряду таковых Ту Вэй Мин, профессор Гарвардского университета, относит следующие шесть ценностей: сильная центральная власть; ритуалы и обычаи; семья; гражданское общество; образование; уровень «самосовершенствования» членов общества. По убеждению Ту Вэй Мина, соблюдая ценности конфуцианства, народы стран Юго-Восточной Азии смогут «[...] научиться думать одновременно глобально и локально», обеспечивать «[...] присутствие традиций в процессе модернизации» [Цит. по: 256, с. 37 – 38].

В отличие от Китая, Индия ориентирована на западные пути, которым она успешно следует, но при этом сохраняет свою культурную специфику. В то же время множество религиозных и общественных объединений отстаивают свою национальную идентичность, осуждая прозападную ориентацию страны [75, с. 55].

Выводы:

Во-первых, идентификация – одно из самых основательных явлений в истории человечества. Его истоками являются вся история и культура страны. Удовлетворяя потребность человека и общества в ощущении своих исторических корней, идентификация обеспечивает безопасность и прочность бытия индивида и социума.

Во-вторых, в условиях глобального системного кризиса под сомнение поставлены исторически сложившиеся представления о человеке и человеческой природе, что неизбежно проявляется в сознании и социальном поведении людей как кризис идентичности.

В-третьих, проблема идентичности рассматривается как проблема, порожденная глубокими противоречиями между долгим периодом архаического общежития, модернизационным прорывом XVII – XX столетий, культурным кризисом постмодерна. Идентификационный кризис рождает идентификационные изменения человеческого общества в истории, которые могут завершиться кризисом социальной истории.

В-четвёртых, постановка задачи смены идентичности в условиях глобализации представляется на Западе как требование привести национальную идентичность незападных обществ в соответствие с ценностями и социальными установлениями Запада. В то же время исторический опыт восточных цивилизаций, в частности Японии, Китая и Индии, подтверждает тот факт, что эти страны, приобретая западные ценности, в то же время стремятся к сохранению своей культурной идентичности.

3.3. Образ России в европоцентристском историческом сознании

В параграфе ставится задача проанализировать процесс формирования представлений о России в европоцентристском историческом сознании.

В современных условиях проблема отношения Запада к России является весьма актуальной, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, сегодня, когда мировое сообщество ищет пути выхода из глобального системного кризиса остро встает вопрос об объединении усилий всех стран мира в этих интересах. И здесь важнейшим является ответ на вопрос, готовы ли Запад к равному сотрудничеству с Россией, налаживанию с ней равных партнерских отношений. Во-вторых, вот уже третье десятилетие Россия находится в поиске путей дальнейшего развития.

В поле дискуссий об историческом выборе России особенно громко звучат голоса ряда философов, историков, политиков, общественных деятелей за использование в качестве образца западного общества, например, с точки зрения В. Л. Иноземцева, европейский выбор является условием

успешного развития России [310, с. 3]. Некоторые из них, в частности В. А. Шупер, не считают Россию ни самостоятельной цивилизацией, ни частью какой-либо другой цивилизации, она видится ими в состоянии варварства [310, с. 14]. Сторонники третьей группы, признавая Россию европейской страной, утверждают, что она отклонилась от европейского пути в советское время [81, с. 36].

В свете этого следует также ответить на вопросы, воспринимает ли Запад Россию как цивилизованное государство и относит ли он Россию к европейской цивилизации. Проблема взаимоотношений России и Европы является одной из актуальных тем философского анализа в России и Европе. На протяжении двух последних столетий к этой теме обращались видные русские мыслители: А. Хомяков, Т. Грановский, П. Чаадаев, Ф. Достоевский, В. Соловьёв, Н. Данилевский, К. Леонтьев, Г. Вернадский, Г. Флоровский, Н. Рязановский, Ф. Степун, В. Вейдле и др. Об этом размышляли и европейцы от графа де Сегюра и маркиза А. де Кюстина до А. Тойнби и С. Хантингтона [См.: 81, с. 30].

Строго говоря, собственно о Европе в большинстве работ этих мыслителей почти не говорится или, точнее сказать, говорится только лишь в том отношении, в котором русская история имела отношение к истории Западной Европы, а в более узком смысле – это представления о России в общественном сознании Западной Европы. В этом смысле первый президент Чехословакии Т. Г. Масарик понимал «[...] русский вопрос [...] как всемирный вопрос философии истории» [168, с. 7].

В начале рассмотрения этой проблемы следует отметить, что до последних лет Россия представлялась романо-германскому Западу как своего рода «чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя», каким казалась в конце XVIII века и Радищеву, избравшему эти слова Третьяковского эпитафией к «Путешествию из Петербурга в Москву» [Цит. по: 174, с. 148]. Эта фраза и сегодня для многих является вполне актуальной.

Враждебное отношение к России в европейском историческом сознании формировалось на протяжении многих столетий. Представление европейцев о себе как о цивилизованном мире и об остальном мире как о варварском является одной из особенностей европейских народов [158, с. 196 – 198]. Еще со времен Античности в системе мировидения европейцев формировались представления о северных варварах, об их периодических набегах на города Древней Греции. Уже в первых письменных источниках европейцев распространялось видение славян как варваров. В Древней Греции, называвшей восточных славян с их скандинавскими предводителями росами, возникла устойчивая ассоциация с библейским именем Рош – предводителя диких народов Севера Гог и Магог, которые в конце света нападут на цивилизованные страны. Росов считали народом агрессивным. И, конечно, при такой ассоциации славян с дикими народами упускался из виду тот факт, что в общем потоке набегов на европейские народы – от скифов до скандинавов – как раз славяне играли весьма незначительную роль. С тех времен славяне были прочно вписаны в ряд кочевых народов, а их противостояние цивилизованному миру рассматривалось в римско-византийской традиции, как правило, в рамках оппозиции Север – Юг. В дихотомической модели «свои – чужие» славяне и русские в историческом сознании Западной Европы заняли место чужих.

Невзирая на то, что в X веке христианство на Руси было объявлено государственной религией и на этой религиозной основе стали создаваться отношения с европейскими странами, представление о славянах, русичах, русинах как о варварах оставалось неизменным. Активизировавшиеся попытки установления отношений с Московским царством в XV–XVI столетиях и появившиеся в связи с этим возможности расширить взгляды европейцев на русских, тем не менее, существенно не изменили сформировавшееся представление о русских как о варварах. Россия по-прежнему выглядела в глазах Европы отсталой, необразованной, с

деспотической властью, рабством подданных, а русским приписывались ненависть к иностранцам, агрессивность и жестокость.

Ливонская война, в ходе которой Иван IV разгромил Ливонский орден и отвоевал у него прибалтийские территории, наложила свой отпечаток на видение России Европой. На русских были распространены все те признаки, которыми характеризовались турки, враждовавшие в то время с Европой. Турки и русские сливались в один образ «[...] смертельного врага всего христианского мира» [174, с. 149]. Иван IV Грозный, не без участия бежавшего в Речь Посполитую князя А. Курбского, предстал в глазах европейских народов как кровожадный деспот. Более того, военный поход Ивана IV против Ливонского ордена за освобождение исконно русских территорий был представлен в Габсбургской империи и Речи Посполитой как угроза для всего европейского мира. Именно в тот период на Западе была рождена новая идея – идея русской угрозы для всего европейского мира. И уже в 1568 году картезианский монах Сурий призывал к бдительности своих соотечественников – немцев и их соседей. «Москвиты, – заявлял он, – готовятся к завоеванию континента, подобно туркам, гуннам, татарам» [174, с. 148, 149].

В XVII веке в царствование первых Романовых и, особенно во времена Алексея Михайловича, началось определенное сближение Запада с Россией. Получают развитие промышленные, торговые, финансовые и культурные связи. Открывались театры, аптеки. Тридцатилетняя война в Европе вызвала приток в Россию иностранцев, в первую очередь немцев. В то же время под влиянием военных противоречий России и Европы, начавшихся в конце XVI века и продолжавшихся всё XVII столетие, втянувших ее в европейскую политику, идея русской угрозы оставалась неизменной в сознании европейских государств. Россия по-прежнему была азиатской страной. По представлению европейцев, русские были хуже турок и персов, которые никогда не уживались с соседями. Причем, если в описаниях европейских путешественников образ России был относительно нюансированным, то в

компиляциях избирались, как правило, лишь самые негативные аспекты. Как о «свирепых и крови жаждущих человеках» [174, с. 149] писал о русских немецкий ученый С. Пуфендорф. Истоки опасности многие авторы видели в особенностях национального характера русских, якобы особенно склонных к жестокости. Европейцы считали, что у русских нет не только настоящего земледелия, ремесел городов, но и морали.

Справедливости ради следует заметить, что русские тоже были враждебно настроены к европейцам. По оценке В. О. Ключевского, «[...] отношения Московского государства к западным соседям были такого рода, что не война, а мир был случайностью» [115, с. 271]. Вместе с тем Россия не рассматривала Европу как объект завоевания.

В XVIII веке в ходе Северной войны окончательно сформировалась идея русской угрозы. Деятельность Петра I внесла значительные коррективы в сложившиеся представления европейцев о России. И хотя в сочинениях Лейбница, Вольтера, Фонтенеля, Лоэнштейна и др. Пётр I был представлен как цивилизатор своей страны и даже претендовал на роль просвещенного монарха, в то же время сложившиеся по отношению к России стереотипы по-прежнему сохранялись в европейском историческом сознании.

Петр I изображался главным зачинщиком войны. Победа над Швецией вызвала серьезное беспокойство в Европе. В глазах европейцев Петр I представлялся как угроза всей Европы [166, с. 6 – 15].

В середине XVIII столетия в Европе возрождается образ России как врага. В ее представлениях Россия стремится усилить свое влияние на соседние страны. Она уже завоевала провинции, прокладывая путь в Германию, и пытается главенствовать на Балтике. Европа высказывала опасения в отношении якобы имевшем место распространении агрессии России в Европе. Россия представлялась колоссом на глиняных ногах, ее могущество считалось эфемерным, звучал призыв к европейским народам вернуть русских в их леса. По представлениям прусского короля Фридриха Вильгельма, «Россия является потенциально опасной для Запада: москвиты

– это медведи, которых нельзя спускать с цепи, на которую их обратно не посадишь» [154, с. 106 – 116].

В общественном сознании Европы утверждается образ русских, отличный от европейцев: они хуже татар, которых угнетают. Их происхождение темно, они потомки скифских рабов, которые в свое время восстали против своих хозяев и ушли затем в северные леса. Вечным уделом русских европейцы считали невежество и рабство. Ростом успехов русской армии в Семилетней войне в Европе была озабочена даже союзница России в этой войне Франция. Королевская дипломатия заявляла о русской опасности для соседних государств и возрастающей роли России на международной арене [См.: 296, с. 199, 200]. Эта же союзница России отказывалась считать ее на равных с европейским государством. В то же время нужно сказать, что одной из первых Франция в лице французского просветителя Ш. Монтескье [181] стала считать русских европейским народом, который изначально склонен к свободе и не приемлет рабство. Другой же французский мыслитель Просвещения, Руссо, не верил в возможность цивилизации в России и пророчествовал об ее новом нашествии на Европу. Демократизм и польские симпатии Руссо оборачивались откровенной русофобией. «Российская империя, – писал он, – пожелает покорить Европу – и сама будет покорена. Татары, её подданные или ее соседи, станут ее, как и нашими повелителями...» [230, с. 183]. Д. Дидро не отрицал русской опасности для Европы, но не склонен был ее преувеличивать. Дальнейшая цивилизация России, по его мнению, должна привести к прекращению ее внешней экспансии. Причем, в целях скорейшей цивилизации России Дидро и Рейнал предлагали ее расчленить на несколько небольших государств [См.: 174, с. 153]. Заметим, что с этих пор идея расчленения России стала навязчивой для ряда правительств западноевропейских государств.

Согласно концепции Гердера, ход мировой истории сравнивался с возрастами человека. Восток провозглашался детством человечества, эллинизм – юностью, римская империя – взрослостью. «Восток – это детство

Европы. Откуда взялись народы Европы? Из Азии!» [159, с. 67]. Эта модель выражает убеждение в незрелости азиатских народов, их неполноценности. Она допускает определенную степень близости к человеческому роду, причастность к единому источнику. Сюда можно отнести такие понятия, как «дикарь», «первобытное общество», «первобытное мышление», «первобытный мир» и т. п. Для религиозного сознания – это понятие «язычник». Язычники подобны детям – взрослым полагается их учить, воспитывать и цивилизовать [159, с. 67]. В представлениях одного из европейских мыслителей XVIII века Роже-Поль Друа «[...] первобытный мир – это своеобразный подвал историй» [159, с. 67].

XIX век открывается завоевательными походами Наполеона, объявившего себя императором. Россия в коалиции с другими европейскими государствами вела войну против Наполеона, а затем, разгромив его в 1812 году, приняла активное участие в освобождении Европы и явилась в лице императора Александра I инициатором создания Священного союза. Несмотря на столь огромный вклад России в спасение европейских государств и стабилизацию положения в Европе, проблема «русской угрозы» не снимается с повестки для европейцев и в этом столетии. «Русские не могут считаться людьми цивилизованными, – писал А. де Кюстин, – это татары в военном строю – и не более» [140, с. 164]. По-прежнему французы называли русских чудовищами, варварами, скифами, навечно зараженными желтой, т. е. татарской кровью [См.: 175, с. 46].

Такое негативное отношение к России в XIX веке нашло свое отражение и в правительственных кругах европейских государств. Кайзер Вильгельм на предупреждение о «славянской угрозе» отвечал: «Славяне вовсе не нация, это только удобрение для настоящей нации. Настоящая нация – это мы, немцы; и славяне призваны к тому, чтобы унавозить поля, на которых со временем раскинется будущая Германия...» [Цит. по: 134, с. 65].

XX веку дана характеристика века революций, гражданских и мировых войн. Этот век не явился временем переосмысления Западом своего

негативного отношения к России – СССР. Наоборот, эта тема приобрела особое звучание. К началу XX века Германия становится империей и начинает борьбу за рынки сбыта, сферы приложения своего капитала в уже поделенном мире между Англией и Францией, которые имеют свои колонии на обширных пространствах земного шара. Проникновению Германии на Ближний Восток, установлению ее контроля над черноморскими проливами мешает Россия, укрепшая экономически и в военном отношении к 1914 году. Усиливается проникновение Австро-Венгрии на Балканы, она аннексирует Боснию и Герцеговину. Расширению своего присутствия в этом регионе Австро-Венгрии мешает также Россия. В ответ на ряд мероприятий по оказанию помощи Сербии в войне с Австро-Венгрией, в Германии и Австро-Венгрии в 1913 – первой половине 1914 года была развернута антирусская истерия, на антирусских демонстрациях там сжигали макеты Московского Кремля, избивали русских офицеров, находящихся в отпусках в этих странах. Причем в эту кампанию были втянуты даже женщины.

Под влиянием антирусской пропаганды русофобия достигла таких размеров, что когда две русские армии Ренненкампа и Самсонова начали наступление в Восточной Пруссии в августе 1914 года (кстати, чтобы спасти Францию, терпевшую поражение от Германии), население этой германской территории в спешном порядке покидало свои жилища и убегало на запад. Как писал об этом известный в те годы корреспондент Брешко-Брешковский, в целях разжигания ненависти к России в Германии массовым тиражом был выпущен плакат с изображением бородатого казака с кинжалом, кушающего младенца, а под этим рисунком было написано, что русский царь выращивает в лесах Сибири особую породу зверя, который называется казак, этот зверь питается только мясом немецких младенцев.

В навязывании западноевропейскому общественному сознанию антирусских настроений участвовали и известные философы и историки. Чаще всего рассматривают Шпенглера как одного из теоретиков (наряду с Данилевским и Тойнби) идеи плюрализма цивилизаций. Вместе с тем, кроме

критики западнoцентризма, философия истории Шпенглера включает в себя известные взгляды на русский большевизм и Россию. В работе «Закат Европы» [308] Шпенглер, отметив принципиальную разницу между большевизмом и марксизмом, большевизм представляет как политическую силу, выступающую против западноевропейской цивилизации. Признавая, что произведения Достоевского представляют начало той культуры, которой принадлежит будущее, Шпенглер никак не связывает эту культуру с Россией, культура которой, по его мнению, только что зарождается, в то же время Запад он представляет цивилизованным обществом.

В 20-х годах XX столетия автор «Третьего Рейха» и «Права молодых народов» М. Брук под большевизмом понимает русский социализм. Особенностью русского социализма он называет полицейскую автократию восточного типа, которая заменила автократию царизма как западнoческую, враждебную народу, чуждую ему. Советскую Россию он представляет как милитаризованное государство, в котором создана многомиллионная армия, на полную мощь работают военные предприятия. Советское правительство, как заявляет он, вынашивает планы завоевания Европы и Азии. В то же время Брук думал, что возможен союз Германии и России в борьбе с Западом, то есть союз немецкого социализма с большевизмом. Считая поражение Германии в Первой мировой войне поражением социализма в войне с либерализмом, он одобрял борьбу России с Западом. И далее он делает убедительный вывод: «Запад всё равно будет вести войну с Россией, а от немцев, как от вассалов, будут требовать принять в ней участие – вот весь смысл ориентации на Запад» [231, с. 52].

Актуально звучит сегодня и анализ обстановки на международной арене, сложившейся после Первой мировой войны. Преобладание Англии в XIX столетии было основанием доктрины свободной торговли, мирового рынка. После войны к Англии присоединились и США. Германия же потеряла все свои колонии. Для подъема Германии Брук призывал брать пример с Советской России, которая, осуществив революцию, изгнала

капиталистов, стремившихся включить ее в мировой рынок, и тем самым покончила с колониальным угнетением.

С позиций европоцентризма давались оценки России – СССР лидерами ряда западноевропейских государств. В июне 1941 года, в момент нападения фашистской Германии на СССР, премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявлял: «На протяжении последних двадцати лет никто не был таким упорным противником коммунизма, как я. Я не откажусь ни от одного слова, которое я когда-то говорил о нем» [298, с. 265]. В то же время, опасаясь вторжения Гитлера на Британские острова, он призывал США безоговорочно поддержать СССР в его войне с Гитлером. «Теперь не время морализовать об ошибках стран или правительств, – отмечал У. Черчилль, – [...] опасность для России является опасностью для нас и опасностью для Соединенных Штатов» [298, с. 270].

Явное превосходство над Россией звучит в высказывании Гитлера, отраженное в его книжке «Моя борьба». Он полностью отрицает способность русских с низкой культурой создать сильное и крепкое государство. Все заслуги в этом он приписывал немцам, которые якобы сыграли большую государственную роль. По его мнению, Россия много веков развивалась за счет немцев, проживавших в России. Более того, Гитлер заявлял, что германская нация создала не только Российское государство, но и многие другие европейские государства.

Возможно, имея в виду это высказывание Гитлера, Ф. Степун писал В. В. Вейдле в 1950 году: «К сожалению, Гитлер весьма укрепил и, конечно, вульгаризировал Евразийское понимание России в Германии. С этим приходится бороться. Даже толпу в “Борисе Годунове” гримируют под Татар и Черемисов, разрушая тем самым всю глубину пушкинской религиозно-нравственной концепции» [257, с. 126].

Союз, сложившийся за годы Второй мировой войны между СССР, Великобританией и США, закладывал основы дальнейшего сотрудничества этих государств в послевоенный период. Но этого не произошло. Наоборот, в

первые послевоенные годы было положено начало холодной войне – политическому, экономическому, идеологическому и военному противостоянию двух мировых систем. И вновь в общественном сознании Запада актуализируется образ врага – СССР. Начало этому было положено речью У. Черчилля «Мускулы мира» в марте 1946 года в Вестминстерском колледже (г. Фултон, Миссури в США). Сославшись на то, что в тех странах, в которых находились советские войска, под влиянием Советского Союза были сформированы коммунистические правительства, а по границе между Восточной и Западной Европой опустился «железный занавес», Черчилль обратился с призывом к Западу объединиться в совместной борьбе с коммунизмом и его авангардом – СССР, защитить людей «от двух чудовищных мародеров – войны и тирании», «показать русским силу» [298, с. 465].

В развязывании холодной войны и антисоветской истерии не последнюю роль сыграл президент США Г. Трумэн. В противовес своему предшественнику Рузвельту, он не готов был идти на какие-либо уступки СССР. Еще в 1945 году он высказывался о том, что с СССР надо вести себя решительнее: «Они не умеют себя вести. Они похожи на слона в посудной лавке. Мы вынуждены научить их, как себя вести» [Цит. по: 95, с. 1116].

Исходя из позиции превосходства американских ценностей и культуры, Трумэн стремился навязать их всем странам мира. Американская сторона видела причину нарастающего противоборства между СССР и Западом в особом восприятии СССР внешнего мира. Кеннан, временный поверенный в делах США в СССР в своей телеграмме в Вашингтоне писал: «В основе невротического восприятия Кремлем мировых событий лежит традиционное инстинктивное русское чувство неуверенности в собственной безопасности [...]. Америке надлежит быть готовой к длительной борьбе; цели и философские принципы Соединенных Штатов и Советского Союза непримиримы» [Цит. по 95, с. 1116].

Как уже возведенная в ранг государственной политики, прозвучала 12 марта 1947 года речь президента Трумэна в американском парламенте, в которой он заверил, что США поддержат все государства, которые будут участвовать в противодействии угрозе со стороны Советского Союза. С этого времени Запад начинает поход против коммунизма, а по сути, против русского народа, стремясь навязать ему ценности некой эталонной демократии, основанной на ценностях либеральной демократии.

Правящие элиты Запада вполне устраивал ельцинский режим, который пытался привить свои особые ценности российскому обществу через либеральные реформы и безудержную пропаганду потребительства. Результаты хорошо известны: экономическая разруха, обнищание и бесправие большинства населения, установление подобия олигархического режима, политический хаос, всесторонняя деградация общества, обратившая в фикцию права и свободы рядовых граждан.

Сегодня же, отмечает Б. И. Зеленко, Запад критикует российскую власть как антидемократическую, несовместимую с ценностями западной демократии, обвиняет ее в тоталитаристских наклонностях [79, с. 3]. Снова проблема «Россия и Запад» встает на повестку дня, при этом дискуссия разворачивается в условиях геополитического давления на посткоммунистическую Россию. Граница противостояния опять проходит между Восточной и Западной Европой. При этом Запад вынашивает планы, рожденные еще в XVI веке, лишить Россию выходов к морям. Балканы же, по замыслам Запада, должны стать тем звеном, которое соединит западную Европу с черноморскими проливами [188, с. 149].

Очевидные действия некоторых западных стран против России уже после крушения СССР показали сходство многих западноевропейских планов XX века, неизменность их геополитических устремлений. Политика, проводимая США и другими странами НАТО в отношении России и стран Восточной Европы на рубеже тысячелетий, фактически осуществила замыслы Германии, которой не удалось воплотить ни в Первую, ни во

Вторую мировую войны. Планы расширения НАТО на Восток и их реализация вполне совпали с картой Германии 1911 года и построениями Mitteleuropa Ф. Наумова. Для реализации своих геополитических планов Запад использовал не только политические средства, но и агрессию против Югославии.

Фактически, Запад ведет борьбу не только с Россией, но также со славянскими народами. Подтверждением этому является его стремление оторвать Украину от России, разорвать единство балканских народов. Западная Европа одобряла политику США в отношении Сербии, обосновывая это тем, что там, якобы, сохранился коммунизм. На самом деле Сербия была, прежде всего, антиатлантическим государством, не вступившим в НАТО, а страны НАТО участвовали в разгроме сербов в том числе и потому, что это были православные славяне.

Геополитические стратегии Запада явно показывают, что Россия по-прежнему рассматривается как долговременный противник. Поэтому не случайно Хантингтон, заявляя о неизбежности столкновения цивилизаций, особый упор делает на противоборство славян и мусульман. Трудно не заметить за этим его высказыванием желание Запада втянуть Россию в столкновение с исламским миром. Отношение Запада к России отражается в многочисленной и разнообразной литературе. Причем особым успехом пользуются те книги, в которых больше сказано негативного о России, выражено ненависти к ней. И вся эта многообразная литература во многом выражает стереотипное общественное мнение Запада.

На протяжении более чем двух столетий общественная мысль в России стремится понять источники и причины такого враждебного отношения к ней западного мира. Обращаясь к этой теме, славянофил А. С. Хомяков [291] называет странным такое отношение к России со стороны Европы, причем никто в мире больше не вызывает у неё такого чувства враждебности. Хотя, как он считает, у русских и европейцев одинаковые индоевропейские корни, кровь и язык. И, тем не менее, Европа не считает русских своими братьями.

Причину враждебности Европы к России Н. Я. Данилевский [66] видел в том, что Европа не может использовать Россию, русских в своих корыстных целях для извлечения своих выгод, как это она делает в ряде стран Азии и Африки и значительной части Америки. Причем, по мнению Н. Я. Данилевского, Европа видит в России не только чуждое ей, но и враждебное. Как ни старались европейские государства подчинить себе Россию, завоевать ее, у них ничего из этого не вышло. Не удается им и ассимилировать русский народ, навязать ему свой образ жизни. Россия по-прежнему остается независимой, самобытной. И конечно, по мнению Н. Я. Данилевского, Западу очень трудно, даже невозможно смириться с этим.

Нам представляется, что враждебное отношение Запада к России вытекает в первую очередь из отличий цивилизации восточных славян от западноевропейской. Эти отличия проявилось уже в конце X века. Кроме того, на славян распространилось отторжение Западом Византии, откуда на Русь пришло христианство в его православном варианте. Если согласиться с А. Тойнби в том, что религия является основой формирования культуры и нации, то следует признать, что отсюда и берет начало различие православной Руси, как и всей православной Восточной Европы, и католическо-протестантского Запада. Это коренное различие цивилизаций прошло через всю историю. Одним из первых это отметил Данилевский в 1861 году, а затем всесторонне описал В. Соловьев, в разном смысловом значении употребляя понятие «совесть» (в интерпретации славянской) и понятие «честь» (западноевропейской).

Многовековая история отношений славянского мира и мира западного наглядно подтверждает неприязнь Запада к славянам. Достаточно вспомнить факт уничтожения Карлом Великим славян и других народов, которых он называл внутренними врагами, причем среди них были уже не только православные, но и католики. Поэтому можно отметить, что Россия и Запад – это разные цивилизации. Граница России, таким образом, является в

определенной степени цивилизационной границей, которая была всегда, и об этом надо помнить.

По нашему мнению, главным фактором, определяющим кардинальные отличия западного мира от славянского, явился культурно-цивилизационный. Как известно из истории, западные страны и Древнерусское государство сложились в тот период, когда Христианская церковь раскололась на православие и католичество. Древнерусское государство переняло православие у Византии, а для Запада, взявшего многие традиции Рима, католицизм явился его жизненным фундаментом. Католический Запад, исходя из европоцентристского мировоззрения, присвоил себе право называться полноценной, истинной цивилизацией. В то же время другие народы, в том числе исповедующие православие, Запад стал считать чуждыми.

Католическая церковь приложила немало усилий, чтобы сформировать у европейского народа индивидуалистические черты и рациональный тип личности. Она же способствовала и формированию автономного от государства и церкви гражданского общества. В основу культурно-исторической традиции Запада были положены права личности и правовое устройство государства и общества. Но дело здесь в том, что право принуждает граждан выполнять определенный минимум порядка и правил. Право не касается внутренней стороны отношений между людьми, оно является лишь проявлением внешних отношений, поэтому культивирует индивидуализм, а не христианскую любовь, не ограничивая эгоизм людей в отношении друг к другу.

Характерной чертой русского народа являлось и является преобладание коллективизма над индивидуализмом. В православной культуре явно выражено превосходство духовности над волей. Рациональность в православном сознании имеет второстепенный характер. Во многом на основе православия и сформировался менталитет русского человека,

отличительными чертами которого являются добродетель, духовность, коллективизм, державность.

Это отличие России от Запада, видимо и дает основание ему враждебно относиться к России, стремиться к ее унижению или даже уничтожению. Кроме того, в современных условиях Россия как достаточно самостоятельная страна способна противостоять тем силам, которые хотят под предлогом продвижения демократии перековать мир в своих корыстных интересах.

Обвиняя Россию в варварстве, агрессивном, завоевательном характере, якобы создающем угрозу западному миру, Запад на протяжении более чем двух столетий вынашивает планы ее расчленения на отдельные территории. Эта навязчивая идея, зародившаяся в умах некоторых просветителей, была поставлена на реализацию Наполеоном в 1812 году, реанимирована в фашистской Германии. Уже в 1935 году министр пропаганды гитлеровской Германии сказал: «Россия должна быть расчленена. Нельзя терпеть на Востоке такого колоссального государства» [Цит. по 189, с. 136]. Гитлер, основываясь на идее неисторичности неевропейских народов и расовом превосходстве, имел план «Ост», предусматривавший сокращение европейского населения СССР на 40 процентов, насильственное перемещение рабской рабочей силы [См.: 189, с. 148].

В конце XX века антинародная политика Е. Б. Ельцина и его команды привела к распаду СССР, что сыграло на руку правящей элите Запада, вынашивающей планы о расчленении Советского Союза. По оценке М. В. Мамотина, Б. Н. Ельцин «[...] достиг своей политикой необратимого результата: он уничтожил предыдущее государство. Уничтожил его так основательно, что для всех людей в здравом уме, твердой памяти и трезвом виде вполне очевидно: ту страну воссоздать невозможно» [171, с. 5]. На пространстве бывшего СССР возникло 15 отдельных государств. Россия была возвращена к границам XVII века. Сегодня правительственные круги ряда западных стран, в первую очередь США, поставили на реализацию план расчленения Российской Федерации, найдя себе помощников внутри

российского общества в лице некоторых несостоявшихся политических лидеров.

Какие же мотивы и причины лежат в основе замыслов «расчленителей России»? У России как великой, независимой страны есть множество врагов, которым кажется, что она, имеющая довольно многочисленное население, обладающая мощным ядерным потенциалом, вынашивает завоевательные планы, является главным препятствием для тех политических сил, которые стремятся превратить независимые государства в свои провинции, диктовать им свою волю, навязывать правила игры.

Лидерам некоторых стран представляется, что Россия, обладая богатыми природными ресурсами, огромными пространствами, должна стать сырьевым придатком западных стран. А для этого ее нужно расчленить на множество мелких государственных образований. «Им нужна слабая Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в расчленении. Им нужна Россия с убывающим народонаселением, что и осуществляется [...]. Но единая Россия им не нужна» [88, с. 47, 48].

Но разделение России будет иметь глубокие негативные последствия для всего мира. В силу ее особого положения не только на Евразийском континенте, но и во всем мире. Могучая Россия многие века и особенно в XX столетии сохраняла баланс сил в мире, противостояла агрессивной захватнической политике США и Западной Европы. Нынешняя Россия начинает играть все большую роль на международной арене в стабилизации положения в различных регионах мира и особенно на Ближнем Востоке и Балканах. Мир из однополярного сегодня при содействии и участии России становится многополярным, уходит в прошлое европоцентристский миропорядок. И, конечно, расчленение России может привести к нарушению равновесия сил на международной арене, что грозит новыми локальными войнами, ростом вмешательства внешних сил во внутренние дела других государств, распространением международного терроризма, организованной преступности. Всему миру нужна сильная, единая Россия.

Выводы:

1. Проблема взаимоотношений России и Европы является актуальной для историософского анализа на протяжении многих столетий. «Русский вопрос» рассматривался и рассматривается отечественными и европейскими мыслителями как важнейшая проблема философии истории.

2. В историческом сознании российского общества до сих пор не сложилось единого мнения по проблеме использования опыта Запада при историческом выборе России. С одной стороны, сформировалось убеждение, что только европейский выбор может стать главным условием стабильности и устойчивого развития российского общества, с другой стороны, утверждается необходимость опоры преимущественно на свой собственный исторический опыт.

3. Исторический опыт показывает, что многие представители западноевропейской цивилизации, несмотря на периодически происходившие периоды сближения России и Европы, на протяжении многих веков относились к России с величайшей настороженностью, зачастую видя в ней противника и агрессора. Начиная с эпохи Просвещения важным условием европейской «демократизации» российского общества выступала идея расчленения России.

3.4. Роль исторического сознания в преодолении идентификационного кризиса российского общества

Для раскрытия роли исторического сознания в преодолении кризиса российского общества, мы исходим из представлений о том, что современный этап глобализации, глобальный кризис, порожденные им проблемы требуют рассмотрения вопроса о допустимости плюрализма моделей развития общества.

Из такого представления возникают вопросы: как в условиях экспансии западной субъективной модели глобализации, навязывающей свои идеалы рынка, морали и нравственности, свой образ мышления и действия всему

населению планеты сохранить многообразие человеческой цивилизации? Как сохранить национальные особенности российского общества? Что положительного можно использовать из опыта других стран и цивилизаций для того, чтобы преодолеть кризис, обеспечить стабильность и устойчивое развитие?

Все эти вопросы непростые и требуют углубленного анализа и конкретного ответа. Сегодня западнцентристской, а если быть точнее, американоцентристской схеме мирового исторического развития противостоят национальные особенности, менталитет, социокультурный уклад, религиозные верования того или иного социума. Более того, признание уникальности той или иной цивилизации является не только главным условием ее успешного развития, но и условием сохранения этой уникальности, собственной идентичности перед лицом вызовов современности.

Эта проблема сохранения различными обществами своей уникальности, идентичности как важного условия устойчивого развития, остро стоит и перед российским обществом. «Проблема единства социума, – отмечает Н. П. Копцева, – возникает там и тогда, где и когда это единство утрачено или там, где осознается радикальная необходимость в его восстановлении» [128, с. 366].

В условиях системного кризиса, жизненно важным вопросом для России, стало решение проблемы вскрытия причин кризиса и определение путей его преодоления. Сегодня перед российским обществом остро встали вопросы, есть ли у России достойное будущее, способна ли она достичь более или менее благополучного существования и какой нужно избрать путь для достижения стабильности и устойчивого развития, а от чего необходимо отказаться.

В современных условиях над Россией нависла реальная угроза утраты ее многовековой государственности. Россия достигла той критической точки своего существования, которая характеризуется цивилизационными

потерями, ведущими к разрушению ее самобытной культуры, поскольку цивилизация как совокупность ценностей российского общества является скрепой для него. Россия может полноценно существовать, быть самой собой лишь тогда, когда в ней будут сохранены и упрочены духовные и культурные ценности. Сегодня же идентичность российского общества разрушают anomia и рыночные экономические ценности. В современной России находят свое распространение бездуховность, культ наживы, псевдокультура, которые подавляют и разрушают национальные ценности и вместе с ними идентичность общества и индивида.

Важным условием самоидентификации российского общества, самопределаения, выбора путей устойчивого развития является историческое сознание. Это обусловлено тем, что прошлое и будущее находятся в тесной взаимосвязи, их существование происходит в непрерывно длящемся потоке исторического времени и пространства, исторического действия. Объединяет же прошлое и будущее – человек. Важным условием исторического развития российского общества является совмещение в настоящем социального идеала и исторической памяти. В то же время, характерной особенностью современного российского общества является то, что оно вошло в XXI век без ясных представлений как о своем прошлом, так и о будущем. В этом смысле в основе кризиса российского общества лежит её размытая самоидентификация, которая ведет к хаотизации мировоззрения и слабой социальной идентификации.

Углубление идентификационного кризиса российского общества может привести к необратимым негативным последствиям. Утрата идентичности грозит тем, что общество «россиян» может превратиться в общество неидентифицированной истории, духовности и культуры, потерять ощущение живой общности индивидов, объединенных общими коллективными отношениями, интересами, культурой, несущими в себе смысл сохранения своей экзистенции и целостности единого народа. Одновременно в современном российском обществе происходят процессы,

ведущие к кардинальному искажению пространства общих ценностей. Значительная часть людей все дальше и дальше дистанцируется от традиционных духовных ценностей России, из их сердец вытесняется чувство причастности к отечественной истории, культуре и духовности. Вместо них рождаются чувства далекие от смысла и ценностей исторической России, такие чувства не приживаются в каждом индивиде.

Закономерным итогом такого состояния идентификации общества есть то, что Россия превращается в страну с неупорядоченными представлениями о своей истории, источником которых является хаотизация идентификационных основ бытия в истории. В этом заключается сущность духовного кризиса целостности современного российского общества. И не случайно XX век в России прошел как век неопределенной идентичности и исторического анархизма. Сегодня российское общество переживает кризис идентичности, который может проявиться в угрозе выпадения России из закономерности своего существования в истории. В результате российское общество может окончательно потерять свою собственную историческую реальность.

Вполне справедливыми кажутся слова Н. Г. Козина о том, что «[...] в своем отрицании ценностей исторической России мы, кажется, дошли до предела, до того, что нам больше просто не от чего отказываться. Мы достигли таких глубин отрицания, которые недоступны даже безумию [...]. С энергией умалишенного мы цепляемся за все, что разрушает нашу историческую идентичность» [120, с. 44].

Сегодня необходимо преодолеть эту эмоциональную акцентированность исторического сознания, и с объективных позиций осознать историю российского общества, сделать правильные выводы и уяснить уроки на будущее. Нужно преодолеть стереотипы, и рассеять мифы, устоявшиеся в историческом сознании, созданные под воздействием различных политических партий. Для преодоления кризиса идентичности российского общества необходимо избавить его от социальной амнезии –

потери социальной памяти. Людей, стоящих у власти, наряду с профессиональностью, грамотностью, способностью управлять обществом, должна отличать также высокая нравственность, порядочность, обладание способностью делать выводы из уроков, как истории, так и практики современного российского общества.

Особенностью идентификационного выбора российского общества является многообразие культурных, национальных, религиозных идентификаций народов России, а также то, что Россия географически расположена между Востоком и Западом. Поэтому она исторически стремится стать Европой, но, по сути, не является таковой. Не похожа она по своей культуре и на своих восточных, азиатских соседей. Поэтому Россия не вписывается ни в схему Запада, ни в схему Востока, ее национальная идентичность постоянно находится в неуравновешенном состоянии. Постоянно стремясь то в одну сторону, то в другую, Россия находится между этими полюсами и испытывает неудовлетворенность из-за невозможности до конца отнести себя к одной из этих сторон. Не случайно в русской философии проблемы отечественной истории всегда стоят на первом месте, поскольку основой идентичности страны является ее история.

Определяя пути дальнейшего развития, отвечая на бытийные вопросы, нужно помнить, что исстари наши предки находили их в культурном, духовном, нравственном и интеллектуальном наследии России. Духовный подъем служит для сегодняшнего поколения ярким образцом преобразований, когда преодолеваются эгоцентризм и разногласия. И образы будущего представляются наиболее зримыми для всех, кто поддерживает связь с духовными основаниями.

По нашим представлениям, на первое место в определении путей устойчивого развития российского общества, а, следовательно, и преодоления кризиса идентификации должна стать русская, национально-государственная идея, способная объединить народ осознанием своих национальных интересов и выработкой четкой национальной стратегии и

тактики, мобилизацией населения страны на их претворение в жизнь. Сегодня становится наиболее ясно, что без национально-государственной идеи, осознанной народом страны, достижение стратегических целей будет невозможно. Безыдейность, ставшая характерной чертой современности, привела к таким силам, разрушающим общество, как социальное равнодушие и упадок духа.

Следует отметить, что сам термин «русская идея» ввел Ф. М. Достоевский, но не в качестве теоретического концепта, а художественного образа. Позднее, в конце XIX века вышла книга В. С. Соловьева «Русская идея» [250], где он, в частности, пишет: «Когда видишь, как эта огромная империя с большим или меньшим блеском в течение двух веков выступала на мировой сцене, когда видишь, как она по многим второстепенным вопросам приняла европейскую цивилизацию, упорно отбрасывая ее по другим, более важным, сохраняя, таким образом, оригинальность [...], когда видишь этот великий исторический факт, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую он скрывает за собою или открывает нам; каков идеальный принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое слово этот новый народ скажет человечеству; что желает он сделать в истории мира?» [250, с. 324]. В раскрытии этих вопросов В. С. Соловьев видел путь к познанию сущности русской идеи.

О русской идее вслед за В. С. Соловьевым писали почти все русские мыслители – Н. Я. Данилевский, Ю. Ф. Самарин, И. Аксаков, К. Аксаков, И. В. Киреевский, П. Я. Чаадаев и др. Н. А. Бердяев в своей работе «Русская идея» писал: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, каков умопостигаемый образ русского народа, его идея» [25, с. 78]. Что понимал Н. А. Бердяев под «русской идеей»? Н. П. Полторацкий, автор обстоятельного исследования «Бердяев и Россия» (Нью-Йорк, 1967) [214], писал в одной из своих рецензий: «У Бердяева понятие “русская идея” имеет широкий смысл. Сюда он относит такие понятия, как “русская идея”,

“русский мотив”, “русская особенность”, “свойства”, “судьба”, “признание”, “стремление”, “искание”, “ожидание” и т. п.» [214, с. 131].

Характерной особенностью русской истории Н. А. Бердяев называет раскол, дуализм. Русская идея прерывна: «[...] есть Россия Киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская. И возможно, что будет еще новая Россия. Развитие России было катастрофическим» [25, с. 79]. Прерывности, где один период противостоит другому, соответствует и раскол внутри России: раскол церкви, углубленный реформами Петра, раскол между обществом и государством, интеллигенцией и народом. Раскольницей оказалась и сама интеллигенция: славянофилы и народники были раскольниками, только первые в одном смысле, вторые – в другом. Двойственна, по мнению Н. А. Бердяева, и русская культура. Поляризована и природа самого русского человека: «С одной стороны – смирение, отречение; с другой стороны – бунт, вызванный жалостью и требующий справедливости. С одной стороны – сострадательность, жалостливость; с другой стороны – возможность жестокости; с одной стороны – любовь к свободе, с другой – склонность к рабству» [25, с. 153 – 154].

Исторический опыт показывает, что на историческом пути развития России были периоды безвременья, тяжелых кризисов, безвластия. И всегда российское общество выходило из кризисных ситуаций, являя человечеству пример жертвенности, духовной силы русского и всех народов, проживающих на бескрайних просторах России. Так было уже в начале становления русской земли – на рубеже первого и второго тысячелетий, когда шло объединение вокруг славян народов от Днепра до Оки, от озера Ильмень до Днепровских порогов. Именно тогда было образовано первое Древнерусское государство с центром в Киеве, именовавшееся Киевской Русью. На протяжении всего периода древнерусской истории главным содержанием национальной идеи было ощущение катастрофы, обрушившейся на Русь. Об этом говорят памятники той поры «Слово о

погибели русской земли», «Галицко-Волынская летопись», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина». В этих и других оригинальных текстах точно показано, как крепнет, созревает национальная идея. После освобождения от монголо-татарской зависимости была выдвинута политическая идея «Москва – третий Рим» [Цит. по: 151, с. 136]. Эта идея сыграла большую роль в объединении русских земель, создании русского централизованного государства. Она помогла России в борьбе за свою независимость, самостоятельность, утвердила русскую самобытную духовную культуру. Не случайно именно тогда появилось название «Россия», обозначавшее и территории, и народ, и культуру, и исторические традиции. Уже тогда проявились характерная для России жертвенность, ради сохранения своего народа и его счастья, бескорыстная помощь другим народам в их развитии.

В отличие от России, как свидетельствует история, с лица Земли исчезло более 200 этносов, проживавших на землях Западной Европы. «Дайте себе труд заглянуть в историческую карту Европы эпохи Карла Великого и первых Каролингов (768 – 843), – писал И. А. Ильин. – Вы увидите, что почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (славянская Лаба) через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю – сидели славянские племена: абодриты, лютичи, линоны, гевелы, редарии, укры, поморяне, сорбы и много других. Где они все? Что от них осталось? Они подверглись завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны Германии» [87, с. 257].

Забываясь о сохранении своих этносов, Россия, в то же время спасала европейские народы от покорения, порабощения, истребления. Сколько бы ни умалялись исторические факты, сколько бы их не фальсифицировали и не подтасовывали, всегда сохраняются элементы истинности. Многие народы (латыши, литовцы, эстонцы, украинцы, армяне, грузины и др.) сохранились как этносы во многом благодаря объединению с русским народом. В период образования государств германскими этносами, на их территориях

проживало большое число различных этносов негерманского происхождения – от кельтов, иллирийцев до славян и балтов. Но постепенно их не стало в Западной Европе, все они были вытеснены господствующими этносами. Например, от балтского народа – пруссов осталось только одно название значительной территории Германии – Пруссия. И вне сомнения, такая же участь ожидала и другие балтские этносы – литовцев, латышей. Подвергнутых немецкой и шведской ассимиляции литовцев и латышей от участи исчезнувших пруссов спасла и сохранила Россия, заплатив Швеции за ее территориальные уступки по Ништадтскому миру 1721 года 2 млн. ефимков [187, с. 639].

С XVIII века Россия явила миру свою национальную идею, которая стала соотноситься с представлениями о Российской империи. Екатерину II и ее правительство уже не удовлетворяла идея святой Руси и третьего Рима. Их вдохновляли идея Великой России. Роль Российской империи виделась в утверждении политического влияния, превращении в просвещенную державу.

В XIX веке граф Уваров выдвинул триаду «православие, самодержавие, народность». Она сыграла положительную роль в обеспечении устойчивости социально-политической ситуации того времени. Таким образом, поиск и утверждение национальной идеи становится связующим звеном всей отечественной истории, смысловой основой российского общества, обеспечивающей его самосохранение на многих поворотах истории.

В современных условиях поиск идеи направлен на реализацию задач по защите интересов России и ее граждан вопреки различным глобалистским идеям. Составными частями искомой российской национальной идеи должны выступить национальные идеи всех народов России, прежде всего русских, являющихся основой прочности и жизнеспособности российского общества. Сегодня в основе русской идеи должно лежать осознание русским народом

своей идентичности, пути, задач, ответственности и стремления создать гуманное и справедливое общество.

В то же время претворение этой идеи в жизнь является непростой задачей, поскольку на этом пути стоит аморфность русского национального сознания и равнодушие к своему национальному естеству. Это проблема не только сегодняшнего дня. В свое время поэт Игорь Северянин писал: «Родиться русским слишком мало. Им надо быть, им надо стать» [Цит. по: 266, с. 15]. Для того, чтобы претворить в жизнь российскую идею, необходимо устранить двойные стандарты в сфере национальных отношений. Действенным средством укрепления российской государственности должен быть решительный отказ от русофобии, не только как от нравственно-психологического явления, но и как боязни русского национального фактора при решении судьбы русского общества. Только достойное положение в обществе русских создает основу для успешного развития всех других наций и народностей России.

Русская идея должна объединить всех граждан России и дать новый импульс к дальнейшему развитию русского общества. Нужно признать то, что российское общество не может существовать и развиваться без глубокого осознания своих национальных и государственных идей, интересов и целей, которые должны стать основой всей ее внешней и внутренней стратегии. Более того, русская идея будет способствовать мобилизации всех сил русского общества на преодоление глобального системного кризиса.

Наряду с этим, для перехода к более качественному состоянию русского общества, большое значение имеют ответы на вопросы: какое будущее ждет Россию, каковы конкретные пути построения современного общества, какие задачи для этого нужно решить? Для русского общества, пережившего за последние десятилетия распад Советского Союза, крушение существовавшей 70 лет политической системы, отказ от государственной идеологии, потерю прежних нравственных и духовных ценностей, изменение

экономической системы, данные вопросы являются наиболее актуальными. Происходившие в стране изменения трансформировали ее характер и специфику, изменили социальную систему, она стала принципиально другой, отличной от самой себя, возникла угроза утраты своей идентичности. Таким образом, действительный характер явлений, которые происходят в России, позволяет прийти к заключению, что их с полным основанием можно считать проявлением идентификационного кризиса. И сегодня мы вынуждены опять искать свой путь, свою идею и идентичность.

Здесь необходимо, в первую очередь, вскрыть истоки допущенных ошибок и просчетов в политике проведения реформ. Сегодня недостаточно лишь одних ссылок и оговорок на слабую разработанность стратегий развития, на недопонимание необходимости учета специфики российского общества, непоследовательности практических мер по преодолению кризиса, по стабилизации политической и экономической ситуации в стране. Сегодня необходим новый подход к решению проблемы обеспечения устойчивого развития российского общества, в основе которого лежала бы система конкретных мер, позволяющих России преодолеть кризис и обеспечить её стабильность и устойчивое развитие [262, с. 7]. В новых исторических условиях идет поиск таких идей, которые содействовали бы укреплению и поднятию на новый качественный уровень российской экономики и государственности, стали бы популярными в обществе, во всех его слоях. Для современной России выработка такой идеи вышла за академические рамки и переместилась в политическую плоскость, стала практически актуальной.

Необходимо напомнить, что уже в 90-х годах прошлого века государственно-национальная идея вызвала широкую дискуссию, в процессе которой выявились две противоположные точки зрения. «Общенациональная идея, – писал академик Д. С. Лихачев, – в качестве панацеи от всех бед – это не просто глупость, это крайне опасная глупость» [Цит. по: 172, с. 3]. В. Клименко заявлял: «Нам надо забыть о “Великой России”, о ее

возрождении, которое никогда не наступит [...]. Мы должны встать в стратегическую оборону и [...] иметь мужество потерять половину завоеванного [...]. Необходимо сложить с себя роль носителя мессианской идеи [...]. Героическая эпопея окончена [...]. В мире давно господствуют другие великие идеи» [113, с. 79]. С ним соглашаются Т. И. Кутковец и И. М. Клямкин [138, с. 118, 119]. «Бредом национального величия» называет русскую идею Е. В. Барабанов [15, с. 116].

Вместе с этим в общественном сознании того времени зарождалось и другое мнение о государственно-национальной идее. «[...] наша страна и мир в целом ищут если не национальную идею, то понимание того, что происходит, ищут духовную опору, определяющую как двигаться и куда двигаться», – отмечает С. П. Капица [132, с. 8]. «России нужна новая идеология. Русские – хребет России [...] объединят вокруг себя иные нации», – утверждал В. В. Жириновский [76, с. 33]. За новую мощную интегрирующую идею, но идею из либерального и демократического лагеря высказывался Е. Гайдар [46].

В начале XXI века общественная мысль вновь обратилась к глубинным основаниям проблемы государственно-национальной идеи в более общей ее постановке. Большое значение в этом отношении имела дискуссия, проводившаяся в обществе по обсуждению инициативы Президента России, направленной на разработку новой национальной идеи. На основе анализа писем граждан страны в «Российскую газету» и другие издания группа авторов, принимавшая участие в этом анализе, издала книгу «Россия в поиске идей» [16]. Разные позиции участников дискуссии авторы книги обобщили по трем направлениям:

«1. Нам нужна новая идеология, выражаемая следующим набором ключевых слов (держава – родина – честь; свобода – собственность – законность...), модернизирующих знаменитую формулу графа Уварова “Православие – Самодержавие – Народность”».

2. Не нужно никакой идеологии, мы от нее уже достаточно натерпелись (интересно, что эта позиция особенно рьяно отстаивалась профессионалами, основной сферой деятельности которых, по принятым во всем мире определениям, была именно идеология).

3. Не нужно никакой национальной идеологии, так как у нас есть великая русская культура, которая успешно выполняет эту функцию» [17, с. 13].

Отрицание всякой национальной идеологии авторы книги видят в том, что ряд участников дискуссии под идеологией понимают не только систему духовного содержания, но и систему, которая противостоит человеку, подавляет и ограничивает направленность человека к духовной свободе. По их мнению, идеология является орудием, ограничивающим свободы индивида, а на практике приводит к негативным последствиям, достаточно известным из нашего давнего и недавнего исторического прошлого [17, с. 13, 14]. Отечественный опыт в этом плане весьма практичен. Все предпринятые усилия по формированию в России единой государственной идеологии представляли собой ее силовое навязывание обществу и часто вызывали экстремистские ответные действия идеологических противников. И если, например, Вяземский и Победоносцев, осудив экстремизм, приняли сторону державников, то Ф. М. Достоевский ярко описал в «Бесах» психологическую и социальную сторону экстремизма.

Пришедшие в 1917 году к власти большевики начали уничтожать самодержавие, православие и народность. Но принципиальный подход к идеологии сохранился. Утверждалась универсальная социалистическая идеология, все же остальные были запрещены, а к концу XX столетия та же судьба постигла саму социалистическую идеологию.

И все же, по нашему мнению, национальная идея, восстановление идентичности должны сыграть важную роль в поиске путей преодоления кризиса в России. Сегодня нет недостатка в интерпретациях сложившейся ситуации, разнообразных, а порой и противоречивых аргументах и

предложений о путях дальнейшего развития. Различные политические силы, как левые, так и правые заявляют о необходимости значительной корректировки существующего курса реформирования российского общества. Причем каждая из сторон отстаивает свое видение пути решения проблемы и отвергает любые компромиссы.

В постсоветский период появилось несколько исторических альтернатив общественного развития, каждая из которых предполагает наличие некоторых вариантов. Уже в начале перестройки социалистической альтернативе в советском варианте было отказано в праве на существование. Под влиянием крупномасштабного прессинга на историческое сознание, социалистический вариант был отклонен. Кроме того, идеологи перестройки, стремившиеся обеспечить новому руководству страны будущее, а также следующие за ними публицисты и ученые стремились сформировать в общественном сознании представление о том, что в СССР социализма никогда не было.

Вместе с тем об ошибочности отказа от социалистического пути развития заявляет и А. Зиновьев. Он вообще не принял перестройки, которую он называл «катастрофой». Его раздражала потеря исторической памяти, которая выдавалась за прозрение. Он негативно высказывался о тех, кто безоглядно вычеркивает из истории Маркса и Ленина, кто считает коммунизм утопией, исторической ошибкой, нонсенсом [246, с. 56]. Более того, А Зиновьев был убежден в том, что западноевропейский путь развития неприемлем для России, в стране нет таких условий, и этот путь можно только навязать ей извне. Наоборот, считает он, российское общество «обречено на коммунизм» [246, с. 54]. Что же заставило антикоммуниста и критика советского общества Зиновьева выступить в защиту марксизма и социализма? То, что до настоящего времени социалистический образ жизни продолжает привлекать внимание других стран, в том числе и капиталистических, где основными социальными проблемами являются

безработица, чувство неуверенности в завтрашнем дне, изнурительное потребительство [См.: 246, с. 56].

И сегодня в обществе имеются сторонники повторения социалистического опыта развития России. В. С. Семенов разработал социально-философскую концепцию социализма и революционного обновления мира, а также развития России в обстановке кризиса капитализма [238]. Исследователь, опираясь на богатый фактический материал, делает вывод, что самая характерная черта начавшегося XXI века состоит в революционности и нарастании привлекательности, возможностей и успехов социализма в мировом масштабе. По его убеждению, мир совершил поворот влево, к социализму. По утверждению В. С. Семенова, основное противоречие, существующее между трудом и капиталом, определяет сущностный смысл XXI века как эпохи, в которой социализм превращается в главную силу мирового развития. Что касается России, то основными путями решения проблем социального раскола, экономической отсталости и цивилизационной неопределенности является поворот России влево, к последовательному народно-социальному курсу [238, с. 131, 132]. На основе анализа, представленного российскими учеными, В. С. Семенов выводит три сценария левого развития России. Первый сценарий – новый социализм, второй – свободная ассоциация свободных людей, третий – цивилизм. В итоге автор делает заключение, что «[...] выбор для России может быть только левым, в основе народным, социально справедливым по существу, по направленности и содержанию [...] нового качества социалистичности» [238, с. 153, 154]. «Для России, – утверждает он, – оптимальный общественный путь – социализм XXI века» [238, с. 538].

Но с приходом к власти группы Б. Ельцина, был взят жесткий курс на внедрение худших вариантов капитализма. Верх одержала либеральная альтернатива, зародившаяся в рамках движения «Демократическая Россия», заявившая о демократическом либерализме как единственно верном пути развития России, о необратимости этого пути и закономерности его

характера. Получив статус государственной идеологии, либеральная альтернатива стала свершившимся фактом жизни российского общества.

Сторонники либеральной идеи ориентируются преимущественно на Запад. По убеждению либералов, во время холодной войны СССР действовал не в соответствии со своими национальными интересами, и теперь Россия должна обязательно интегрироваться в Запад. При этом Запад воспринимался ими как единственная и самая прогрессивная цивилизация в мире. Основные же угрозы России, ее идентичности исходят из политико-экономической отсталости страны, от недемократических стран, с которыми она была связана, особенно с бывшими союзниками СССР. Свой ответ на угрозы Россия сможет дать только посредством строительства западных институтов и интеграции в сообщество «западных цивилизованных наций» [295, с. 10].

Либералы утверждали, что Россия должна войти в Европу, так как нынешняя русская нация не является европейской, поскольку за годы советского периода в России сменилось три поколения, и уже сформировалась новая нация, отличная от 1917 года. Причем изменения новой нации произошли, по их словам, даже на генетическом уровне. Та русская европейская нация, в их представлении, находится в эмиграции. Те же, кто остался в России, по утверждению либералов, составляют нацию неевропейскую, которую они называли *Homo Sovieticus* [81, с. 36]. Таким образом, делают вывод либералы, современная Россия не является европейской. Для того, чтобы вернуться в Европу, считают они, необходимо возродить культурные основы европейской цивилизации, те основания, которые уничтожались в прежние периоды отечественной истории. Для вхождения в Европу А. Зубов, например, считает необходимым возродить демократию, а также обязательное «[...] восстановление благоговения перед природой и культурой русского массового сознания [...]» [81, с. 37].

Либерально-демократическая концепция объявила о признании преимуществ западной цивилизации, а её ценности были представлены как общечеловеческие, универсальные и наилучшие для любого социума. Столь

односторонний подход к ценностям либерально-капиталистической цивилизации нашел свое логическое продолжение в утверждении целесообразности использования западного опыта в России и в отказе от его критического анализа. Радикальные реформаторы, общественные деятели, стоящие на либеральных позициях, трактовали либеральную альтернативу, как самую совершенную и идеальную. В качестве образца предлагалось взять и классовую структуру западного общества, и их экономические отношения, и социальное страхование. Безработицу они представляли как благо, потому что она стимулирует конкуренцию. Безработные же, по их убеждению, получая большие пособия, не страдали от неё.

Это видение западной цивилизации представлялось противоположным тому, которое было сформулировано в СССР. Понятно, что смена интерпретации западного образа жизни носила идеологический характер. Её осуществление политиками проводилось с помощью средств массовой информации при определенной поддержке ряда историков, обществоведов, философов, ученых.

Современное американское гражданское общество, как считают они, это общество среднего класса. Правительство, сформированное ими, является выразителем общественного консенсуса по проблемам внешней и внутренней политики. Американские же лидеры удостаивались высоких оценок. В интересах придания большей убедительности навязываемым ими взглядов, в 1990 году либералы опубликовали статью американского футуролога Ф. Фукуямы [282], в которой её автор заявлял о победе либерализма [282, с. 134]. Всем же странам он предписывал брать опыт Запада за образец. Эти выводы Ф. Фукуямы были поддержаны политиками и идеологами из либерально-демократического лагеря [77, с. 148 – 158]. И только впоследствии, когда в России провалились либеральные программы преобразования, общественному сознанию были представлены критические материалы отечественных и зарубежных авторов [161, с. 48 – 50; 280, с. 50 – 58], в которых картина, нарисованная Ф. Фукуямой, объявлялась

атеистической эсхатологией, вульгаризированным христианским финализмом [161, с. 49].

Историки и обществоведы, пересматривавшие историю России с либеральных позиций, начали поиск исторических корней либерализма. Для ряда из них изначальной формой либерализма представлялся либеральный консерватизм, истоки его они находили в последекабристской эпохе. Другая часть либеральных исследователей видела исторические корни либерализма в просветительстве XVIII века [183, с. 33, 34]. Среди крупных обобщающих работ на историческую тему, в которых история России рассматривалась с либеральных позиций, стала коллективная монография «Наше Отечество. Опыт политической истории» (1991) [192]. В этой монографии магистральным направлением всей истории России признаются противоречия между реформами и контрреформами. Западная же цивилизация представляется ими как идеал для России, именно по этому пути должна она идти. Западный путь, по их утверждению, есть «[...] накатанная дорога к свободе, равенству и братству» [192, с. 4]. В либерализме правящая элита страны видела истоки своего происхождения, считала себя его преемницей в интересах убеждения населения в преемственности осуществляемых ею реформ. В этой связи уместно привести мысль Н. Дэвиса, английского историка о том, что демократия нуждается в создании мифа своего происхождения, и чтобы он был как можно древнее [74, с. 12].

Вместе с тем опыт истории показывает, что цивилизация восточных славян отличается от цивилизаций европейского пространства. И это принципиальное различие пронизывает всю историю. И, конечно, игнорировать этот факт нельзя. Все попытки российских императоров сделать Россию европейским государством заканчивались для России катастрофично. Классическим примером этому является создание по инициативе Александра I Священного союза, завершением которого было использование русских войск для подавления революционных движений в

Европе, за что она «отблагодарила» поражением России в Крымской войне. По мнению Н. Н. Моисеева, «[...] разговоры о вхождении под крышу европейского дома – очередная вредная утопия. Наоборот, надо понять, как, опираясь на ту самоценность, которую представляет наша цивилизация, сделаться эффективными партнерами с западными странами, не меняя своей идентичности» [228, с. 6].

Исторический опыт свидетельствует, что хотя в начале XX столетия либерализм представляли передовые люди того времени, среди которых были высшие чиновники, ученые, военные, он, тем не менее, не был воспринят российским обществом. Как политическое движение, придя к власти в феврале 1917 года, русский либерализм не смог удержать её, оказался несостоятельным, не имеющим опоры в обществе. И сегодня русский либерализм представляет собой малоизвестное течение общественной мысли. Открытый заново в советское время правозащитным движением, он по-прежнему остался невостребованным широкими слоями общества. И хотя моральный авторитет русского либерализма, личное подвижничество активизировали внимание общества к нему, в то же время оно не проявило особого интереса к сути его идейных установок, программных целей.

Более того, русский либерализм, по оценке некоторых его исследователей, оказался несостоятельным [212, с. 18]. И это действительно так. В 90-х годах XX столетия демократический либерализм, покончив с социализмом, обещал народу достижение общества всеобщего благоденствия. Акцентируя на этом свое внимание, В. К. Кантор писал, что народ «[...] идет за нынешними демократами [...]. Потому, что за этими демократами – Запад, западная помощь, чистая и сытная западная жизнь [...]. Сейчас кажется даже, что втайне каждый в нашей стране подозревал, что настоящая жизнь, подлинная справедливость, короче, “идеальное общество”, находятся “где-то там” [...]. И стоит нам только отказаться от представления о своем первородстве, как заживем сразу не хуже чем “там” [...] надолго ли

этот поворот умов на Запад, или это временное помутнение разума у народа [...]?» [101, с. 24, 25].

Этот поворот оказался недолгим. В условиях дикого капитализма большинство населения страны оказалось за чертой бедности, потеряло приобретенные в советский период социальные гарантии. Выиграла меньшая часть населения, которая, оказавшись у власти, приватизировала национальное богатство. Здесь уместно будет привести утверждение А. А. Гусейнова: «Все те, кто выступал от имени истории, ее целей, оказывались великими обманщиками. Они приводили людей совсем не туда, куда обещали. Благоденствие для всех оборачивалось выгодой для некоторых» [211, с. 3]. Российское общество оказалось отброшенным на многие десятилетия назад. Заметим, что, рассматривая капитализм как перспективу развития России, обычно имеют в виду тот капитализм, который существует в развитых странах. Но забывают или не хотят знать историю, ведь чтобы войти в современную стадию капитализма развитых стран, надо пройти этап первоначального накопления капитала, этап дикого капитализма.

Между тем сам западный либерализм переживает кризис. Под его влиянием в общественной мысли российского общества начался отход от слепого следования единому стандарту демократии. В общественном сознании утвердилось мнение, что единого образца демократии не может быть. Она не является раз и навсегда данной. Демократия является результатом деятельности того или иного общества, получает развитие вместе с обществом. Россия принимает те ценности западной демократии, которые вписываются в традиции общества и соответствуют объективной обстановке, сложившейся в стране. Такой подход был выбран к определению дальнейшего развития демократии в России. Он исходит из здравого смысла, из накопленного опыта как российского, так и других стран.

Появление значительного числа теорий переходного периода вызвало целый ряд отличных от эталонной формулировок демократии, таких как «авторитарная демократия», «электоральная демократия»,

«полудемократия», «псевдodemократия» «фасадная демократия» и т. п. Для описания нового качественного состояния современной России и ее отличия от предшествующего используются термины «управляемая демократия», «делегативная демократия» и др. С недавнего времени в отечественной литературе актуальной стала идея суверенной демократии, ставшая ядром идеологии партии «Единая Россия». Эта идея отражает взгляды авторов суверенной демократии на обеспечение независимости России.

В условиях поиска путей выхода России из кризиса в общественном сознании возродилась евразийская концепция, основанная на самодостаточности и особенностях русской цивилизации. Ее идеи были вызваны к жизни вопросами, волновавшими русскую философскую мысль: можно ли вообще преодолеть европоцентристскую схему культурно-исторического развития? представляет ли собой Россия особую цивилизационную общность? Именно концептуализацией «месторазвития» и выделялась евразийская концепция [59, с. 51]. Эти вопросы являются актуальными и в настоящее время.

Каковы же причины, которые лежат в основе возрождения евразийства? Чем можно объяснить этот феномен? Во-первых, тем, что после распада СССР его территория стала политически неорганизованным пространством, расположенным между Западом и Востоком. Здесь Запад и Восток вошли в непосредственное соприкосновение без прежней промежуточной зоны. При этом сохранилась веками выработанная подозрительность к западным соседям, их корыстным замыслам. Эта ситуация еще более усугубляется отсутствием обещанной экономической помощи со стороны Запада. Отсюда вполне естественная реакция обращения в сторону Востока. Во-вторых, возрождение евразийской концепции обусловлено тем, что превращение биполярного мира в многополярный, утрата Россией статуса великой мировой сверхдержавы вызвали рост интереса к геополитическим теориям [84, с. 18]. Для многих исследователей Россия становится объектом особого внимания. Рассмотрение ими нового

положения России в мире стимулирует их к внесению геополитической составляющей в исторические, историософские и культурологические исследования. В-третьих, новым стимулом возрождения концепций евразийского типа, стремления рассмотреть Россию как евразийскую цивилизацию дает оттеснение России с Запада в результате распада СССР. «Ирония, – отмечает А. С. Ахиезер, – а возможно сарказм истории, заключается в том, что очередная попытка преодолеть изоляцию от Запада, от стран господствующего либерализма сопровождалась геополитическим оттеснением на Восток» [228, с. 41]. Еще одной важной причиной актуализации евразийства является то, что после крушения Советского Союза произошел возврат к архаическому состоянию евразийского пространства: активизировались, казалось бы, ушедшие в небытие этноцентризм, национализм и сепаратизм, религиозный фундаментализм, на постсоветском пространстве вспыхнули военные конфликты. Такое состояние евразийского пространства угрожает государствам СНГ утратой своей целостности и самостоятельности.

Критики евразийства рассматривают его как антиевропейское тоталитарное учение, как уникальную просоветскую теорию: евразобольшевистскую. Термин «Евразия» «[...] стал кодом, стал своего рода паролем советского посткоммунистического менталитета [...]. Евразийство как раз и превращается постепенно в проекцию советского менталитета на XXI век» [240, с. 48]. Возрастающий интерес к евразийскому учению они объясняют стремлением отдельных политических партий опереться на него в интересах возрождения и утверждения великодержавных и националистических идей. Тезис об особости России, являющийся основой теории евразийства, по их мнению, во все возрастающей степени становится прибежищем националистически ориентированного политиканства, государственников, патриотов и национал-патриотов.

Подвергая критике евразийцев, В. Г. Лысенко пишет: «Эта всеобъединяющая эмоция затмевает от участников процесса явные

нестыковки в их собственных целях и устремлениях. Провозглашая лозунг «Россия для русских» и одновременно вынашивая планы восстановления советской империи, они будто не понимают, что первое, грозящее распадом существующей страны [...] никак не будет способствовать второму» [159, с. 64]. А. С. Панарин, отвечая критикам евразийства, замечает: «[...] невозможно игнорировать тот факт, что их сознанию открываются те реалии нового государственного, геополитического положения России в мире, которые демократические “оптимисты” предпочитают не замечать» [204, с. 19, 20].

Основанная на идеях евразийства, получает развитие монархическая концепция. Она проявилась в деятельности различных группировок, наиболее серьезными из которых стали Православная монархистская конституционная партия и Всероссийская партия монархистского центра. Спасение они видят в возрождении единой и неделимой России, возвращении к самодержавной монархии. «Без царя Россия – вдова, а народ ее – сироты», – заявляют они [162, с. 3]. Для укрепления своих позиций монархисты обращаются к истории. В Николае II они видят выдающегося деятеля, осознавшего, «как никто другой», ответственность за судьбы россиян, «в нем слились воедино великая Россия и Святая Русь» [305, с. 3].

За восстановление российской монархии, как ни странно, выступают и некоторые современные западники, которые призывают Россию вернуться в Европу. По мнению одного из их представителей, А. Зубова, для того чтобы реставрировать в России демократическую государственность, необходимо восстановить на русском престоле династию Романовых. Это положение он объясняет тем, что сегодняшняя Россия в правовом отношении является продолжателем тоталитарного Советского Союза, а не дореволюционной России, которая, по его мнению, была европейской нацией. Советский Союз, считает А. Зубов, порвал все отношения с европейской культурой и, более того, представлял ее отрицание. Именно для того, чтобы России перейти с социалистического пути развития на путь ее подлинно исторического

развития, необходимо возродить историческую династию русских императоров. В то же время, А. Зубов оговаривается, что монархия в России не должна быть абсолютной. Возрожденная императорская Россия должна представлять собой монархию, схожую с монархиями европейских государств. И пока этого не произойдет, Россия будет «ощущать себя последним “осколком великой” советской державы» [81, с. 37]. И для такой России ворота в Европу накрепко закрыты «[...] как и для германских неонацистов или для итальянских поклонников Муссолини» [81, с. 37].

Как представляется, стремление к возрождению монархии есть попытка возрождения прошлого, его идеализация. В этом просматривается переориентация сознания от перспектив будущего России на ретроспективную утопию, когда «[...] упование на то, что “все впереди” сменяется сетованиями о том, что “все позади”» [297, с. 48].

Выбор одного из существующих вариантов развития еще не означает, что другие альтернативы бесследно исчезли. Эти альтернативы сохраняются в исторической памяти и при определенных обстоятельствах нереализованные варианты развития России могут стать реальностью. Еще живы люди того поколения, которое имеет непосредственное отношение к выбору исторической альтернативы. Они хранят в своей памяти былое в его незавершенности и пытаются осмыслить минувшие события. «Настоящее не является для них единственно возможным следствием прошлого, непосредственное восприятие которого сохранилось в их памяти [...]» [312, с. 80].

В настоящее время стремятся взять реванш российские социал-демократы, заявляя о том, что только они могут решить проблемы российского общества. Выражается стремление к объединению в единую партию. Идеологи социал-демократии активизируют свое влияние на сознание населения страны, исследуют её исторические основания, ведут пропаганду теории и практики западноевропейской социал-демократии. Вместе с тем, даже не обращаясь к далекому прошлому этого движения,

подчеркнем, что уже в конце 1980 – начале 1990-х годов, после краха перестройки, обострился кризис социал-демократии в России. Ввиду этого, Р. Дарендорф и Г. Рормозер уверенно заявили: «[...] век социал-демократизма достиг своих целей и идет к концу» [227, с. 118].

В конце XX столетия в качестве национально-государственной идеи была выдвинута идея державности. Такому выбору способствовала обстановка, сложившаяся в России в тот период, когда страна в течение нескольких лет прошла путь от коммунистической идеологии через увлеченность идеологической «свободой от» к параду суверенитетов. Эта ситуация вызвала в широких слоях общества потребность в идее державности. В общественном сознании утверждалась мысль о том, что порядок в стране несовместим со свободой, он возможен только при условии сильной власти. В выборе идей державности ее сторонники также исходят из того, что в нашей стране еще не исчерпаны исторические возможности, что она имеет прекрасное будущее, а идея державности имеет глубокие исторические корни, которые хранятся в исторической памяти народа. «Полезность государства, – отмечает В. Панков, – его роль собирателя народов, символа национальной мощи, заступника и строгого судьи никогда у нас всерьез не подвергались ревизии» [205, с. 83].

Рассматривая международные отношения в понятиях борьбы за ресурсы и власть, главной угрозой миру Г. В. Осипов считает те силы, которые заинтересованы в дестабилизации баланса сил, сложившихся на международной арене. Чтобы этот баланс сил был сохранен, хотя бы в Евразии, он считает необходимым сделать Россию великой державой и суверенным государством, которая могла бы стать противовесом гегемонизму Запада. Как подчеркивает Г. В. Осипов, «[...] такая Россия нужна миру как надежный гарант международной безопасности и сдерживающий фактор против военно-политической агрессии в любой части планеты» [200, с. 9]. В то же время, в его представлениях, Россия не является изначально враждебной западному миру, напротив, она стремится

установить добрососедские отношения и взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами мира [200, с. 9].

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» выдвигается задача превращения России в мировую державу [1].

В настоящее время в общественном сознании сложилось ясное понимание того, что выбор направления дальнейшего развития России должен опираться на историческое прошлое страны, собственную специфику, менталитет народа с учетом политических, экономических, социальных условий, сложившихся в стране. Но это не значит полностью отвернуться от зарубежных идей и средств, свернуть на дорогу обязательного поиска особого пути. Поэтому вряд ли исторически правы те, кто отстаивает исключительно «особый путь» России, который может привести к ее изоляции от внешнего мира, отказывается от использования достижений теории и практики мирового развития.

Как справедливо отмечает В. И. Кудашов: «Вместо прислуживания западничеству или изоляционизму необходимо найти идейные основы для социального компромисса и широкого социального партнерства. Необходима общенациональная консолидация, но не в попытке имитации Запада [...] и не в новом горделивом отгораживании [...], а в согласии относительно комплекса главных национальных стратегий для успешного соперничества и победы в жестких условиях открытости ветрам геоэкономики, геополитики и геокультуры» [136].

Как представляется, в выборе пути дальнейшего развития России не должно быть места «эталонной» демократии Запада, которая ведет к вестернизации. Неприемлемо и евразийство, которое ведет к изоляции России от внешнего мира. Исторический путь России должен быть основан на ее собственном историческом опыте с использованием элементов положительного мирового опыта. Современную Россию нельзя отделить от ее многовековой истории, осмысление которой только и может указать

верный ориентир на пути продвижения России к новому качественному состоянию.

Что касается ее исторического места в мире, то Россия должна строить партнерские отношения со всеми странами мира, будь то Восток или Запад, ясно представлять свои интересы на международной арене и уметь их отстаивать. А для этого необходимы высокий патриотический дух российского народа, развитая свободная экономика, высококачественное образование и наука, и боеспособные вооруженные силы.

Выводы:

Во-первых, идентификационный кризис России обусловлен переходом от идентичности советской к новой идентичности, которая еще до конца не определена. Этот кризис переживает все российское общество, которое сегодня не имеет ясного представления о своей принадлежности к определенной общности, тех ценностях, которые должны принадлежать всему народу, государству.

Во-вторых, путь преемственности, восстановления российской идентичности лежит через возвращение к российской исторической системе ценностей, выявление и возрождению основ национально-государственной идеи.

В-третьих, в основе поиска путей для преодоления кризиса российского общества должна стать национально-государственная идея, объединяющая людей и народ осознанием национальных интересов России. Следовательно, нужна научная теория, которая вобрала бы в себя мировой опыт и опиралась на самобытность России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важным методологическим принципом изучения исторического сознания как фактора социальной стабильности является феноменолого-герменевтический подход, определяемый многообразием связей и отношений этого феномена с рядом других форм общественного сознания – политическим, экономическим, экологическим, философским, нравственных и др. Он позволяет раскрыть разные стороны и грани феномена исторического сознания.

Являясь духовным продуктом социальных процессов, специфической формой общественного сознания, историческое сознание по своему содержанию представляет собой отражение прошлой действительности, в ее связи с настоящим и будущим, необходимость обращения к которой обусловлено практическими потребностями общества и человека. Внутренняя организация содержания исторического сознания проявляется в различных формах, представляющих собой способ существования данного феномена.

В кризисные периоды развития общества историческое сознание выступает одним из важных факторов социальной стабильности. Механизм формирования стабилизационного исторического сознания представляет собой распространение, трансляцию теоретических концепций, идеологических доктрин, социально-психологических установок, нормативного исторического знания, которые распространяются посредством изучения курса истории России в школе, вузе, через средства массовой информации и коммуникации.

Стабилизационному историческому сознанию, способному оказать позитивное влияние на устойчивое состояние общества, присущ ряд характерных черт, рассматриваемых как с гносеологической, так и социально-философской стороны.

В современных условиях историческая память, представляя собой средство передачи информации от поколения к поколению, подвергается

сознательному конструированию со стороны государства в интересах обеспечения стабильности российского общества.

В стабильные исторические периоды вопросы исторического познания, и о смысле истории не встают с достаточной остротой. В кризисные периоды жизни общества роль исторического сознания как фактора социальной стабильности неизмеримо возрастает.

В условиях кризиса происходят фундаментальные перемены в условиях существования человеческой цивилизации, резко меняется ритм движения общественных процессов. Скорости глобализирующего мира кардинально меняют соотношения традиционного и нового. В кризисных условиях происходят размывание идентичности, утрата идеалов и ценностей, прерывается связь между историческими корнями и будущим. В такой ситуации остро встает социальная задача найти в прошлом ответы на актуальные вопросы современности, извлечь из истории уроки.

В кризисные периоды социума историческое сознание подвергается мощному давлению извне, меняется взаимоположение его форм в его структуре. Характерными особенностями исторического сознания кризисного общества является его политизация, мифологизация, популизм и ригоризм, эмоциональность и экспрессивность. Широкое распространение получают критические мотивы, отрицающие основы существующего общества, подвергающие сомнению нормативное историческое знание, выработанное в стабильные периоды жизни общества.

Разразившийся современный глобальный кризис имеет глубокие причины. В первую очередь, это современные глобализационные процессы, негативными следствиями которых является социальная нестабильность, неуправляемость, рост новых угроз человечеству. К возникновению кризиса также привели количественные и качественные изменения в развитии мирового сообщества, в системе «человек-природа», а также новое соотношение сил на международной арене, результатом которой явилось формирование монополярного мира.

Современный глобальный кризис также имеет свои особенности. Это кризис социокультурный, охвативший и сферу общественных отношений и культуру. По своим коренным основаниям он является кризисом аксиологическим. Кризис также носит экзистенциальный характер, как проявление сущностных процессов, происходящих в современном обществе.

Глобальный кризис проявился в кризисе европоцентристского исторического сознания, основанного на расовом, национальном и экономическом превосходстве европейской цивилизации над остальными народами. В основе кризиса европоцентристского исторического сознания лежит кризис рационализма. Запад, породив гигантски мощную технонауку, запустив планетарный научно-технический процесс, идеологию безудержного потребительства, не создал прочной нравственно-мировоззренческой основы, гарантирующей человечеству достойное будущее.

В условиях системного кризиса проявилась общая закономерность кризисного социума, заключающаяся в усилении политизации исторического сознания и истории. Болевой точкой исторического сознания становится тема глобализации. Кризис рационализма, старого миропорядка, основанного на гегемонии США, ставит под сомнение объективность самого процесса нынешнего этапа глобализации, вызывает протест многих стран и народов. При такой недостаточной обоснованности адепты глобализации обращаются к истории, чтобы оправдать ее закономерный характер, представить как единственный для всех народов путь исторического развития. Критики обращаются к истории, чтобы доказать субъективный, искусственный характер глобализации. В то же время в историческом сознании не сложилось ясного представления о глобализации как историческом феномене, она не получила оправдания историей, из-за чего выглядит спонтанным, самоподдерживающимся процессом.

Политизация исторического сознания проявляется в противоречивых мировых тенденциях национализма и космополитизма. Идеологи-глобалисты

отстаивают приоритет общепланетарных ценностей, имея в виду, прежде всего, западные ценности, а с другой стороны, противоположная сторона настаивает на сохранении приверженности национальному государству. Эти противоречивые тенденции выступают как космополитизм и национализм.

В обстановке глобального кризиса историческое сознание российского общества характеризуется поляризацией общественного мнения об основных этапах отечественной истории. Можно с удовлетворением утверждать, что процесс исторического познания в последнее время стал приобретать черты большей объективности. Сегодня причины кризисной ситуации в современной России видятся не только в советском периоде, но и самом характере развития российского государства.

Глобальный кризис выдвинул на первое место практически-политическую функцию исторического сознания, остро поставил вопрос поиска смысла истории, его связи со смыслами отдельных эпох, с направленностью будущего развития.

Зародившаяся в эпоху Просвещения в европоцентристском историческом сознании идея прогресса как центральная проблема смысла истории была подвергнута серьезному испытанию опытом XX века. Продолжить линию прогресса была призвана родившаяся на Западе новая концепция истории – модернизация, построенная на посылах западного превосходства над остальным миром. В конце XX века новым мегатрендом, сформированным в европоцентристском историческом сознании и призванным сменить модернизацию, стала глобализация, интерпретируемая как этап глобальной или универсальной истории, а по существу представляющая собой вестернизацию.

Современный глобальный кризис имеет особую природу. Он относится не только к конкретным формам социально-экономической жизни и культуры, но и фундаментальным основаниям человеческого бытия как такового. Он затронул систему базовых жизненных целей, ценностей и смыслов, определяющих представления людей о самих себе, о том, к каким

человеческим общностям они должны принадлежать. Все это проявляется в сознании и социальном поведении людей как кризис идентичности.

Европоцентристский подход к решению проблемы идентификации состоит в том, чтобы сформировать идентичность людей, соответствующую западным ценностям, то есть речь идет о вестернизации идентичности незападных народов. Европоцентристской схеме мирового исторического развития как реальность противостоят национальные особенности, менталитет, социокультурный уклад, религиозные верования того или иного социума.

В условиях поиска путей выхода из системного кризиса остро встал вопрос, готов ли Запад к равному сотрудничеству с Россией как цивилизованным государством. Проблема сохранения своей уникальности, идентичности как важного условия дальнейшего развития остро стоит перед Россией.

На протяжении многих веков в европоцентристском историческом сознании сложилось преимущественно враждебное отношение к России. На его основе в европоцентристском историческом сознании сформировалась идея расчленения России, реализовать которую стремятся некоторые правительственные круги западноевропейских государств и США.

Важным фактором самоидентификации России, её социальной ориентации, определения направления исторического процесса выступает историческое сознание. Уроки истории учат, что обеспечение стабильности и устойчивого развития возможны через выявление основ национально-государственной идеи, способной сплотить народ общностью национальных интересов страны. Определяя направление дальнейшего развития России, необходимо учитывать мировой опыт и исторический опыт страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. – 2009. – 19 мая.
2. Абрамов, Ю. Ф. К проблеме познания эколого-информационного этапа развития глобальной цивилизации XXI века (Статья первая: Глобальная регионалистика) / Ю. Ф. Абрамов, В. И. Куйбарь // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Философия науки». – 2012. – № 1 (5). – С. 52 – 61.
3. Ажимов, Ф. Е. Культурно-исторический подход в гуманитарных науках: проблемы и перспективы (обзор научной конференции) / Ф. Е. Ажимов, А. Г. Шукшина, И. О. Щедрина // Вопросы философии. – 2012. – № 7. – С. 170 – 173.
4. Азроянц, Э. А. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? / Э. А. Азроянц. – М.: Феникс, 2002. – 435 с.
5. Академик Иван Тимофеевич Фролов. Очерки, воспоминания, материалы. – М., 2001. – 567 с.
6. Актон, Дж. Э. Э. Очерки становления свободы / Дж. Э. Э. Актон; пер. Ю. Калкера. – L.: Overseas, 1992. – 207 с.
7. Андреев, А. Л. Историческое самосознание. Теория. История. Практика / А. Л. Андреев. – Красноярск: РИО КГПУ, 2002. – 280 с.
8. Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит. – М.: Европа, 2007. – 612 с.
9. Араб-оглы, Э. А. Европейская цивилизация и общечеловеческие ценности / Э. А. Араб-оглы // Вопросы философии. – 1990. – № 8. – С. 10-12
10. Арон, Р. Лекции по философии истории: курс лекций в Коллеж де Франс / Р. Арон. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 335 с.
11. Арон, Р. Измерения исторического сознания: пер. с фр. / Р. Арон. – 2-е изд. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 192 с.

12. Артамонов, В. Катастрофы в истории российской государственности / В. Артамонов // *Общественные науки и современность*. – 1994. – № 3. – С. 61 – 68.
13. Ахиезер, А. С. Проблема субъекта: человек-субъект / А. С. Ахиезер // *Вопросы философии*. – 2007. – № 12. – С. 3 – 15.
14. Баграмов, Э. А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов / Э. А. Баграмов // *Вопросы философии*. – 2010. – № 2. – С. 34 – 51.
15. Барабанов, Е. В. Русская философия и кризис идентичности / Е. В. Барабанов // *Вопросы философии*. – 1991. – № 8. – С. 116 – 122.
16. Барботько, Л. М. Россия в поиске идей / Л. М. Барботько, В. А. Войтов, Э. М. Мирский. URL: [http:// www.indem.ru](http://www.indem.ru)
17. Барботько, Л. М. Тотальная идеология против тоталитарного государства / Л. М. Барботько, В. А. Войтов, Э. М. Мирский // *Вопросы философии*. – 2000. – № 11. – С. 12 – 26.
18. Барг, М. А. Историческое сознание как проблема историографии / М. А. Барг // *Вопросы истории*. – 1982. – № 12. – С. 49 – 66.
19. Барг, М. А. Эпохи и идеи: становление историзма / М. А. Барг. – М.: Мысль, 1987. – 348 с.
20. Батурин, В. К. Проблемы развития российской цивилизации (обзор Всероссийского философского форума) / В. К. Батурин // *Вопросы философии*. – 2012. – № 7. – С. 174 – 177.
21. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-традиция, 2003. – 384 с.
22. Бек, У. Космополитическое мировоззрение / У. Бек. – М., 2008. – 336 с.
23. Белл, Д., Иноземцев В. Эпоха разобщенности / Д. Белл. – М., 2007. – 304 с.
24. Бердяев, Н. А. Мирозерцание Достоевского // Н. А. Бердяев. О русских классиках. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 144 – 145.

25. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. – 1990. – № 1. – С. 77 – 144; № 2. – С. 87 – 154.
26. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 175 с.
27. Бехман, Г. Современное общество как общество риска / Г. Бехман // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 26 – 46.
28. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. – М.: Международные отношения, 1998. – 256 с.
29. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка: пер. с фр. / М. Блок. – 2-е изд. – М., 1986. – 254 с.
30. Бойцов, М. А. Вперед, к Геродоту! / М. А. Бойцов // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. – М., 1999. – С. 17 – 41.
31. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. – М.: Республика, 1995. – 464 с.
32. Бэкон, Ф. Приготовление к естественной и экспериментальной истории // Ф. Бэкон. Собр. соч. : в 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1978. – 575 с.
33. Валлерстайн, Э. После либерализма: пер. с англ. / Э. Валлерстайн; под ред. Ю. Кагарлицкого. – М.: УРРС, 2003. – 256 с.
34. Вдовин, А. И. Русские в XX веке / А. И. Вдовин. – М.: Олма-пресс, 2004. – 448 с.
35. Верт, Н. История Советского государства. 1900–1991: пер. с фр. / Н. Верт. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М; Изд-во «Весь мир», 2000. – 544 с.
36. Вико, Д. Основания новой науки об общей природе наций / Д. Вико. – М. – Киев: REFL-book – ИСА, 1994. – 656 с.
37. Виндельбанд, В. Избранное. Дух и история / В. Виндельбанд. – М.: Юристъ, 1995. – 687 с.
38. Виндельбанд, В. Прелюдии. – М.: Кучково поле, 2007. – 393 с.
39. Вокруг раскрестьянивания. Материалы «круглого стола» //

- В человеческом измерении. – М.: Прогресс, 1989. – С. 129 – 147.
40. Волгин, О. С. Идея прогресса в русской религиозной философии серебряного века: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / О. С. Волгин. – М., 2004. – 45 с.
41. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина. – Кн. 1. – Ч. 1. – М., 1989. – 96 с.
42. ВЦИОМ: рейтинг доверия Путину достиг 85,9 % // Ведомости. – 2014. – 15 мая. – Режим доступа
<http://www.vedomosti.ru/politics/news/26532581/vciom-rejting-doveriya-putina-dostig-859>
43. Гаврилов, О. Ф. Историческое сознание и его социальные функции / методологический анализ: дис. ... канд. филос. наук / О. Ф. Гаврилов. – Томск, 1986. – 175 с.
44. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
45. Гаджиев, К. С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2010. – № 6. – С. 3–19.
46. Гайдар, Е. Т. Это решение – чисто политическое / Е. Т. Гайдар // Известия. – 1994. – 20 янв.
47. Гайер, Д. Насилие и история в посткоммунистическое время / Д. Гайер // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 26 – 31.
48. Ганчев, П. Глобализация цивилизации и необходимость новой формы философии / П. Ганчев // Вопросы философии. – 2007. – № 8. – С. 160 – 165.
49. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука. – 2000. – 479 с.
50. Гегель, Г. В. Ф. Философия истории. Введение / Г. В. Ф. Гегель // Философия истории. Антология. – М.: Аспект Пресс, 1994. – С. 77 – 78.

51. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения: в 8 т. Т. 8. Философия истории / под. ред. Ф. А. Горохова. – М. – Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 470 с.
52. Гезалов, А. А. Глобализация и мировоззрение / А. А. Гезалов // Вопросы философии. – 2012. – № 7. – С. 167 – 169.
53. Гемпель, К. Функция общих законов в истории / К. Гемпель // Время мира. Вып. I: Историческая макросоциология в XX веке. – Новосибирск, 2000. – С. 13 – 26.
54. Гензелис, Б. К. Человек и историческое сознание / Б. К. Гензелис // Некоторые аспекты философского понимания человека. – Вильнюс: АН Лит. ССР. Ин-т философии, социологии и права. Лит. отд-ние филос. общ-ва СССР, 1987. – С. 25 – 35.
55. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества: пер. с нем. / И. Г. Гердер. – М., 1977. – 703 с.
56. Глинчикова, А. Г. Социальное значение русского раскола / А. Г. Глинчикова // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 17 – 28.
57. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского: пер. с англ. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 646 с.
58. Гобино, Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас / Ж. А. Гобино. – М.: Одиссей; ОЛМА – ПРЕСС, 2001. – 768 с.
59. Горяев, А. Т. Евразийство: «научный замысел» и практические реалии / А. Т. Горяев. – М.: Элиста, 2001. – 160 с.
60. Гранин, Ю. Д. «Глобализация» или «вестернизация»? / Ю. Д. Гранин // Вопросы философии. – 2008. – № 2. – С. 3 – 15.
61. Грякалов, А. А. Контекст глобализации и философия события / А. А. Грякалов // Глобализация: pro et contra : материалы Междунар. конф. «Глобализационный вызов истории на рубеже тысячелетий: приоритеты российской культуры и искусства». – СПб. : Астерион, 2006. – С. 22 – 32.
62. Гудсблом, Й. История человечества и долговременные социальные

- процессы: к синтезу хронологии и фазеологии / Й. Гудсблом // Время мира. Альманах. Вып. 2. Структура истории. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С. 117 – 132.
63. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2007. – № 6. – С. 57 – 82.
64. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль: Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. – С. 289 – 542.
65. Давыдов Ю. Н. Стабилизационное сознание в век кризиса: его основополагающие категории / Ю. Н. Давыдов // История теоретической социологии: в 4 т. Т. 3 / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. – М.: Канон +, 2002. – С. 5 – 28.
66. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – 2-е изд. – М.: Институт русской цивилизации. Благословение, 2011. – 816 с.
67. Дедков, И. Октябрьская годовщина / И. Дедков // Свободная мысль. – 1991. – № 16. – С. 3 – 6.
68. Демократия и тоталитаризм. Материалы дискуссий // Свободная мысль. – 1991. – № 15. – С. 30 – 42.
69. Джегутанов, Б. К. Глобализация и актуальные проблемы российских реформ: дис. ... д-ра филос. наук / Б. К. Джегутанов. – СПб., 2003. – 322 с.
70. Доманска, Э. Философия истории после постмодернизма / Э. Доманска; пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь мир», 2000. – 296 с.
71. Диалог культур в глобализирующемся мире. Мировоззренческие аспекты / отв. ред. В. С. Степин, А. А. Гусейнов. – М.: Наука, 2005. – 428 с.

72. Дилемма глобализации. Социумы и цивилизации: иллюзии и риски. – М.: Вариант, 2002. – 528 с.
73. Дройзен, И. Г. Энциклопедия и методология истории / И. Г. Дройзен. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. – 581 с.
74. Дэвис, Н. Эллада // История. – 2001. – № 1. – С. 9 – 16.
75. Железнова, Н. А. Глобализация: индийский ответ на мировой вызов / Н. А. Железнова // Вопросы философии. – 2009. – № 7. – С. 54 – 66.
76. Жириновский, В. В. «Я – союзник, а не попутчик» / В. В. Жириновский. – М., 1996. – 60 с.
77. Замошкин, Ю. А. «Конец истории»: идеологизм и реализм / Ю. А. Замошкин // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 148 – 155.
78. Западные СМИ о кризисе «эталонной демократии». – М., 2006. – 352 с.
79. Зеленко, Б. И. Демократия и современная Россия: непростое сочетание / Б. И. Зеленко // Вопросы философии. – 2008. – № 5. – С. 3 – 13.
80. Знание в современной культуре (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2012. – № 9. – С. 3 – 45.
81. Зубов, А. Карта Европы: с Россией или без нее / А. Зубов // Вопросы философии. – 2005. – № 12. – С. 30 – 38.
82. Зуев, К. Существует ли смысл истории? / О философии истории К. Поппера / К. Зуев // Общественные науки и современность. – 1994. – № 5. – С. 118 – 127.
83. Иванченко, В. Глобализация и общественный менталитет / В. Иванченко // Вопросы экономики. – 2001. – № 12. – С. 146 – 150.
84. Игрицкий, Ю. И. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа / Ю. И. Игрицкий // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 3 – 23.

85. Избери жизнь. Диалог Арнольда Тойнби и Дайсаку Икеды. – М.: Изд-во МГУ, 2007. – 448 с.
86. Извеков, А. И. Америка: миф о превосходстве, или Ничто не повторяется / А. И. Извеков // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 43 – 48.
87. Ильин, И. А. Наши задачи / И. А. Ильин. – Париж-Москва, 1992. – 257 с.
88. Ильин, И. А. О русском национализме: сб. статей / И. А. Ильин. – М.: Российский фонд культуры. – 2007. – 152 с.
89. Имада, Т. Контон-но тикара // Сила Хаоса / Т. Имада.– Токио, 1994.
90. Иного не дано. – М.: Прогресс, 1988. – 675 с.
91. Иноземцев, В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация / В. Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 58 – 69.
92. Иноземцев, В. Л. Расколота цивилизация / В. Л. Иноземцев. – М., 1999. – 724 с.
93. Ионов, И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблема взаимодействия / И. Н. Ионов; [отв. ред. Л. П. Репина]; Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука, 2007. – 499 с.
94. Искендеров, А. А. Очерки новейшей истории советского общества / А. А. Искендеров // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 69 – 91.
95. История России. С древнейших времен до начала XXI века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматулин и др.; под ред. А. Н. Сахарова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2008. – 1263 с.
96. История теоретической социологии. Стабилизационное сознание и социологическая теория в век кризиса: фундаментальный учебник: отв. ред. Ю. Н. Давыдов. – М.: Академический проект: Гаудеамус, 2010. – 314 с.
97. История философии в кратком изложении; пер. с чеш. И. И. Богута. – М.: Москва, 1991. – 590 с.

98. Каменская, Р. А. Историческое сознание: дис. ... канд. филос. наук / Р. А. Каменская. – Волгоград, 1999. – 119 с.
99. Кант, И. Первое введение в критику способности суждения // И. Кант. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. – М.: Мысль, – 1966. – 548 с.
100. Кантор, К. М. Глобализация? – Да! Но какая? / К. М. Кантор // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 25 – 37.
101. Кантор, В. К. Западничество как проблема «русского пути» / В. К. Кантор // Вопросы философии. – 1993. – № 4. – С. 24 – 34.
102. Кара-Мурза, С. Г. «Общество знания»: подавление этики / С. Г. Кара-Мурза // Социально-гуманитарное знание. – 2009. – № 1. – С. 39 – 55.
103. Карлова, О. А. Миф и мифологическое сознание: гносеологические и онтологические основания: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / О. А. Карлова, – Красноярск, 2001. – 42 с.
104. Карсавин, Л. П. Философия истории / Л. П. Карсавин. – СПб., 1993. – 351 с.
105. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ВШЭ, 2000. – 608 с.
106. Келле, В. Ж. Социально-нравственное направление в творчестве И. Т. Фролова / В. Ж. Келле // Вопросы философии. – 2009. – № 8. – С. 3 – 16.
107. Келле, В. Ж., Теория и история (Проблема теории исторического процесса) / В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон. – М.: Политиздат, 1981. – 288 с.
108. Кессиди, Ф. Х. Философия истории Фукидида / Ф. Х. Кессиди. – СПб.: Алетейя, 2008. – 264 с.
109. Кимелев, Ю. А. Философия истории. Системно-исторический очерк / Ю. А. Кимелев // Философия истории: Антология: учеб. пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Аспект Пресс, 1995. – С. 3–19.
110. Киселев, Г. С. «Вторая Вселенная»: драма свободы / Г. С. Киселев //

- Вопросы философии. – 2010. – № 3. – С. 3 – 17.
111. Киселев, Г. С. Смыслы и ценности нового века // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 3 – 16.
112. Китахара, А. Реальность и идеальный образ общины (Япония и Таиланд) / А. Китахара // Философские науки. – 1996. – № 1. – С. 1 – 6.
113. Клименко, В. Россия: тупик в конце туннеля? / В. Клименко // Общественные науки и современность. – 1995. – № 5. – С. 71 – 80.
114. Ключевский, В. О. Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский. – М., 1983. – 365 с.
115. Ключевский, В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. / В. О. Ключевский. – М., 1991. – 335 с.
116. Ключевский, В. О. Собрание сочинений в 9 т. Т. III. – Ч. 3. / под ред. В. Л. Янина; послесл. и коммент. В. А. Александрова, В. Г. Зиминной. – М.: Мысль, 1988. – 414 с.
117. Ключевский, В. О. Сочинения: в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет / под ред. В. Л. Янина; послесл. и коммент. Р. А. Киреевой. – М.: Мысль, 1990. – 525 с.
118. Кнабе, Г. С. Гегель, Европа и рубеж тысячелетий / Г. С. Кнабе // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 3 – 15.
119. Когда рушатся империи... // Вопросы истории. — 1994. – № 7. – С. 165 – 166.
120. Козин, Н. Г. Идентификация. История. Человек / Н. Г. Козин // Вопросы философии. – 2011. – № 1. – С. 37 – 48.
121. Козлов, Н. Как мы делали свободный выбор / Н. Козлов // Свободная мысль. – 1992. – № 17. – С. 65 – 74.
122. Коллингвуд, Р. Идея истории. Автобиография / Р. Коллингвуд. – М., 1980. – 485 с.
123. Кон, И. С. Проблемы истории в истории философии / И. С. Кон // Методологические и историографические вопросы исторической науки. – Томск, 1986. Вып. 4. – С. 14 – 55.

124. Кондорсе, Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. А. Кондорсе // Философия истории. Антология. – М.: Гос. публ. истор. библ. России, 2011. – С. 38 – 49.
125. Конрад, Н. И. О смысле истории / Н. И. Конрад // Восток – Запад. – М., 1966. – 512 с.
126. Конт, О. Курс положительной философии / О. Конт. В 2 т. Т. 1.– СПб., 1900. – 176 с.
127. Конт, О. Основные законы социальной динамики, или общая теория естественного прогресса человечества / О. Конт // Философия истории. Антология. – М.: Аспект Пресс, 1994. – С. 116–131.
128. Копцева, Н. П. Проблема истины в философском познании: дис. ... д-ра филос. наук / Н. П. Копцева. – Иркутск, 2000. – 385 с.
129. Кормер, В. Ф. О карнавализации как генезисе «двойного сознания» / В. Ф. Кормер // Вопросы философии. – 1991. – № 1. – С. 166–185.
130. Краткий политический словарь. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: Политиздат, 1971. – 294 с.
131. Крашенинникова, В. Ю. На кого работаете? / В. Ю. Крашенинникова // Столетие: информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы, 2012. URL: http://www.stoletie.ru/rossiya_i_mir/na_kogo_rabotajete_2012-02-17.htm.
132. «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвящённый обсуждению книги Н. Н. Моисеева «Быть или не быть... человечеству?» // Вопросы философии. – 2000. – № 9. – С. 3 – 28.
133. Крымский, С. Б. Метаисторические ракурсы философии истории / С. Б. Крымский // Вопросы философии. – 2001. – № 6. – С. 32 – 41.
134. Крюков, В. М. Вокруг России: синтаксис Василия Розанова / В. М. Крюков // Вопросы философии. – 1994. – № 11. – С. 63 – 80.
135. Кудашов, В. И. История и теория формирования современного сознания: монография / В. И. Кудашов. – Красноярск: Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2004. – 171 с.

136. Кудашов, В. И. Университетская трансформация философии: История и перспективы: [http:// credonek/content/view/813/44](http://credonek/content/view/813/44)
137. Кукарцева, М. А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы / М. А. Кукарцева // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 44 – 55.
138. Кутковец, Т. И., Русские идеи / Т. И. Кутковец, И. М. Клямкин // Полис.–1997.– № 2. –С. 118 – 140.
139. Кутырев, В. А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) / В. А. Кутырев // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 68 – 80.
140. Кюстин, А. Россия в 1839 году: в 2 т. Т. I. / А. де Кюстин. – М., 1996.– 588 с.
141. Лавров, П. Л. Исторические письма: в 2 т. Т. 2. / П. Л. Лавров // Философия и социология. Избранные произведения.– М., 1965. – С. 5 – 289.
142. Лазарев, Ф. В. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход / Ф. В. Лазарев, С. А. Лебедев // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 95 – 115.
143. Лапкин, В. В. Что такое сталинизм / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Осмыслить культ Сталина. – М.: Прогресс, 1989. – С. 327 – 336.
144. Лапуж, Ж. В. Ариец и его социальная роль / Ж. В. Лапуж / Пер. с фр. А. А. Родионова; предисл. В. Б. Авдеева. – М.: Кучково поле; Медиа-групп, 2014.– 384 с.
145. Латышев, А. Н. Национальное и религиозное в историческом сознании: дис. ... канд. филос. наук / А. Н. Латышев. – М., 1991. – 201 с.
146. Левада, Ю. А. Историческое сознание и научный метод / Ю. А. Левада // Философские проблемы исторической науки. – М.: Наука, 1969. – С. 186 – 224.
147. Левада, Ю. Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина. –

- М.: Прогресс, 1989. – С. 448–459.
148. Лекторский, В. А. Проблема идентичности в трансформирующемся российском обществе и школе / В. А. Лекторский. – М.: ИППО, 2008. – 172 с.
149. Лекторский, В. А. Философия, познание, культура / В. А. Лекторский. – М. : Канон +, 2012.– 384 с.
150. Лекторский, В. А. Христианские ценности, либерализм, тоталитаризм, постмодернизм / В. А. Лекторский // Вопросы философии. – 2001. – № 4. – С. 3 – 9.
151. Леопа, А. В. Структура исторического сознания в условиях социокультурного кризиса: дис. ... канд. филос. наук / А. В. Леопа. – Красноярск, 2004. – 180 с.
152. Лернер, М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня: пер. с англ. / М. Лернер. – М.: Радуга, 1992. – 575 с.
153. Ливий, Т. История Рима от основания города. в 3 т. Т. 1 / Т. Ливий; пер. В. М. Смирин. – М.: Наука, 1989. – 702 с.
154. Лиштенан, Ф. Д. Вольтер: Фридрих II или Петр I / Ф. Д. Лиштенан // Вольтер и Россия. – М., 1999. – С. 106 – 116.
155. Лосев, А. Ф. Дерзание духа /А. Ф. Лосев. – М.: Книга по требованию, 2012. – 368 с.
156. Лосский, Н. О. Условия абсолютного добра / Н. О. Лосский. – М., 2001. – 368 с.
157. Лотман, Ю. М. Альтернативный вариант: Бесписьменная культура или культура до культуры ? / Ю. М. Лотман // Внутри мыслящих миров: Человек, текст – семиосфера – история. – М., 1977. – С. 344 – 356.
158. Лучицкая, С. И. Образ другого: проблематика исследования / С. И. Лучицкая // Восток – Запад: проблема взаимодействия и трансляции культур. – Саратов. – 2001. – С. 196 – 198.

159. Лысенко, В. Г. Познание чужого как способ самопознания: Запад, Индия, Россия (попытка ксенологии) / В. Г. Лысенко // Вопросы философии. – 2009. – № 11. – С. 61 – 78.
160. Люббе, Г. В ногу со временем. О сокращении нашего пребывания в настоящем / Г. Люббе // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 94 – 113.
161. Малахов, В. С. Еще раз о конце истории / В. С. Малахов // Вопросы философии. – 1994. – № 7, 8. – С. 48 – 50.
162. Манифест Союза «Христианское возрождение» // Земщина. – 1991. – № 1. – С. 3.
163. Маркова, Л. А. Субъект как наблюдатель / Л. А. Маркова // Вопросы философии. – 2011. – № 4. – С. 84 – 95.
164. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: в 9 т. Т. 8. – М.: Политиздат, 1985. – С. 115 – 217.
165. Маркс, К. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. соч.: в 9 т. – М.: Политиздат, 1985. – Т. 2. – С. 5 – 76.
166. Маркс, К. Разоблачение дипломатической истории в XVIII веке / К. Маркс // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С. 6 – 15.
167. Мартин, Г. П. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию: пер. с нем. / Г. П. Мартин, Х. Шуманн. – М.: Издательский дом «Альпина», – 2001. – 335 с.
168. Масарик, Т. Г. Россия и Европа: в 3 т. Т. 3 / Т. Г. Масарик.– СПб.: РХГИ, 2003. – 576 с.
169. Медушевская, О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008 – 358 с.
170. Медушевский, А. Н. Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания / А. Н. Медушевский / Вопросы философии. – 2009. – № 10.– С. 70 – 92.
171. Между либерализмом и популизмом не лежит ни пяди российской земли // Российские вести. – 2001. – 14 июня.

172. Межуев, В. М. О национальной идее / В. М. Межуев // Вопросы философии. – 1997. – № 12. – С. 3 – 14.
173. Межуев, В. М. Философия истории и историческая наука / В. М. Межуев // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 74 – 86.
174. Мезин, С. А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века / С. А. Мезин // Вопросы истории. – 2002. – № 10. – С. 148 – 157.
175. Менегальдо, Е. Русские в Париже. 1919–1939 / Е. Менегальдо. – М., 2001. – 248 с.
176. Микешина, Л. А. Трансцендентальные измерения гуманитарного знания / Л. А. Микешина // Вопросы философии. – 2006. – № 1. – С. 49 – 66.
177. Михайлов, Н. Реабилитация продолжается? Злободневные дополнения к изданной книге / Н. Михайлов // Коммунист. – 1991. – № 11. – С. 39 – 43.
178. Моисеев, Н. Н. Обращение к участникам «круглого стола» по теме: «Быть или не быть... человечеству?» / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. – 2000. – № 9. – С. 3 – 6.
179. Моисеев, Н. Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) / Н. Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 3 – 28.
180. Моисеев, Н. Н. Современный рационализм и мировоззренческие парадигмы / Н. Н. Моисеев // Общественные науки и современность. – 1994. – № 3. – С. 77 – 87.
181. Монтескье, Ш. О духе законов. XVIII / Ш. Монтескье // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России. – Саратов, 2001. – С. 91 – 97.
182. Морозова, Л. Е. Василий Иванович Шуйский / Л. Е. Морозова // Вопросы истории. – 2000. – № 10. – С. 72 – 97.
183. Моряков, В. И. Русское просветительство второй половины XVIII

- века / В. И. Моряков // Из истории общественно-политической мысли России. – М., 1994. – С. 33 – 34.
184. Мунье, Э. Что такое персонализм? / Э. Мунье. – М., 1994. – 128 с.
185. Мясникова, Л. А. Экономика постмодерна и отношения собственности / Л. А. Мясникова // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 5 – 16.
186. Назаретян, А. П. Универсальная (Большая) история – учебный курс и поле междисциплинарного сотрудничества / А. П. Назаретян // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 70 – 80.
187. Назаров, М. Тайна России. Историософия XX века / М. Назаров. – М.: Альманах «Русская идея». – Вып. 5. – 1999. – 736 с.
188. Нарочницкая, Н. А. Россия и русские в мировой истории / Н. А. Нарочницкая. – М.: Междунар. отношения, 2003. – 536 с.
189. Нарочницкая, Н. А. Россия и русские в современном мире / Н. А. Нарочницкая. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2010. – 416 с.
190. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др; пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского – М.: Праксис, 2002. — 416 с.
191. Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. – М., 2007. – 601 с.
192. Наше Отечество. Опыт политической истории: в 2 т. Т. 2. – М., 1991. – 620 с.
193. Неклесса, А. И. Трансмутация истории / А. И. Неклесса // Вопросы философии. – 2001. – № 3. – С. 58 – 71.
194. Нескрябина, О. Ф. Смысл и ценности человеческой индивидуальности: дис. ... д-ра филос. наук / О. Ф. Нескрябина, – СПб, 1996. – 323 с.
195. «Нетрадиционные религии» в посткоммунистической России // Вопросы философии. – 1996. – № 12. – С. 3 – 32.
196. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше. Соч.: в

- 2 т. Т. 1. – М: Мысль, 1990. – С. 158 – 230.
197. Октябрьская революция: Ожидания и результаты. Научная конференция в Москве // Отечественная история. – 1993. – № 4. – С. 212 – 216.
198. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. – 1989. – № 3.– С. 119 – 154.
199. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Кризис сознания / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: Прогресс, 1991. – 2009. – 489 с.
200. Осипов, Г. В. Россия: национальная идея и социальная стратегия / Г. В. Осипов // Вопросы философии. – 1997. – № 10. – С. 3 – 12.
201. Падалка, Н. В. Глобализация как феномен современной культуры (философско-антропологический анализ): дис. ... канд. филос. наук / Н. В. Падалка. — СПб., 2004. – 162 с.
202. Пайпс, Р. Россия при новом режиме / Р. Пайпс // Диалог. – 1991. – № 5. – С. 36 – 45.
203. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. – М.: «Эксмо-Пресс», 2002. – 416 с.
204. Панарин, А. С. Россия в Евразии: геополитические вызовы и цивилизационные ответы / А. С. Панарин // Вопросы философии. – 1994. – № 12. – С. 19 – 31.
205. Панков, В. Третий раскол? Опыт примирительного диалога / В. Панков // Диалог. – 1990. – № 6. – С. 75 – 86.
206. Панюков, А. И. Историческое сознание: сущность, структура и тенденции развития (методологический анализ): дис. ... канд. филос. наук / А. И. Панюков.– Красноярск, 1995. – 130 с.
207. Паутова, Л. А. Стабилизационное сознание: опыт социологического исследования: дис. ... д-ра социол. наук / Л. А. Паутова. – СПб., 2007. – 380 с.
208. Панфилова, Т. В. Проблема смысла истории / Т. В. Панфилова // Вопросы философии. – 2006. – № 12. – С. 11 – 23.

209. Перельгина, Е. Б. Социальная стабильность: от психологии до политики / Е. Б. Перельгина, А. И. Донцов. – М.: Эксмо, 2001. – 298 с.
210. Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель / сост. В. А. Иванов. – М.: Политиздат, 1989. – 494 с.
211. Перестройка и нравственность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1990. – № 7. – С. 3 – 24.
212. Плимак, Е. Г. Драма российских реформ и революций / сравнительно-политический анализ / Е. Г. Плимак, И. К. Пантин. – М.: Изд-во «Весь мир», 2000. – 360 с.
213. Плотников, Н. С. С. Н. Трубецкой и понятие «субъекта» в истории русской мысли / Н. С. Платонов // Вопросы философии. – 2007. – № 11. – с. 73 – 82.
214. Полторацкий, Н. Россия и революция. Русская религиозно-философская и национально-политическая мысль XX века: сб. статей / Н. Полторацкий. – Нью-Йорк, 1988. – 320 с.
215. Поппер, К. Логика и роль научного знания / К. Поппер. – М.: – Прогресс, 1983. – 604 с.
216. Поппер, К. Нищета историцизма / К. Поппер. – М.: – Прогресс – ВИА, 1993. – 187 с.
217. Попов, В. На развилке дорог. Была ли альтернатива сталинской модели развития / В. Попов, Н. Шмелев // Осмыслить культ Сталина. – М.: Прогресс, 1989. – С. 284 – 326.
218. Порус, В. Н. Имперское сознание... после империи? (размышления над книгой В. К. Кантора) / В. Н. Порус // Вопросы философии. – 2008. – № 9. – С. 125 – 134.
219. Порус, В. Н. У края культуры (философские очерки) / В. Н. Порус. – М.: Канон+, 2008. – 464 с.
220. Принципы перестройки: революционность мышления и действий // Правда. – 1988. – 5 апр.
221. Рашковский, Е. Б. Многозначный феномен идентичности: архаика,

- модерн, постмодерн / Е. Б. Рашковский // Вопросы философии. – 2011. – № 6. – С. 33 – 39.
222. Режим личной власти Сталина. К истории формирования. – М.: Прогресс, 1989. – 256 с.
223. Репина, Л. П. История исторического знания: пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
224. Риккерт, Г. Философия жизни / Г. Риккерт. – Киев: «Ника–Центр»; «Вист–С», 1998. – 507 с.
225. Риск исторического выбора в России (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1994. – № 5. – С. 3 – 26.
226. Розов, Н. С. Историческая макросоциология: методология и методы: учеб. пособие / Н. С. Розов. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2009. – 412 с.
227. Рормозер, Г. Кризис либерализма / Г. Рормозер. – М., 1996. – 318 с.
228. Россия в условиях стратегической нестабильности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1995. – № 9. – С. 3 – 42.
229. Румянцева, М. Ф. Теория истории / М. Ф. Румянцева. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 319 с.
230. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1969. – 183 с.
231. Руткевич, А. М. Времена идеологов. Философия истории «консервативной революции» / А. М. Руткевич // Вопросы философии. – 2008. – № 4. – С. 39 – 57.
232. Руткевич, М. Н. Философское значение концепции устойчивого развития / М. Н. Руткевич // Вопросы философии. – 2002. – № 11. – С. 24 – 35.
233. Савельева, И. М. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. Т. 1. Конструирование прошлого // И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб.: Наука, 2003. – 632 с.
234. Самиев, А. Х. Генезис и развитие исторического сознания /

- А. Х. Самиев. – Душанбе: Дионис, 1988. – 120 с.
235. Сантаяна, Дж. Прогресс в философии / Дж. Сантаяна // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 124 – 131.
236. Сахаров, А. Н. Демократия и воля в нашем Отечестве // Свободная мысль. – 1991. – № 17. – С. 42 – 53.
237. Свасьян, К. А. Prooemium / К. А. Свасьян // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 3 – 12.
238. Семенов, В. С. Социализм и революции XXI века: Россия и мир / В. С. Семенов. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 656 с.
239. Семенов, Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю. И. Семенов. – М.: Современные тетради, 2003. – 776 с.
240. Сендеров, В. А. Евразийство – миф XXI века? / В. А. Сендеров // Вопросы философии. – 2001. – № 4. – С. 47 – 55.
241. Сиба, Р. Мэйдзи То Ю Кокка (Государство Мэйдзи): в 2 т. / Р. Сиба. – Токио, 1994.
242. Сидорина, Т. Ю. Философия кризиса: учеб. пособие / Т. Ю. Сидорина. – М.: Флинта, Наука, 2003. – 456 с.
243. Скворцова, Е. Л. Япония: кризис культурной идентичности при встрече с западной цивилизацией / Е. Л. Скворцова // Вопросы философии. – 2012. – № 7 – С. 52 – 63.
244. Слинин, А. Я. Наука, культура и будущее общества. Отчуждение человека в перспективе глобализации мира / А. Я. Слинин. – СПб., 2001. – 377 с.
245. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – М., 1994. – 688 с.
246. Советское общество и советский человек – точка зрения Александра Зиновьева (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1992. – № 11. – С. 44 – 56.
247. Согрин, В. В. Идеология и историография в России:

- нерасторжимый брак? / В. В. Согрин // Вопросы философии. – 1996. – № 8. – С. 3 – 18.
248. Согрин, В. В. Уроки российской истории и современные реформы / В. В. Согрин // Вопросы философии. – 2002. – № 11. – С. 3 – 23.
249. Солнцева, С. А. Формула советской истории (взгляд на развитие России в условиях тотального государственного капитализма) / С. А. Солнцева // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 3 – 16.
250. Соловьев, В. С. Русская идея / В. С. Соловьев; пер. с фр. Г. А. Рачинского // Вопросы философии и психологии. Год XX, кн. 100 (V). – М., 1909. – С. 323 – 356.
251. Солоухин, В. Читая Ленина / В. Солоухин // Родина. – 1989. – № 10. – С. 16 – 17.
252. Социологический энциклопедический словарь / ред.-координатор Г. В. Осипов. – М.: ИНФРА-М Норма, 1998. – 488 с.
253. Сталинская модель социализма: становление, развитие, крах / 20–80-е годы // Вопросы истории КПСС. – 1990. – № 12. – С. 37 – 48.
254. Старжинский, В. П. История и теория: на пути преодоления непредсказуемости прошлого / В. П. Старжинский, А. С. Табачков // Вопросы философии. – 2010. – № 1. – С. 33 – 42.
255. Стариков, В. И. Философия, смысл и назначение истории, поиски перспектив / В. И. Стариков // XXI век: актуальные проблемы исторической науки. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / отв. ред. В. Н. Сидорцов. – Минск: БГУ, 2004. – С. 17 – 19.
256. Степанянц, М. Т. Восточные сценарии глобального мира / М. Т. Степанянц // Вопросы философии. – 2009. – № 7. – С. 35 – 43.
257. Степун, Ф. А. Письма к В. В. Вейdle / Ф. А. Степун // Вопросы философии. – 2009. – № 6. – С. 123 – 127.
258. Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма. – М.: Политиздат, 1989. – 512 с.

259. Тарасов, Б. Н. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе. Сб. ст. – М.: Кругъ, 2007. – 936 с.
260. Терехова, В. А. Миф как парадигма общественного сознания / В. А. Терехова // XXI век: будущее России в философском измерении: материалы Второго российского философского конгресса, 7–11 июня 1999 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – в 2 т. Т. 2. – С. 87 – 88.
261. Тойнби, А. Постижение истории / А. Тойнби. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 659 с.
262. Топорнин, Б. Н. Сильное государство – объективная потребность времени / Б. Н. Топорнин // Вопросы философии. – 2001. – № 7. – С. 3 – 24.
263. Тоффлер, Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М., 2001. – 560 с.
264. Тош, Д. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка: пер. с англ. / Д. Тош. – М., 2000. – 296 с.
265. Тощенко, Ж. Т. Этнократия: История и современность. Социологические очерки / Ж. Т. Тощенко. – М., 2003. – 432 с.
266. Троицкий, Е. С. Русская этнополитология: в 2 т. Т. 2. / Е. С. Троицкий. – М., 2001. – 454 с.
267. Трубицын, Д. В. Культурный детерминизм в концепции модернизации: философско-методологический анализ / Д. В. Трубицын // Вопросы философии. – 2009. – № 8. – С. 39 – 55.
268. Труфанова, Е. О. Идентичность и Я / Е. О. Труфанова // Вопросы философии. – 2008. – № 6. – С. 95 – 105.
269. Труфанова, Е. О. Человек в лабиринте идентичностей / Е. О. Труфанова // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 13 – 22.
270. Тыменецка, А.-Т. Феноменология отвечает на вызов прагматической проверки: мера / А.-Т. Тыменецка // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 145 – 162.

271. Уледов, А. К. Структура общественного сознания / А. К. Уледов – М. – 1968. – 324 с.
272. Урок дает история / под общ. ред. В. Г. Афанасьева, Г. Л. Смирнова; сост. А. А. Ильин. – М.: Политиздат. 1988. – 414 с.
273. Федотова, В. Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2002. – № 12. – С. 3–21.
274. Федотова, В. Г. Российская история в зеркале модернизации / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2009. – № 12. – С. 3 – 18.
275. Федотова, В. Г. Судьба России в зеркале методологии / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 1995. – № 12. – С. 21 – 34.
276. Федотова, В. Г. Типология модернизаций и способов их изучения / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С. 3 – 27.
277. Федотова, В. Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России / В. Г. Федотова // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 3 – 23.
278. Федотова, Н. Н. Изучение идентичности и контексты её формирования / Н. Н. Федотова. – М.: Культурная революция. – 2012. – 200 с.
279. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. – М., 1986. – 542 с.
280. Фридрих, К. О функциях одной мыслительной фигуры / К. Фридрих // Вопросы философии. – 1994. – № 7 – 8. – С. 50 – 58.
281. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М., 1977. – 406 с.
282. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 134 – 147.
283. Хабермас, Ю. Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40 – 52.

284. Хабермас, Ю. Расколотый запад: пер. с нем. / Ю. Хабермас. – М., 2008. – 192 с.
285. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
286. Хайдеггер, М. Очерки философии. О событии. События и история / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 2006. – № 11. – С. 164 – 166.
287. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности: пер. с англ. / С. Хантингтон. – М., 2004. – 420 с.
288. Хаттон, П. Х. История как искусство памяти / П. Х. Хаттон. – СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2003. – 422 с.
289. Хвостова, К. В. Особенности византийской цивилизации / К. В. Хвостова. – М.: Наука, 2005. – 197 с.
290. Хвостова, К. В. Особенности истины и объективности в историческом знании / К. В. Хвостова // Вопросы философии. – 2012. – № 7. – С. 27 – 37.
291. Хомяков, А. С. Всемирная задача России / А. С. Хомяков. – 2-е изд. – М.: Институт русской цивилизации. Благословение, 2011. – 784 с.
292. Хомяков, А. С. «Семирамида»: Исследование истины и исторических идей // А. С. Хомяков. Соч. в 2 т. Т. 1. Работы по философии. – М., 1994. – С. 449 – 533.
293. Ципко, А. Противоречия учения Карла Маркса / А. Ципко // Через тернии / сост. А. А. Протащук. – М.: Прогресс, 1990. – С. 60 – 84.
294. Цунояма, С. Адзиарунэссанд (Азиатский ренессанс) / С. Цунояма. – Токио, 1995. – С. 98 – 114.
295. Цыганков, А. П. Несостоявшийся диалог с Фукуямой. О западных идеях, многокультурном мире и ответственности интеллектуалов / А. П. Цыганков // Вопросы философии. – 2002. – № 8. – С. 3 – 23.
296. Черкасов, П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. / П. П. Черкасов – М., 1995. – 439 с.

297. Черткова, Е. Л. Метаморфозы утопического сознания (от утопии к утопизму) / Е. Л. Черткова // Вопросы философии. – 2001. – № 7. – С. 47 – 58.
298. Черчилль, У. Мускулы мира / У. Черчилль – М.: ЭКСМО, 2002. – 528 с.
299. Чистанов, М. Н. Историческое сознание в поисках онтологических оснований / М. Н. Чистанов. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2006. – 146 с.
300. Чугров, С. В. Япония уточняет свою идентичность перед вызовами глобализации / С. В. Чугров // Глобальные вызовы. Японский ответ. – М., 2008. – С. 79 – 93.
301. Чумаков, А. Н. Глобализация и космополитизм в контексте современности / А. Н. Чумаков // Вопросы философии. – 2009. – № 1. – С. 32 – 39.
302. Чумаков, А. Н. Глобалистика в системе современного научного знания / А. Н. Чумаков // Вопросы философии. – 2012. – № 7. – С. 3 – 16.
303. Шеллинг, Ф. В. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг. – М.: Наука, 1966. – 496 с.
304. Шеррер, Ю. Переосмысление прошлого. Опыт собственной жизни / Ю. Шеррер // Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 22 – 26.
305. Шипунов, Ф. Мировое чудо. Русь самодержавная / Ф. Шипунов // Русский Восток. Газета русского национал-патриотического союза «Верность». – 1993. – № 7. – С. 3.
306. Ширманов, М. Ю. Историческое сознание общества / философский анализ дис. ... канд. филос. наук / М. Ю. Ширманов. – Ростов н/Д., 1983. – 170 с.
307. Шоню, П. Во что я верую / П. Шоню. – М., 1996. – 288 с.
308. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.

309. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М., 1996. – 416 с.
310. Шупер, В. А. Россия в глобализованном мире: альтернативы развития / В. А. Шупер // Вопросы философии. – 2008. – № 12. – С. 3 – 21.
311. Шюц, А. Избранное: Мир, светящийся смыслом: пер. с нем. и англ. / А. Шюц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.
312. Экштут, С. А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления / С. А. Экштут // Вопросы философии. – 2000. – № 8. – С. 79 – 87.
313. Эпистемология: перспективы развития / отв. ред. В. А. Лекторский, отв. секр. Е. О. Труфанова. – М.: Канон+, 2012. – 536 с.
314. Яковлев, В. П. Социальное время / В. П. Яковлев. – Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1980. – 160 с.
315. Ясперс, К. Всемирная история философии. Введение / К. Ясперс. – СПб., 2000. – 272 с.
316. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
317. Яхнин, Е. Д. Эволюция и будущее человеческого социума (общенациональная идея России в мировом контексте) / Е. Д. Яхнин // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 165 – 175.
318. Яценко, М. П. Историческое познание в условиях глобализации: монография / М. П. Яценко. – Красноярск: ИПЦ КГТУ, 2006. – 520 с.
319. Baudrillard, Y. The Spirit of Terrorism / Y. Baudrillard. – London, New York, 2002. – 120 p.
320. Beck, U. Cosmopolitan Vision / U. Beck. – Cambridge: Polity-press, 2006. – 120 p.
321. Bekker, C. L. Progress and Power / C. L. Becker. – Ams Pr Inc., 1949. – 147 p.

322. Brown, D. Contemporary Nationalism: Civic, Ethnocultural and Multicultural Politics / D. Brown. Routledge. – London, New York, 2000. – 208 p.
323. Brzezinski, Z. Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power / Z. Brzezinski. – New York: Basic Books, 2012. – 224 p.
324. Calhoun, C. Cosmopolitanism and Nationalism // Nations and Nationalism. – 2008. – № 14 (3). – P. 428–437.
325. Chomsky, N. Deterring democracy / N. Chomsky. – New York: Vintage, 2006. – 464 p.
326. Cristian, D. Maps of Time: An Introduction to Big History. / D. Cristian. – University of California Press. – 2011. – 672 p.
327. Crumley, C. L. Social Memory and History: Anthropological Perspectives, in Climo Y.Y., Cattell M. G. (eds.). Alta Mira Press, 2002. – 252 p.
328. Fuchs, S. Against Essentialism: A Theory of Culture and Society / S. Fuchs. – Harvard, 2005. – 398 p.
329. Giddens, A. Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives / A. Giddens. – New York: Routledge, 2000. – 124 p.
330. Hempel, C. G. Aspects of Scientific Explanation and Other Essays in the Philosophy of Science / C. G. Hempel. – New York, London: Free Press, 1965. – 505 p.
331. Hook, G. D. Hasegawa, H. Introduction // Japanese Responses to Globalization. Politics, Security, Economics and Business. – New York, 2006. – P. 5.
332. Seixas, P. Theorizing Historical Consciousness / P. Seixas. – University of Toronto Press, 2006. – 240 p.
333. The Globalisation of World Politics: an introduction to international relations / eds. John Baylis, Steve Smith, Patricia Owens. – New York, 2008. – 745 p.

334. Zakaria, F. The Post-American World. – New York, London.:
W. W. Norton and Company, 2009. – 336 p.